

Б. ПЕТРОВ
ЛИСТОПАД

2016

БОРИС ПЕТРОВ

ЛИСТОПАД

Повесть

— 12736 —

Сер 95

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЖАЗУШЫ“
Алма-Ата—1964

Повесть «Листопад», как и другие книги Бориса Петрова, — это рассказ о современной деревне, о ее людях.

Ольга Корнилова после окончания Высшей партийной школы направлена редактором газеты в Зеленодольский район. Все здесь напоминает ей село, где она до учебы работала секретарем райкома комсомола. Встречает она здесь и человека, которого любила, своего земляка Виталия Викентьевича Ворожева.

Ворожев — директор совхоза. Как хозяйственник он на хорошем счету в районе, имя его на Доске почета. Но в душе он карьерист. Главное для Ворожева — показатели. С людьми груб и высокомерен. Нужды рабочих для него на последнем месте. И Ольга, поняв это, вступает с ним в нелегкую борьбу. Находит в себе силы встать выше личного.

Автор повести живет в Целинном крае и хорошо знает жизнь села.

Августовский безветренный полдень горел за распахнутым в сад окном. Солнечные блики жарко плавилась по полу, накаляли дерматиновый валик дивана. Ольга убрала локоть, прищурясь посмотрела на большую карту области, висевшую в кабинете. Зеленодольский район лежал где-то возле верхнего обреза карты, в том месте, где голубая краска озер и зеленая лесов сливались в сплошные пятна. Дальше уже была граница: Северный Казахстан кончался.

На какой-то миг карта перед глазами Ольги точно ожила. Отчетливо встали хороводы белоногих берез в своем еще не тронутом дыханием осени зеленом убранстве, озера, обрамленные камышом, бурый, волнуемый ветром разлив хлебов. Даже горьковатый привкус степной пыли почудился на губах: до того зримым было представленное. Все знакомо, все будет напоминать ей родное Прирубжье...

Ольга отвела взгляд от карты, утвердительно тряхнула головой:

— Я согласна!

— Значит, Зеленодольск? Редактором, — заведующий отделом пропаганды обкома партии, вежливый человек в очках с трудновыговариваемой фамилией Старовойтовичев, как бы в знак того, что вопрос исчерпан, слегка пристукнул ладонью по тоненькой голубоватой папке с надписью «Личное дело». — Уверен, район вам понравится. Думаю, что и встретят вас хорошо. Ну, а все остальное будет зависеть от вашей энергии, — он улыбнулся. — Когда вас ждать на месте?

— Меня ничто не держит в городе. Могу поехать хоть сейчас.

Ольга встала, поднимая упавшие на щеки светлые волосы: небольшого роста, тоненькая, по-дорожному собранная. Девушка угодила в полосу жаркого света, и ее чуть скуластое лицо с прищуренными глазами и надломленной узкой бровью приняло выражение решительности.

— Зеленодольск — на железной дороге. Кроме того туда ходят автобусы. Кажется, два раза в день.

— Я выеду сегодня.

— Вот и отлично. Счастливого пути и успехов, товарищ Корнилова! Встретятся трудности, звоните в любое время, — и Старовойтовичев, поднявшись, протянул ей руку.

II

Пришлось долго толкаться в очереди за билетом, потом битый час торчать перед железными воротами при выходе на перрон. И Ольга почувствовала себя почти счастливой, когда наконец оказалась в тес-

новатом вагоне пригородного поезда. Есть свое удовольствие в этих последних минутах покоя перед отправлением поезда. Ольга затолкала на верхнюю полку багаж, положила на столик свежий номер «Огонька», купленный в привокзальном киоске, и сидела отдыхая возле опущенного узкого окна.

На соседний путь прибыл поезд дальнего следования, и розовый от закатного солнца перрон густо залила толпа. Люди тащили чемоданы, торопясь на посадку, бежали от продуктовых палаток, нагрузившись бутылками с кефиром, свертками. Проводник вагона, в белой куртке поверх форменного кителя, нес из кубовой ведро: на асфальт выплескивался кипяток. Кто-то кого-то звал, кто-то смеялся, кто-то прощально махал рукой, поднимаясь на носки.

Двое стояли под самым окном, притиснутые толчеей к вагону. Что-то в поведении незнакомых людей привлекло внимание Ольги. Это были пожилые люди: грузный мужчина в белом чесучовом кителе, с арбузом в сетке и скромно, по-дорожному одетая женщина с красивым, хотя и увядшим лицом и темными с проседью волосами, собранными на затылке в тугую жгут. Они держались за руки и молча смотрели друг на друга, совершенно не замечая царивших вокруг них толкотни и шума.

Была ли это встреча после долгой разлуки или наоборот нелегкое расставание — Ольга не успела понять: поезд тронулся. Толпа на платформе уплыла назад. За стрелками, вырвавшись из лабиринта путей, поезд стал набирать скорость. По обе стороны железной дороги в родниковой прозрачности вечера замелькали ажурные громады недостроенных заводских корпусов, циклопических размеров серебристые

баки. Вскоре панорама города осталась далеко позади, заслонилась лесом. Зеленоватый сумрак наполнил вагон.

— Здесь можно присесть?

Ольга оглянулась. В проходе стоял тот самый человек в белом чесучовом кителе, которого она видела на перроне. Зайдя в купе, пассажир повесил на крюк сетку с арбузом, снял соломенную шляпу и тяжело опустился на сиденье.

К концу лета быстро густеют вечерние сумерки. Бежавшие за окном перелески расплывались, теряли очертания на фоне блеклого льдистого неба. С каждой минутой острее делались запахи степи. Даже закрыв глаза, можно было угадать, где лес, где озеро, а где просто поле с его духмяным настоем трав и запоздалыми перепелиными криками. Ольга подставляла лицо прохладному упругому ветру, трепавшему ее волосы, незаметно поглядывала на соседа, который неподвижно сидел, опершись локтем о столик. Его крупное с запорожскими усами лицо, бритая голова казались высеченными из камня. Только брови, густые и разлетистые, напряженно сведенные к переносице, порой вздрагивали.

Ольга сначала ждала, что незнакомец заговорит, но потом мысли о предстоящей работе в незнакомом районе завладели ею, и она на какое-то время забыла о нем. Так они молча просидели с полчаса, разделенные узеньким столиком.

Поезд часто останавливался, купе постепенно пустело. Мужчина тоже вышел. Его долго не было, и Ольга уже подумала, не забыл ли он своих вещей. Но он вернулся, разостлал на столике газету и достал из сетки арбуз.

— Такой поезд, что и напиться негде. Каждый раз езжу и каждый раз ругаюсь: бачок с водой не додумаются поставить,— недовольно сказал он, открывая складной нож. Ловким взмахом развалил полосатый арбуз надвое, от одной из половинок отрезал ломоть, протянул Ольге.

— Угощайтесь!

Ольга отказывалась, но незнакомец оказался настойчивым.

— Берите, берите. За компанию. Теперь, раз уж почали — надо съесть. А вдвоем, глядишь, до места и справимся,— впервые усы его тронула улыбка, согнавшая с лица скульптурную суровость.— Простите за вопрос: не в Зеленодольск едете?

Ольга кивнула, удерживая двумя руками багрово-красный, униженный черными семечками ломоть арбуза.

— Я так и подумал: кто после Толкушей остается в поезде — значит, к нам.

— Вы из Зеленодольска?

— Старожил. Давайте, раз такое дело, знакомиться. Фамилия моя Кубрушко. Звать Василий Тарасович. Работаю директором автобазы. А как вас по батюшке?

— Называйте просто Оля.

— В гости сюда, Оля, или насовсем?

— Работать.

— Не по автомобильной части? Нет? Жалко. Специалисты нужны позарез. Да вы ешьте. Я вам из серединки вырежу, где семечек поменьше,— и Кубрушко придвинул к себе арбуз.— Кажется, ничего кавун попался. Продавец в ларьке все его ко мне подкатывал: думал, видать, что зеленый, норовил

сбыть. А я из принципа взял, проверить, какой он специалист по арбузам. И видишь — ему просчет. А нам — удача.

Разговорились. Ольге случайный попутчик сразу пришелся по душе, и она охотно рассказала о себе. Директор автобазы в свою очередь живо поддерживал разговор, даже шутил, но в глубоко посаженных глазах его хранилось выражение задумчивости, и Ольга чувствовала, что он думает о чем-то другом, хотя и старается не подать виду.

...В Зеленодольск приехали глубокой ночью. Ольга спрыгнула с подножки вагона, как в омут. Непроглядную темень лишь кое-где пронизывали острия станционных огней. В тишине лаяли собаки. Вскрикнул паровоз, уползая в ночь. Холодок одиночества кольнул Ольгу. Вспомнилась Алма-Ата, прощание с товарищами по партийной школе, прием в Центральном Комитете партии. И все это показалось таким далеким.

Поеживаясь от ночной сырости, она наклонилась, шаря ручку чемодана. Рядом заскрипел песок под ногами, багровая вспышка папиросы осветила знакомые запорожские усы.

— Давай-ка помогу, — сказал Кубрушко. — В гостиницу? Пойдем вместе.

III

Ольга проснулась от громкого чириканья воробьев под окнами. Сквозь щели в ставни глядело солнце. Белым пламенем дымилась никелированная спинка кровати. Часы показывали половину девятого.

Ольга встала, накрыла постель одеялом, взяла шершавое вафельное полотенце.

На кухне топилась плита, приглушенно гудела стиральная машина. Дежурная, подвязавшись передником, с красным от жары лицом, стругала ножом мыло. Ольга поздоровалась с ней, направляясь к умывальнику.

— А вам звонили из райкома, — сказала женщина, вытирая распаренные руки о передник. — Я хотела разбудить, а они не велели. Обещали сами зайти.

— Кто звонил?

— Овчинникова, Валентина Ивановна.

Ольга не стала расспрашивать. Само собой: приехал новый человек — и в райкоме интересуются. Вернувшись в комнату, она приводила перед зеркалом в порядок волосы и тут услышала странно знакомый голос.

— Выспалась? Можно к тебе?

В дверях, взявшись руками за косяки, стояла Валя Потанина — давняя ее подруга.

— Валя? — неуверенно произнесла Ольга.

— Узнала? А я уж думала: придется заново знакомиться.

— Глазам не верю, честное слово! Так это ты и есть Валентина Ивановна Овчинникова? Но почему?

— Что почему?

— Почему здесь? Почему Овчинникова?

— Сто тысяч «почему»? Муж попался с такой фамилией. Здешний.

— Ну, я рада, — Ольга шагнула к подруге с намерением обнять ее. Но та чуть отстранилась, в

напускном недовольстве свела круто выписанные брови.

— Погоди, сначала выговор сделаю. Я ее встречаю, жду на вокзале, а она, изволь радоваться, исчезла. И не побоялась, что ночь.

— Нашелся попутчик.

— Ах, уже и попутчик! Скоро. Это кто же интересно?

— Ваш работник. Директор автобазы.

— Василий Тарасович! В таком случае прощаю. И давай обниму сама! — Валентина Ивановна привлекла Ольгу к себе, чмокнула в щеку, критически оглядела.

— Ну-ка, какая ты стала после учения. Худущая, одни глаза. И не загорела вовсе. Называется на юге жила.

— Как ты узнала о моем приезде? — спросила Ольга.

— Позвонили из обкома, ну, я и вызвалась встретить. На машине прикатила, по всей форме. Даже букет с собой брала.

— Спасибо. Так ты теперь не в комсомоле?

— Возраст, Оленька, что поделаешь. У самой дома комсомоленок бегает. Заведую отделом райкома партии. Ну, а ты как? Рассказывай. Семейей не обзавелась?

— Студентам не положено. Буду здесь искать жениха. Поможешь? — отщупилась Ольга. Встреча с подругой показалась ей счастливым предзнаменованием: вот уже двое знакомых на новом месте.

Начали вспоминать прошлое, но Валентина Ивановна вдруг спохватилась:

— Оля, я за тобой. У меня завтрак на столе. Отвела сынишку в садик — и сразу сюда. Погрязла я в домашнем хозяйстве: купить, приготовить, накормить. Столько дел. А тут еще со строительством связались — и сами не рады.

Валентина жила совсем близко. Дом еще не был оштукатурен снаружи, но на окнах обжито белели занавески и пламенела, прижимаясь к стеклам, герань.

— Вот и мои хоромы, — шутливо и в то же время не без скрытой гордости сказала Валентина Ивановна, поднявшись на крылечко. — Ничего еще не сделано, и все некогда. Кручусь одна. Павел в командировке.

Она повела гостью по солнечным комнатам, пахнущим свежей краской, на ходу поправляла постели. И было заметно, что ей очень хочется, чтобы подруге дом понравился.

— Уютное ты свила гнездо, — с улыбкой сказала Ольга.

— Ох, рассказать тебе, как оно нам досталось. Сами глину месили, штукатурили, за маляров работали. Перепробовали строительные профессии все до единой. Три года ждем ордера. Надоело таскаться по частным квартирам. Хочешь моего мужа посмотреть? — Овчинникова показала на увеличенную фотографию над комодом: парень в украинской вышитой рубашке, с волнистым высоким чубом. На лице широкая улыбка.

— Ну как?

— На карточке хороший.

— И в жизни тоже.

— Где работает?

— На идеологическом фронте. Пропагандистом райкома. Сейчас в командировке. «Утрясает» сеть политического просвещения перед новым учебным годом. Ну, давай завтракать.

Сели за стол. Хозяйка ножом ловко разделила на большой сковородке глазунью, переложила подруге в тарелку.

— Оленька, ешь. Беру над тобой шефство: буду отпаивать молоком. Сынишка мой привык, пьет молоко прямо из-под коровы.

Ольга странно себя чувствовала. Осмотр дома, рассказы Валентины Ивановны о сыне родили смутную боль в ее душе. Это была зависть к душевной устроенности других и обида за свою собственную неустроенность—чувство, которое помимо воли при- тушило радость встречи с подругой. Чтобы не вы- дать своего настроения, Ольга послушно взялась за вилку и поторопилась переменить разговор.

IV

По пути в райком Ольга мысленно сравнивала Зеленодольск с Прирубеем. Тут многое казалось иным: улицы уже, скученнее постройки, большие деревья перед домами. На месте Зеленодольска когда-то был один из редутов знаменитой Горькой линии. Село лежало в низине, на берегу большого озера: матовая, будто дымкой подернутая гладь воды проглядывала в конце каждого переулка. И кругом, по всему горизонту, как расплывчатые мазки зеленой акварели — березовые перелески.

Одноэтажное деревянное здание райкома партии окружали высокие тополя. В палисаднике пестро

цвели космеи. Валентина Ивановна сорвала цветок, сунула коротеньким стебельком подруге в кармашек жакета.

— На счастье.

Прошли в приемную первого секретаря. Навстречу им с дивана поднялся рослый худощавый парень в спортивной куртке.

— Ты чего тут, Виктор? — спросила его Валентина Ивановна.

— Ожидание у парадного подъезда,— парень усмехнулся, показал свернутые трубкой листки, которые держал в руке.— С «заказом» Веры Васильевны. Слух есть, что она здесь. Уточни, пожалуйста, Валя.

— Сейчас узнаю. Оленька, ты присядь на минутку,— Валентина Ивановна придвинула подруге стул, взяла со стола какую-то папку и скрылась за дверью кабинета. Ольга села. Парень прошел через комнату, прихрамывая и поскрипывая протезом. Встал спиной к окну. С явным нетерпением поглядывал на дверь. Продолговатое, правильно очерченное лицо его хранило напряженность. Ольга попыталась определить кто это: агроном, учитель, работник райкома? На вид лет двадцать пять, войну захватить не мог, а протез?

Вышла Валентина Ивановна.

— Виктор, можешь не ждать. Вера Васильевна уезжает и просила материал оставить у нее в кабинете. Проходи, Оля,— она приоткрыла дверь, пропуская подругу, ободряюще шепнула: — Я доложила о тебе. Ни пуха ни пера!

Ольга открыла двери и очутилась в просторном кабинете, затененном тополями, Зорин — первый

секретарь Зеленодольского райкома партии — оказался почти таким, каким она его себе представляла из разговоров в обкоме и рассказов Вали. Средних лет, невысокого роста, плотный, с свежесвыбритым волевым лицом. На пиджаке спокойно сияла гранями золотая звездочка Героя Социалистического Труда с поблекшей от времени алой муаровой ленточкой.

Высокие правительственные награды с детства вызывали в Ольге какой-то священный трепет. Люди, носившие их, казались ей необыкновенными. И теперь секретарь райкома со звездой Героя вызвал в ней чувство невольного почтения. Она задержалась возле двери, но только на миг, и торопливо спрятала торчавший из кармана белоголовый цветок.

Зорин подошел к ней сам, протянул руку.

— Товарищ Корнилова? Рад познакомиться. С приездом. Как добрались, как устроились? — Пожатие его руки было крепким, голос звучал дружески. В зорких, с прищуром, зеленовато-серых глазах теплилась улыбка.

— Ну, проходите. Садитесь. Мы с Верой Васильевной нарочно задержались, поджидали вас, чтобы поговорить. — Секретарь райкома осторожно взял девушку под локоть, повел в глубь кабинета.

— Знакомьтесь, — показал он на сидевшую в кресле перед столом худощавую женщину с гладко зачесанными назад темными волосами. — Наша советская власть — председатель райисполкома.

Женщина стремительно окинула ее взглядом и, не вставая, протянула узкую сухую ладонь. Коротко отрекомендовалась:

— Новожилова, — и тут же спросила: — Бы из партийной школы?

Ольга почему-то не решилась сесть напротив нее в свободное кресло, отошла к окну, где стояли вдоль стен стулья. Сел и Зорин, но не за стол, а сбоку, как бы желая этим подчеркнуть неофициальность предстоящей беседы.

Воцарившееся минутное молчание нарушила председатель райисполкома:

— В газете работали?

Было что-то нетерпеливое в этом вопросе и во всей манере женщины держаться: Новожилова резко вскидывала голову, тонкие пальцы барабанили по подлокотнику кожаного кресла. Ольга, и сама незаметно проникаясь торопливостью, ответила, что не только не работала раньше в газете, но и вообще с журналистикой познакомилась только в партийной школе.

— Как же так? — вскинулась Новожилова и повернулась к секретарю райкома. — Мы же просили опытного редактора. С таким условием и прежнего редактора отпустили.

— Опыт дело наживное, — мягко возразил Зорин. — Товарищ Корнилова человек молодой, комсомольский работник в недавнем прошлом, энергии у нее хватит, надо полагать. Обсмотрится, привыкнет к обстановке, и все будет в порядке, — он улыбнулся, чуть даже подмигнул, совсем по-дружески, и вдруг перешел на «ты». — Впервые в этих местах? Раньше не бывала?

— Я из Прирубешского района, — сказала Ольга, чувствуя благодарность за эту его поддержку перед председателем райисполкома.

— Красивые места. Но и здесь не хуже. Одних озер сто двадцать!

— Федор Тимофеевич не привыкнет никак к лесам да озерам после своего степного края,— заметила Новожилова со скупой улыбкой.— А тут живешь и ничего не замечаешь. Посевная, уборка, зимовка скота, как в колесе. Оглядеться некогда.

— Я помню, в пятьдесят четвертом году работал я тогда директором совхоза. Встречаешь новоселов, и перво-наперво тебе вопрос: «А купаться есть где?», «А деревья тут растут?»,— допытывается иной, а сам смотрит вокруг, и такой у него кислый вид.— Зорин потер лоб ладонью, усмехнулся задумчиво.— Приходилось адресовать в будущее: — «Нет, но будет. Все в наших руках. Целину освоим, будут и озера и деревья. Если не леса, то сады обязательно». Так что природа — шутка не последней важности. Только пусть товарищ Корнилова не подумает, что мы тут одной природой живем. Природа природой, а вот как дела у нас? Будущему редактору наверняка интересно?

— Да, конечно,— Ольга поспешно кивнула, достала записную книжку.

— В обкоме познакомили с районом?

— В самых общих чертах.

— Ну, что ж,— Зорин слегка нахмурился, собираясь с мыслями.— Хозяйство большое: девять совхозов, четыре колхоза, РТС — на базе одной из первых в области машинно-тракторных станций, механический завод по ремонту и восстановлению тракторных и комбайновых моторов. Автобаза. С директором ее ты, кажется, уже познакомилась, как мне говорили.

— Мы вместе ехали в поезде.

— Кубрушко был когда-то здесь секретарем райкома. Старый коммунист. Что еще у нас? Крупный элеватор. Училище механизации. Сельскохозяйственный техникум. Есть лесхоз. Вот это, в основном, то, чем мы располагаем так сказать. Народ хороший, потрудились в этом году неплохо. Партийная организация крепкая, дружная, мне кажется. По показателям район, хотя и не на самом первом месте, но и не так далеко. Стремимся по крайней мере. Так, Вера Васильевна?

— Федор Тимофеевич скромничает,— отозвалась Новожилова.— Хлебом можем похвалиться с полным основанием. Средняя урожайность по области девять и шесть, а у нас десять с половиной центнеров. Вы это заметьте для себя, товарищ Корнилова. Я уже не говорю про «Лесные поляны», про Ворожева.

— А что «Лесные поляны»?

— Ну как же, слушайте, собрать по сто пудов почти со всей площади в условиях засушливого лета! Об этом писали между прочим.

«Ворожев»,— подумала Ольга и вздрогнула: кончик ее карандаша запнулся на клетчатой страничке записной книжки и громко хрустнул.

— Наше обязательство,— продолжал Зорин спокойно,— пять миллионов пудов хлеба, тридцать тысяч центнеров мяса, сто тысяч центнеров молока. За это бьемся. В этом главная задача. Здесь должны сказать свое слово и журналисты, внести свою долю участия.

Поднявшись, секретарь райкома взял с этажерки стопку газет.

— Последние наши номера. Посмотрите потом. Подписывает секретарь редакции.

— Слушайте, вам повезло,— вмешалась Новожилова.— Все условия: помещение отремонтировали. Другие ждут, а редакции — в первую очередь. Дровами обеспечили. Ни в одном районе нет такого внимания. И надо, чтобы соответствующая была отдача.

Ольга не могла понять, что от нее хочет эта женщина, и сделала вид, что занята сломанным карандашом. Минут пятнадцать говорили о предстоящей уборке, об Алма-Ате, с которой, как оказалось, немало связывало каждого из собеседников. Потом вошел райкомовский шофер и доложил, что машина готова.

— Хорошо, сейчас едем,— сказал Зорин и к Ольге: — Ну, что же, Корнилова, устраивайся; оглядись, пообвыкни. Будущее твое «хозяйство» тебе товарищи покажут.

▼

Валентина Ивановна повела Ольгу по кабинетам — знакомить с работниками райкома. В коридоре они едва не столкнулись с идущим навстречу плечистым человеком, одетым по старой районной традиции: темно-синий шевиотовый китель, бриджи и сапоги.

— Иосиф Григорьевич, погоди,— придержала его за рукав Овчинникова.— Женщины, а ты и не смотришь, бежишь. Нехорошо. Знакомься, наш новый редактор.

— Спешу, дорогая. Времени в обрез,— он махнул бумагами.— Договорился с машиной — в «Зарю»

подамся, к Дьячуку в гости, хотя вряд ли ему сейчас до меня. Висит на мне его персональное дело, как гиря.

Это был Мостовой — инструктор партотдела. Ольга выдержала нацеленный на себя откровенно любопытный взгляд.

— Слышал, слышал,— инструктор тряхнул руку.— Всегда рады, если кадры к нам. Хуже, когда наоборот. Значит, после школы сюда? С полной политической подкованностью? Это хорошо. Начальству представились, конечно?

— Федор Тимофеевич с ней беседовал.

— Ну и порядок. И мы еще потолкуем. А пока, извините, хоть и жаль,— бегу, захватить хозяина надо успеть, а то разъедемся в разные стороны — и на неделю.— Мостовой как бы для обоснования своей торопливости приподнял бумаги и двинулся по коридору, коротко поскрипывая хромовыми сапогами.

Дальше все вышло так: в отделе пропаганды подруги никого не застали, Валентину Ивановну позвали передать по телефону какую-то срочную сводку, и Ольга, чтобы не слоняться без дела, отправилась разыскивать редакцию одна. Удалось это ей без особого труда: свернула в один переулок, в другой и оказалась возле дома с вывеской, на которой отчетливо различались лишь два слова — «Знамя Октября». Открыв ворота, Ольга увидела обширный двор. Сразу при входе громоздились сваленные кучей березовые дрова двухметровки. Неподалеку стояла автомашинка ГАЗ-51 без кузова. Глубину двора занимали беленный известью домик под шиферной крышей и сарай, возле которого лежал большой

рулон газетной бумаги. «Типография», — догадалась Ольга, направляясь к высокому крылечку редакции.

По тропинке через двор навстречу ей шел человек маленького роста в парусиновом помятом пиджаке и нес бумажные ленты гранок. Поравнявшись, приостановился, привычно обронил:

— К нам?

И, не дожидаясь ответа, первым поднялся по истертым ступенькам. Он ввел Ольгу в комнату, где под чьими-то не очень умелыми пальцами постукивала пишущая машинка, кинул:

— Виктор, займись. — И ушел.

Печатавший на машинке поднял голову. Это был тот парень в спортивной куртке, которого Ольга встретила час назад в приемной секретаря райкома.

— А-а, — произнес он, вытягивая из-под валика машинки лист, — как говорится, мы с вами где-то встречались. Это для вас наши первые руководители сделали исключение и приняли, несмотря на то, что были, так сказать, на колесах? Вы, надеюсь, не за тем, чтобы предложить нам заказ или дать объявление в газету?

— Не за тем.

— И не просто из любопытства?

— У вас способность угадывать.

— Узун-кулак, что в переводе означает «длинное ухо». Беспроволочный деревенский телеграф. Реагирует на любую новость, в том числе и на такую, как приезд редактора.

— Вы верите в его точность?

— Как в часы.

— Ну, что же, не буду разубеждать, — Ольга подала руку. — Но узун-кулак, наверное, не устраняет необходимости познакомиться?

— Верещагин, литературный сотрудник, — парень встал, чуть поклонился с улыбкой. — Прикажете позвать шефа? Вернее, временно исполняющего обязанности.

— Зачем же? Я могу сама зайти.

— Одну секунду.

Верещагин постучал кулаком в стенку.

— Григорий Мефодьевич, на выход!

— Что там? — глухо донеслось из-за стены.

— Аврал, всем наверх!

В соседней комнате с минуту стояла тишина, потом послышался звук отодвигаемого стула, шаги.

— Идет, — сказал Верещагин, придвинув Ольге стул. — Товарищ Челпанов у нас несколько не в духе, но вы не обращайтесь внимания: редакционные огорчения. Мелочи.

В дверях показался человек в парусиновом пиджаке. Верещагин встретил его словами:

— Ну, друг, кончилась наша самостийность. Можно готовить дела к сдаче.

«Да, — подумала Ольга, — сюда следовало прийти с кем-нибудь из провожатых». Не по душе ей был такой разговор. Она заставила себя улыбнуться:

— А вы, по-видимому, острослов, Виктор?

— Думаете, это иглы? — Верещагин покачал головой. — Это защитная окраска, есего-навсего.

Маленькое остроносое лицо Челпанова хранило выражение безразличия. Но взгляд кольнул льдинкой.

— Чем можем служить?

— Пока я бы просто хотела познакомиться с сотрудниками, посмотреть на условия,— поднявшись, сказала Ольга.

Втроем обошли помещение редакции. Объяснения по-прежнему в полушутливом тоне давал Верещагин. Челпанов хмуро помалкивал. Вышли во двор. У входа в типографию их остановил цыгановатый мужчина в трикотажной затасканной рубашке, небритый и угрюмый.

— Григорий Мефодьевич, к твоей милости. От бухгалтера опять мне от ворот поворот. Хочешь, дам слово.

— Теперь не ко мне,— Челпанов взглядом показал на Ольгу.

Незнакомец стащил с курчавой головы кепку.

— Булыгин, моторист. Разрешите обратиться с просьбой, не знаю вашего имени-отчества.

— Корнилова.

— Очень приятно. Запомним и понадеемся, что женщина более чутко отнесется к работяге.

— А в чем дело? — заинтересовалась Ольга.

— Выяснить хотел, почему несправедливо со мной поступили.

— Кузьма, потом,— решительно вдруг отстранил с дороги моториста Верещагин, и Ольга успела заметить, как напряглись мускулы под рукавами его куртки.— Я объясню, я...

Ольга с Челпановым вошли в типографию. Пахнуло запахом краски и керосина. Помещение было разгорожено посередине дощатым невысоким барьером: в одной половине — темные от времени наборные кассы, столик ментранпажа, покрытый картоном,— это наборный цех. В другой — печатные

станки, бумагорезальная машина. На столах, на подоконниках — стопами бумага. Жужжит вентилятор.

— Ну-ка, принимайте гостей,— первый раз секретарь редакции улыбкой разлепил губы. В помещении было четверо девчат в одинаковых темных халатах. Одна из них, миловидная, с копной волос пшеничного цвета, охотно представилась:

— Аня Бойко.

Видимо, узун-кулак дошел и сюда. Девчата с интересом посматривали на Ольгу.

— Вера Ивашина.

— Безуглова Тося.

— Со всеми вопросами можете теперь обращаться к редактору,— сказал Челпанов, не глядя на девчат.

Вера Ивашина прыснула.

— Чего ты?

— Да так.

— Вера радуется. В нашем полку прибыло,— оглянулась с улыбкой на Челпанова Аня Бойко.— У нас тут одни женщины. Григорий Мефодьевич обижает. А теперь и в редакции изменение сил. Живем!

— Обидишь вас,— проворчал Челпанов.— Думаете, может, возможность выпадет сидеть сложа руки?

— А кто тут у вас за старшего? — спросила Ольга, почувствовав себя сразу свободно среди девчат.

— Был заведующий, да сократили. А теперь один бригадир, вот он,— Вера Ивашина показала на Аню Бойко.— Наш главный командир.

— Какой там командир, — девушка отмахнулась смущенно. — Сами все знают свои обязанности. И командовать не нужно.

— С делами справляетесь?

— Вроде, жалоб не особенно много, — Аня снова чуть покосилась на Челпанова. — Бывают, конечно...

— А сейчас чем заняты?

— Газету закончили, а сейчас другие заказы выполняем: печатаем бланки, формы. Работы хватает.

— Со шрифтами как? Можно, я посмотрю? — сказала Ольга, проходя за барьер.

VI

К концу дня Валентина Ивановна отыскала подругу в редакции. Ольга просматривала газетную подшивку.

— Извини, Оля. Закрутилась. Ну, как ты тут? Вникаешь? Обедала? Собирайся скорее, квартиру покажу. Нечего тебе мучиться в гостинице.

Разговор о квартире между ними уже был утром. Валентина Ивановна звала жить к себе, но Ольга отказалась: не захотела стеснять.

— Что за квартира?

— Старики, замечательные люди. Примут тебя, как дочь. Идем.

— Мне здесь долистать немножко.

— Пошли-пошли. Понравится комната — сразу перенесем вещи, — настаивала Валентина Ивановна.

Минут через двадцать они остановились возле небольшого домика с тополем в конце тихой окраинной улицы. Вошли во двор. Встретила их старушка: несла с огорода пучок моркови.

— Привела квартирантку. Хочет посмотреть комнату, — сказала Валентина Ивановна, показывая на подругу.

Хозяйка приветливо закивала, морщинистое лицо ее осветила улыбка:

— Проходите. Одна я дома. Старик травы накосить поехал.

Перед тем как шагнуть в полутемные прохладные сени, пахнувшие полынными вениками, Ольга на минуту задержалась, огляделась. Озеро здесь было совсем близко, сразу за огородом. В косых солнечных лучах вода отливала медью, точно сазанья чешуя. Едва различимые катились на противоположном берегу по грейдеру автомашины. Синела изломистая каемка леса. Кричали чайки, как на берегу моря.

Комнатка, которую сдавали старики, окнами смотрела тоже в сторону озера. Тут все дышало опрятностью и уютом: чистая скатерть на столе, чистые домотканые дорожки на полу, пикейное белое покрывало на койке. Над кроватью висели шинель и фуражка.

— Племянник бабкин вернулся из армии, подарил деду шинель, — перехватив вопросительный взгляд Ольги, сказала Валентина Ивановна. — Тут у меня, как резерв: приезжают командированные, и если нет мест в гостинице, — веду сюда. Ворожев жил, пока принимал совхоз.

— Ворожев? — Ольга вопросительно оглянулась на подругу. Второй раз слышит она сегодня эту фамилию.

— Валя, ты сказала Ворожев. Кто он?

— Директор совхоза «Лесные поляны». Между прочим, ты должна его знать: он твой земляк, из Прирубейя. Виталий Викентьевич.

Точно жаром обдало Ольгу, кровь застучала в висках. «Он! Но почему, почему здесь?»

— Знаешь?

— Слышала,— с подчеркнутым безразличием ответила Ольга и сделала вид, что внимательно рассматривает комнату. Валентина Ивановна поняла ее по-своему. Думая, что ее чем-то не устраивает квартира, обеспокоенно спросила:

— Не нравится?

— Нет, Валя, что ты. Я остаюсь здесь.

VII

На следующее утро Ольга поднялась рано. Прошла, теперь уже одна, по улицам села, тихим, умытым прошумевшим ночью коротким дождем. Позавтракала в чайной, где заспанные официантки еще только накрывали столы клеенками, и направилась в редакцию.

Девяти часов еще не было. В комнате за столом сидел один Челпанов, нахохлившийся, с перевязанным горлом. Он едва кивнул на приветствие и молча придвинул к краю стола папку и печать в затасканном мешочке.

— Что это? — не поняла Ольга, удивленная мрачным видом секретаря редакции.

— Редакционное хозяйство. Акта никакого не пишу, потому что мне его никто не писал. Сами разберетесь, что к чему. Здесь запас для следующего

номера. Мало, но сколько есть. Из пальца высасывать не умею. Все, что от меня зависело, я сделал,— голос Челпанова звучал глухо, бескровные губы еле шевелились.

— Вы куда-то уезжаете, Григорий Мефодьевич?

— Ангина. Ухожу домой. И вообще, у меня отпуск, путевка на руках в дом отдыха. Два года не пользовался отпуском. Имею право.— Челпанов поднялся, взял со стола кепку и разбитой походкой направился к выходу.

Ольга растерянно смотрела вслед. Затем, когда шаги смолкли за дверью, машинально подошла к столу, опустилась в деревянное кресло, машинально вынула из мешочка печать с канцелярской кнопкой на одной стороне потертого пальцами шарика. Задумалась на миг: для чего? Поняла: чтобы не ставить печать «вверх ногами». Взяв листок, приложила к печати. На бумаге остался чуть различимый круглый фиолетовый оттиск. Потом раскрыла папку. Взгляд ее упал на незаклеенный серый редакционный конверт с четко выведенной надписью: «Корниловой О. Л. Лично». Письмо ей. Но от кого?

В полном недоумении Ольга осмотрела конверт со всех сторон и только после этого осторожно извлекла свернутый вчетверо лист. Первые же каллиграфически ровные строчки заставили ее насторожиться.

«Тов. Корнилова! Состояние здоровья (я валюсь с ног) заставляет меня писать. Я хочу, чтобы вы знали положение дел в редакции. Не знаю, говорили ли вам в райкоме, но я два месяца вез на себе газету. И вообще прошлый редактор, который уехал на учебу,

только подписывал номер, а сам готовился к экзаменам и ничего не делал. Вы тоже опыта не имеете. Работать за кого-то у меня нет сил. И если вы все опять переложите на меня, я долго не протяну. Надо вам делать самой газету, не гнушаясь черновой работой. Поймите, я болен, но сижу здесь чуть не сутками. За газету отвечать, значит и работать. Хочу, чтобы вы, как новый человек, это учли и имели в виду.

Челпанов».

Ольга дважды перечитала записку. Работать. Делать газету. Отвечать. Для чего это все написано? Что за абсурд? Разве она говорила кому-нибудь, что намерена только подписывать газету? К тому же она пока и не редактор и до утверждения на бюро райкома не думает принимать дела.

Недоумение сменилось гневом. Первой мыслью было вернуть Челпанова, потребовать от него объяснения. Но Ольга сдержала себя. Глупо бежать вслед, да и он, вероятно, успел далеко уйти. С минуту она сидела, пытаясь втолкнуть записку в конверт. Потом встала, взяла со стола граненую стеклянную пепельницу с окурками, вывалила в корзину. Но застарелый табачный дух держался в комнате. Чувствуя легкое головокружение, Ольга подошла к окну, толкнула створку. Влажная утренняя свежесть приятно пахнула в лицо.

Окно выходило во двор, и было видно, как по тропинке от ворот к типографии гуськом, одна за другой, чтобы не замочить о траву босоножки, переговариваясь, спешат девчата. Впереди, как и по-

ложено бригадиру, в алой косынке на пышных волосах — Аня Бойко. Замыкающей Вера Ивашина: в руках узорчатая белая хлорвиниловая сумка. Девушка размахивает ею, что-то весело говорит, и все смеются. Вот они уже возле дверей. Постояли немного, ожидая пока Аня справится с замком, и так гурьбой вошли. Вера Ивашина задержалась, поправляя босоножку, потом вскинула голову, щурясь, глянула на солнце, как бы прощаясь на время, и последовала за остальными. Из открытых дверей донесся ее звонкий голос:

— Девочки, кто взял мой халат?

И другой голос разочарованно:

— Ой, опять сегодня эти бланки для элеватора. Скучно до чего.

Ольга и сама сквозь полуопущенные ресницы посмотрела на солнце, успевшее высоко всплыть над мокрой шиферной крышей типографии. На какой-то миг возникло непреодолимое желание уйти куда-нибудь далеко-далеко в степь, чтобы только небо в белесых перьях облаков вздымалось над головой да тихо шумел ветер.

В редакцию кто-то зашел, дробно простукали по коридору каблучки. Затем из-за стены донесся бой кремлевских курантов; это, очевидно, машинистка в соседней комнате включила радио. Начинался рабочий день.

Ольга вернулась к столу: надо было что-то делать с печатью. В коридоре снова послышались шаги. Дверь открылась, вошел Верещагин. Приостановившись у порога, поздоровался, окинул любопытным взглядом комнату и со знакомой усмешкой протянул:

— А-а, смена постов. И в соответствии с этим — свежий воздух? Неплохое начало. Новое руководство — новая атмосфера.

Не сгоняя с губ усмешку, немного волоча ногу с протезом, он прошагал через комнату, по пути захватил с этажерки старую газету, сложил ее в несколько раз и, подойдя к окну, сунул между подоконником и створкой, чтобы ее не захлопнуло ветром.

— Не замечаем мы красоты природы, а она повсюду, даже под боком у этого не очень веселого учреждения, именуемого редакцией, — сказал он с шутивым сожалением. — Девчата разбили клумбу, стараясь усладить суровый взгляд Григория Мефодьевича цветами, дабы меньше к ним придирались, а последний и в окно ни разу не выглянул, пока цветы не засохли. — Точно желая убедиться в том, что на клумбе действительно уже ничего нет, Верещагин перегнулся через подоконник, потом отошел от окна и сел на выдавший виды редакционный диван. Достал было папиросы, но, помедлив, сунул их обратно в карман, видимо, из побуждений тактичности.

Ольга следила за ним настороженно: с чем же этот явился? Может быть, тоже предъявит ноту? После нелепой писанины, которую ей оставил Челпанов, она ожидала чего угодно.

Ольга не удержалась от иронии:

— А вы не болеете, Виктор? А то, может быть, тоже на «бюллетене?»

Она невольно вложила в этот свой вопрос и частицу гнева, который все еще кипел в ней. Но странно, вызов ее не был принят. Верещагин только глянул многозначительно:

— Моему появлению предшествовал какой-то эксцесс?

Ольга, преодолев мгновенное колебание, протянула ему записку Челпанова. Верещагин развернул лист без заметного любопытства. Ольге показалось, что он не особенно и вчитывается, а скорее думает о чем-то другом. «Сколько ему лет?» — подумала она, глядя на уставшее лицо и уже чувствуя неловкость за свою резкость.

— Ну, как находите?

— Вообще-то вам повезло, — Верещагин, не сгоняя морщинок со лба, аккуратно вложил записку в конверт. — Обычно Григорий Мефодьевич не любит раздавать автографы. И вы спрячьте его подальше, потому что, я уверен, он потребует свое послание назад.

— Но, может быть, вы скажете, как мне все это понимать?

— Челпанов — ветеран районной журналистики, а газетная работа портит, вероятно, нервы. У Григория Мефодьевича хронический холецистит, еще какой-то «ит», кроме того, еще и рассеянность. Вот, пожалуйста: забыл оставить, — с этими словами Верещагин встал и вместе с конвертом положил перед Ольгой ключи от стола, нанизанные на блестящее металлическое колечко.

VIII

Приглашенных на бюро райкома было много, и Ольга не сразу протиснулась сквозь толпу. Кабинет первого секретаря перегораживали ряды стульев. Бюро еще не началось, Зорин разговаривал по

телефону. Валентина Ивановна, в темном костюме, строгая, раскладывала на маленьком столике бумагу, готовясь вести протокол. Члены бюро занимали места за продолговатым столом для заседаний, накрытым зеленой суконной скатертью. Здесь была Новожилова, заместитель председателя райисполкома Мурзаханов, заведующий партотделом райкома Ольхов, секретарь райкома комсомола Исаков, прокурор района Горбань; с последним Ольга не успела еще познакомиться и только по форменной тужурке с петлицами догадалась, что это он. Отдельно на диване сидели работники райкома: Мостовой, заведующий отделом пропаганды Беленков, в очках, похожий на молодого ученого, и муж Валентины Ивановны.

Все повернулись к Ольге едва она вошла: видимо, разговор шел о ней. Валентина Ивановна издала кивнула ободряюще. Чувствуя на себе любопытные взгляды, Ольга хотела присесть тут же, где-нибудь у входа, но Зорин удержал ее жестом:

— Ты чего на «камчатке» устраиваешься? Проходи сюда, — сказал он, положив трубку. — У нас там садятся те, кто вину за собой чувствует. А ты человек новый, грехов накопить не успела и должна быть на виду. Знакомьтесь, товарищи, это вот Корнилова и есть. Или уже знакомы?

— Знакомы, — за всех ответила Новожилова, бесполойно барабанив пальцами по столу.

— Легка на помине, — продолжал Зорин, когда Ольга прошла вперед и села. — Только что о тебе была речь. Из обкома интересуются, как ты тут себя чувствуешь. Я сказал, что освоилась, вошла в курс. И за дело берется. И нравится вроде. Правильно сказал?

— Правильно.

— Ну вот. Значит, остается узаконить тебя в должности — и все будет в порядке. А какое впечатление о нашей газете? — Зорин выжидательно прищурился.

— Мне трудно делать выводы, — сказала Ольга, подбирая слова, — но мне кажется, газета имеет возможность звучать громче. Как-то глубже вторгаться в действительность, если само это мое выражение не слишком громко звучит. — Она улыбнулась смущенно.

— Слушайте, надо об уборке писать, — метнула на нее требовательный взгляд Новожилова. — Люди смотрят газету и могут подумать, что у нас ничего не делается. Но это же неверно. Хотя мало, но что-то сделано.

— Мало, да, — согласился Зорин. — Об этом как раз у нас сегодня и разговор. А насчет вторжения в действительность... — он чуть задумался: — Это не громко. Жизнь куда богаче, чем мы пишем. Нужно лишь почаще оглядываться вокруг. И тут для газеты материалов — тьма. Бери знай. Как у тебя, Ольга Леопольдовна, с помощниками? Нашла общий язык?

Ольге показалось, что в вопросе секретаря райкома есть какая-то особая значимость. Она вспомнила записку Чалпанова. Сказать или не сказать? И не сказала.

— Пусть больше ездят, смотрят. Сама познакомься с районом. Машина у вас есть.

— Машина стоит, — сказала Ольга.

— Почему?

— Разрешите мне объяснить, Федор Тимофеевич, — заведующий отделом пропаганды поправил

очки.— Машина без резины. Старая износилась, пока возили дрова, а новой нет. Потребсоюз обещает.

— Помогите достать. Редакция должна иметь машину. Какие вопросы к Корниловой? — Зорин повернулся к членам бюро.— Нет вопросов? Стало быть, утвердим ее редактором. Других предложений нет?

Все молчали. Валентина Ивановна сделала подруге знак рукой: поздравляю.

— Хотелось бы поговорить с Корниловой в отношении кое-кого из сотрудников редакции,— Новожилова беспокойно двинулась на стуле, но, поймав выжидающий взгляд секретаря райкома, передумала.— Ладно, потом.

— Вопрос решен.— Зорин слегка пристукнул по столу ладонью.— Давайте дальше. Валентина Ивановна, зови народ.

Толпа, приглушенно гудевшая за двойными дверями, хлынула в кабинет. Двигали стульями, рассаживались. Съехавшиеся со всего района люди — а здесь были директора совхозов, председатели колхозов, секретари партийных организаций — словно прихватили с собой частицу степи: в воздухе повеяло запахом бензина и солнца. Выдубленные зноем, исхлестанные ветром лица замелькали перед Ольгой. Зорин представлял ее собравшимся, и она едва успевала отвечать на энергичные рукопожатия. Фамилии трудно было запомнить сразу, и она решила потом порасспросить кого-нибудь из соседей и записать.

Вот богатырского сложения мужчина с пересыпанными сединой темными кудрями, в сером, примятом за дорогу дешевом пиджаке протянул ей широкую, как плица, ладонь, представился:

— Буслаев, председатель колхоза «Луч». — И сел, заняв сразу два стула. Шумно перевел дыхание, точно скинул с себя ношу.

Ольга обрадовалась его могучей спине, как спасительному барьеру. Ей несколько по-иному представлялось утверждение на бюро в новой должности. Она волновалась, как перед экзаменами, входя сюда, ожидала вопросов. И то, что вопреки ее ожиданиям все вышло так просто — немного даже разочаровало. Но едва Валентина Ивановна открыла дверь, и люди стали входить,— чувство это отступило на второй план. Весь день не дававшая ей покоя мысль о Ворожее, о неизбежной встрече с ним вдруг переросла в тревожное ожидание: сейчас он войдет, она увидит его... Как с ним держаться, что говорить?

Знакомясь с каждым из этих чужих людей, она видела перед собой Ворожева. Вот уже почти все зашли. В дверях — последний человек.

Ольга замерла. Сердце словно остановилось на миг, звоном наполнилась голова. Ворожев!

Из сотен, из тысяч других людей отличила бы она его сразу по этой знакомой, крепко сбитой, повоенному подтянутой невысокой фигуре, по столь памятной твердости жестов, по волевому выражению лица. Он мало изменился внешне, разве только загорел. На лоб так же непокорно падала темная выгнутая прядка. Он имел привычку, Ольга хорошо это помнила, резко отбрасывать волосы назад рукой, особенно в моменты, когда волновался. Войдя в кабинет, Ворожев немного задержался у дверей, взглядом отыскивая свободное место. Кому-то с улыбкой кивнул, с кем-то поздоровался и потом осторожно пробрался по узкому проходу между стульями к ди-

вану. Там он сел, потрянул руки потеснившимся Мостовому и Ольхову и, слегка подавшись вперед, удерживая ладонью рассыпчатые волосы, заговорил с Зориным, видимо, объясняя причину своей задержки.

И все-таки он изменился за эти годы. Немного пополнил. Стал скуп в жестах. Или так казалось от того, что на нем не было уже офицерского кителя. Узкобортный пиджак и светлая шелковая сорочка с галстуком придавали его облику что-то новое. Ольга следила за ним из-за широкой спины председателя колхоза, всматривалась в лицо, ловила каждое его движение. Ей казалось, что даже голос Ворожева она слышит, хотя услышать было невозможно, потому что шум в кабинете еще не улегся. Рядом, как в бочку, гудел Буслаев:

— А ты не отпирайся, Веснин, подкармливает тебя мой сосед. То молочка подбросит, то творожку. В счет сверхпланового надоя. Вот вы и стараетесь. Говорят, дорожники туда всю технику бросили и сам Веснин в палатку переселился для форсирования.

— Кто говорит? — спокойно переспросил сидевший рядом Веснин — заведующий райдорстроем.

— Земля слухом полнится.

— Напрасно веришь слухам, Кузьма Петрович. — Молоко мы не бесплатно берем, а за свои любезные. И в палатку я не переселялся, живу дома, — голос дорстроевца звучал сдержанно. — А вот ты удивишь, действительно. Ребята мои обращались к тебе насчет овощей, ты же ведь не дал? Скажи.

— Не дал, — согласился Буслаев. — И не дам, если так будут просить.

— А как они просили?

— А как рвачи просят! Ты мне, я — тебе.

Дальнейшее объяснение Буслаева с дорожником оборвал требовательный стук карандаша о стол. Зорин выждал, пока установилась тишина, оглядел присутствующих.

— Все? Начнем, товарищи. Вопрос у нас сегодня один: уборка. Есть предложение, чтобы руководители хозяйств коротко доложили о положении дел. И давайте договоримся так: совещание это последнее. И речи — тоже. Выговоримся — и на том точка. Претензии, жалобы — все что есть — сразу выкладывайте. Потом никаких апелляций приниматься не будет. Уезжать отсюда с одной единственной мыслью — своевременно убрать хлеб. Ну, кто храбрый? Для затравки.

— Буслаеву надо предоставить первому слово, — отозвалась Новожилова, недовольно поглядывая на председателя колхоза «Луч». — Пусть отчитается. Слушайте, так же нельзя. Соседи рядом, в Камышинском районе, хлеб сдают. А у него напряжения не чувствуется. Я вчера была: тишь и спокойствие кругом. В такое время механик колхоза в гости уехал, а председатель с секретарем партийной организации командировку ему выдали. Добрые дяди.

— У человека несчастье в семье.

— А неподготовленность техники — это что, по-вашему, счастье?

— Кузьма Петрович, — сдержанно кивнул Зорин. — тебе начинать.

— Что ж, могу и я, — Буслаев грузно поднялся во весь богатырский рост, вытащил из кармана

потрепанную записную книжку, крупными слегка подрагивающими пальцами достал из старенького картонного футляра очки.

— А ты на память, на память,— посоветовал шутливо заведующий дорстроем.

— Память шутка ненадежная, может изменить, а тут требуется кое-кому большая точность,— ответил Буслаев, не поворачиваясь к соседу.

Новожилова опять не вытерпела:

— Бюро интересуется вопрос, когда начнете косить.

— А как срок подойдет, так и будем. А пока рано.

— Слушайте, товарищ Буслаев, вы никак не можете расстаться с «зеленым» настроением. Почему в «Лесных полянах» косят? И Виталий Викентьевич, насколько мне известно, уже три машины с зерном отправил на элеватор. Условия одинаковы. Понимаете в чем дело? Надо же все-таки и об интересах района думать.

Ольга заметила: Ворожев, шепотом разговаривавший с Ольховым, вскинул голову, услышав свое имя, чуть приподнял руку.

— Вера Васильевна,— две. На третью пороку пока не хватило.

— Пусть две. Важен сам факт. А у Бусласва, я уверена, подборщики не все на ходу.

— А он сам скажет. Кузьма Петрович, продолжай. Да не о подборщиках, а о людях давай сначала. С народом как у тебя? — сказал Зорин, придвинув к себе бумагу, и Ольге показалось, что он недоволю поморщился.

На протяжении всего заседания бюро Ольга сидела, склонившись над блокнотом. Записывала все подряд, чтобы только не встретиться взглядом с Ворожеевым. Но вот заседание кончилось, и людская толчея в приемной столкнула их лицом к лицу. Ворожев разговаривал с Новожиловой.

— Видите, Вера Васильевна,— сказал он, улыбаясь знакомой сдержанной улыбкой,— я же говорил: прирубеженцы охотно делятся кадрами. И оказался прав: еще одним моим земляком в Зеленодольске больше. Ну, здравствуй, Оля. Рад тебя видеть,— Ворожев дружески стиснул руку.— Давненько же мы не встречались. Сколько, погоди, прошло лет. Сразу и не вспомнишь. Подскажи-ка.

— Четыре,— тихо сказала Ольга, чувствуя себя, как на качелях. От этого пристального взгляда, от крепкого рукопожатия ее словно приподняло высоко вверх, сердце заколотилось. Теперь уже разговора не избежишь, и уйти нельзя. Остается взять себя в руки.

— Четыре года,— повторила она тверже.

— Вот видишь. А кажется, совсем недавно была в Прирубежье дивчина, заворачивала комсомолом, носвала за зеленый наряд поселка. А?

— Давно.

— Косу свою не обрезала в соответствии с криком моды? Нет. Ну, молодцом. Бежит время. У меня четвертый десяток на исходе. Не шутка. Поясница побаливает, и прыть уже не та,— Ворожев вздохнул, тия усмешку.— Это председатель райисполкома не хочет замечать возраста, ругает, как пионера.

— Наговаривай,— усмехнулась Новожилова.— Когда это я тебя ругала и за что?

— Бывало. Состоять в хозяйственниках и не штрафиться.

— Побольше бы таких «штрафников», не возражаю. Спалось бы спокойнее. Кстати, товарищ Корнилова, совхоз «Лесные поляны» у нас передовой. Вы это учтите. И если директор станет так же скромничать, как сейчас на бюро,— не особенно верьте.

— Вера Васильевна сразу председательской властью давит на печать,— рассмеялся Ворожев.— С землячкой мы договоримся. Писать о нас захочет,— пусть приезжает, посмотрит сама, пощупает все руками, как говорится. Я ведь знаю, журналисты на слово не очень-то и верят. Так, что ли, Оля? Ну, рассказывай, как живешь. Только давай отойдем в сторонку.

— Виталий Викентьевич, насчет фондов мы не дотолковались. И Федор Тимофеевич ждет,— напонила Новожилова с плохо скрытым нетерпением.

— Я на пару минут,— Ворожев взял Ольгу под локоть. Они отошли к окну, открытому настежь. Оба с удовольствием вдохнули сыроватый, отдающий лиственной прелью вечерний воздух.

— Значит, учеба закончена. Сияющие вершины науки взяты штурмом. Высшее образование. Вижу. Поздравляю! — дотронулся Ворожев до голубого ромбика на Ольгином жакете.— Я услышал и гадаю: она или не она? Был уверен, что ты и дальше двинешь по комсомольской линии, секретарем обкома куда-нибудь. Сменила профессию? Штык на перо?

— Пробую.

— Ты ведь и в Прирубжье, кажется, увлеклась. О Дробышеве писала, как он дома у себя развел сад. Мне даже запомнилось: «Галерея из винограда. Листья резные над головой, позолоченные осенью. На песчаной дорожке — россыпь солнца». Ты, наверное, и сама забыла, а у меня держится в памяти... Так что журналистская жилка не случайно одержала в тебе верх. А я вот директорствую. Завораживаю совхозом. Вгрызаюсь в производство, если можно так выразиться. Хозяйственником заделался с головы до пят.

Ворожев рассказывал о себе, о семье, расспрашивал, а Ольга только отвечала коротко: да, нет. И все порывалась прижать к разгоряченному лицу ладони. Попытки ее казаться непринужденной так ни к чему и не привели. Понимала: надо чем-то и самой поинтересоваться или хотя бы отвечать не так односложно, но не могла. Да и нетерпеливые взгляды, которые бросала в их сторону Новожилова, мешали.

— Виталий Викентьевич, идем!

— Прости, Оля,— Ворожев с сожалением развел руками,— финансовые вопросы. Есть возможность кое-что заполучить, благо все районное начальство в сборе. Нет, честное слово,— он улыбнулся,— не думал, не гадал тебя встретить. И главное, здесь.

— И я тоже.

— Жаль, потолковать не пришлось. Но это беда поправимая. Меня вытягивают сюда частенько. А лучше всего сама приезжай к нам. Приедешь?

— Не знаю.

— Приезжай непременно. Людмила узнает, что ты здесь, покоя мне не будет. Посмотришь моих

сынов. Два богатыря растут. Ну, ждем.— Ворожев извинился еще раз, попрощался, и они с Новожиловыми вернулись в кабинет секретаря райкома.

Ольга вышла на улицу. Напряжение лишь теперь ее покинуло, и все пережитое за день вдруг обернулось усталостью. Она остановилась возле оградки, чтобы передохнуть, собраться с мыслями. Ночь была уже по-осеннему свежа. Из-за изгороди тонко пахло землей. В сумраке белели космеи, точно кто-то нарывал бумаги и набросал в палисадник. На грейдере, как застоявшиеся кони, всхрапывали автомашины, снопы света кромсали темноту. Участники бюро разъезжались. Двое задержались возле того места, где стояла Ольга. Чиркнула спичка.

— Ну, я поехал. Бывай здоров,— голос и тяжелое дыхание Буслаева.

— А може, до меня, чайку попить? — тоже знакомый с напором на «о» басок Кубрушко — директора автобазы.

— Не до чаев, друг. Спасибо.

— Что так? Или настроения нет после «проработки».

— А я привык, Василий. Привык. Сам знаешь, четверть века в председательской упряжке — закалка. Когда и стегнут кнутом — не учуешь. Тебя погоняют, а ты знай себе налегай на гужи, как можешь. Привычка. Во всем привычка. Везде. И разная. Я как-то, года три назад, на огороде у себя боярышник срубил. Ребятишки яблони в питомнике достали, решили посадить, а он мешает. И так, знаешь, укоренился — ничем не возьмешь. Твердый, топор отскакивает. Умаялся я, весь искололся, пока убрал. Так ведь до сих пор дает о себе знать: нет-нет и вы-

лезет побег. Смотришь, к осени на нем уже и колючки. Живучий. А все потому, что привык. Никто не трогал.

— Мудрено говоришь что-то, Кузьма.

— Возраст. Хотя настроение «зеленое», зато сам старик. Как без мудрости?

— Да-а... Но колючки-то, все-таки, не забивают яблони?

— Не даю.

— И не должны. Привычка-привычкой, а время сильнее. Значит, от чаю — наотрез? В путь-дорогу?

— Надо.

Прохрустел песок под тяжестью шагов. Хлопнула дверца автомашины. Завыл стартер. От яркого света, ударившего в лицо, Ольга зажмурилась. Кубрушко заметил девушку.

— Оля? Кого-нибудь ждешь?

— Дышу свежим воздухом.

— Без привычки заморилась. Пойдем домой? Провожу.

Самое лучшее было, конечно, побыть одной. Но Ольга не сумела придумать предлог для отказа и молча пошла. Сзади взметнулись голубые мечи: прошмыгнул «газик», пахнув бензиновым дымком. Прощально замигал удаляясь багровый глазок стоп-сигнала.

В Доме культуры, в тот момент, когда Ольга с Кубрушко проходили мимо, кончился киносеанс. Вместе с музыкой и светом в распахнутые двери из переполненного зала хлынула толпа. Улица чем-то походила на железнодорожный перрон, и Ольге вспомнилось, как Василий Тарасович стоял с женщиной возле вагона. Почему-то сцена эта не забы-

валась. Ольга все время хотела спросить у Кубрушко, что за женщина с ним была. Сейчас она вдруг решилась:

— Василий Тарасович, извините за любопытство, с кем вы тогда прощались на вокзале? Я видела случайно, из окна. И не поняла. Но мне кажется, это было прощание. И необычное...

Кубрушко ответил не сразу. Приостановившись, закурил: огонек спички выхватил на миг из темноты его усатое сосредоточенное лицо. А когда заговорил, в голосе прозвучали нотки скрытого волнения.

— Ты угадала, Оля, это-таки и было необычное прощание. Прощание с молодостью. Объявилась она передо мной. Поглядели мы друг на друга десять минут и — в разные стороны...

— Вы любили эту женщину?

— Невестой была. Да, как в песне поется: по-разбежались стежки-дорожки.

— Почему?

— Давняя, Оля, история. А в то время далеко уводили людей дороги. Неправедные дороги. Время было такое: тридцать седьмой год. Сколько судеб изломано, сколько светлых человеческих намерений колесом переехано. Вот так и нас с Галей этим колесом зацепило. В канун свадьбы...

Кубрушко помолчал. Светлячок папиросы в его руке дважды описал полукруг: вниз и снова вверх.

— Может быть, тут и моя вина, — продолжал он после паузы задумчиво. — Может быть, все бы и по-другому вышло, сделай я этот шаг с женитьбой несколько раньше. Да не сделал. Тянул. Выбрали меня секретарем райкома партии. Молод. Работы — океан, а опыта — почти никакого. В водовороте дел

день и ночь. Минуты нет свободной. А женитьба не шутка. И время нужно, и квартиру нужно. Но вот решил наконец — точка: на повестку дня — личный вопрос. Помню, уже и соответствующий туалет завел. Галстуки тогда начинали входить в моду: купил себе галстук. Купил белые парусиновые туфли — тоже по моде. Принес коробку домой, хотел примерить покупки, а тут по мою душу и пожаловали. Заведующего райзо взяли, председателя райисполкома взяли: мой черед. Так жениховый мой наряд и остался. И невеста осталась. А дальше вышло так. Пока я осваивал лагерные «университеты» (а держали меня там на казенных харчах чуть не три года), Галья уехала. То, что на меня взваливали и не могли взвалить, ей выдали за чистую монету. Нашлись усердные. Постарались убедить: пасу на том свете телят, как тот Макар. Жди не жди — толку мало. Словом, вернулся я, а ее нет.

Он бросил докуренную папиросу, тут же достал другую. Несколько минут шли молча. Опять по грейдеру стремительно пронеслась машина, теперь уже «Волга». Кто-то из тех, что расходились из кино, пробовал насвистывать услышанную там мелодию. Ольга ждала продолжения рассказа с чувством вины перед своим спутником: растревожила сердце, заставила вспомнить прошлое.

— Галю я все же нашел, — сказал Василий Тарасович, когда они свернули с главной улицы. — Нашел аж в Средней Азии, в городе Термезе. Уехала она к сестре и там вышла замуж за военного. Прихожу на квартиру. Открыла она мне и обмерла; обрадовалась и глазам не верит: я это или не я? С моим отцом точно так было, это еще в первую герман-

скую войну. Написали с фронта товарищи, что убит. Дома его мысленно похоронили, в церкви отпели — и тут он заявляется. Оказывается, ранен был, попал к немцам, а потом бежал из плена и из-за хромоты получил увольнение. Он в дверь стучит, а мать боится открыть. Шутка ли, с того света человек вернулся.

Пришлось и мне объяснять Гале, что кроме грешной земли нигде не был. Кое-как пришла в себя. Зашли мы в комнату. В кроватке — ребенок. Взяла она его на руки и стоит, как на суде: вот, мол, смотри, какая я. А слезы душат. Начала объяснять, да я не дал. «Не надо, говорю, все сам знаю и не виню тебя ни в чем. А приехал за тобой. Без тебя не уеду». Было у меня и в самом деле намерение — Галю взять, чего бы ни стоило.

Пока мы сидели с ней, пришел муж. Лейтенант. Молодой парень. Насквозь пропечен солнцем: видно, прямо с занятий. И едва в дверь — к ребенку. Подхватил на руки, подкинул. И с самого как будто вся усталость долой. Счастьем весь так и светится. Семья. Дом! Не знаю, успела ли ему что-нибудь про меня сказать Галя, только принял он меня, как гостя. Велел на стол собрать. Посидели мы, выпили. И почему-то не решился я заговорить с ним о своих намерениях. Что-то словно ударило меня. Посмотрел я, как он с ребенком возится, с какой нежностью поглядывает на жену и так мне стало неудобно и тяжело. «За что, думаю, обижать его? Что он мне плохого сделал, чтобы я растоптал его счастье, отобрал жену, лишил ребенка? И о Гале подумал: не такая она, чтобы связать свою жизнь с кем попало. Вышла замуж — значит, человек по душе.

Короче, вернулся я из Термеза ни с чем. А тут вскоре война. Ушел я на фронт. Галю встретил уже потом, лет через десять. Хлебнула она горького: была с мужем на западной границе и с первого дня угодила в пекло. Сейчас живет в Ленинграде. Дети взрослые. Поехала к сыну в Новосибирск, в гости. И вот свиделись опять. Случайно.

Папироса у Кубрушко погасла. Он хотел прикурить, достал спички, но почему-то раздумал, шел с зажатым в руке коробком. Здесь, в боковой улочке, было совсем тихо. Звуки радио от Дома культуры едва доносились. Ольга слышала каждый свой шаг и шаги спутника на дороге, утрамбованной и накатанной машинами. Вдруг откуда-то, заставив ее вздрогнуть, с лаем вывернулась собачонка, кинулась под ноги. Кубрушко нагнулся, делая вид, что хочет чем-то запустить в собаку, и когда та трусливо юркнула в подворотню, усмехнулся:

— Ретивый сторож: толк не толк, а шумит.

— Василий Тарасович, скажите, вы столько лет не видели человека. Но ведь чувство у вас не прошло. Правда? До сих пор? — не удержалась снова от вопроса Ольга, занятая мыслями о только что услышанном. Неразделенная любовь; как это было созвучно со всем тем, что творилось у нее самой на душе. Но к удивлению ее, Кубрушко рассмеялся теперь уже без всякой натянутости и ответ свой обратил почти в шутку:

— Один мудрец, Оля, сказал: «Будь у меня возможность повторить свою жизнь сначала, я бы ее начал с того, что мне не удалось». А поскольку такой возможности нет: о чем речь? Да ты чего это допытываешься, а?

— Привычка журналиста.

Вскоре они простились. Ольга остановилась у калитки, слушала, как удаляются шаги Кубрушко. Тишина владела миром. Радио смолкло. Точно не желая нарушать ночного покоя, мягко постукивал двигатель на электростанции. Высокие звезды заворуженно гляделись в безмолвную гладь озера, проступавшую за огородами. Но вот на станции пронзительно свистнул паровоз, и этот отрывистый звук как будто порвал что-то в сердце Ольги. Она вспомнила свою сегодняшнюю встречу с Ворожевым, и внезапная горечь захлестнула ее. Чтобы не поддаться тяжелому чувству, не расплакаться, Ольга склонилась над калиткой, в темноте торопливо шарила вертушку, которую старик-хозяин только утром выстругал из пахучего осинового полена.

х

Ольга Корнилова принадлежала к числу людей, в чью жизнь в самом ее начале безжалостно вторглась война. Все, что было до войны, и теперь казалось ей чем-то светлым, манящим, как бывает светлой полоска неба в пасмурную погоду. И это потому, наверное, что тогда был отец, была мать, были их ласки и заботы.

Отцовскую любовь она впервые ощутила со всей силой тогда, когда едва не утонула в колодце. Вдвоем с соседским мальчишкой-сверстником они решили однажды проверить: не обратная ли сторона земли и не другое ли небо виднеется там, в таинственной глубине. Только и запомнила постукивание

деревянной бадьи о замшелые бревна сруба да голубой квадратик неба, стремительно улетающий вверх. Очнулась на руках отца: его щека колола лицо. Отец смеялся от радости и топал по комнате сапогами, измазанными глиной. А через несколько дней она с родителями стояла в гулкой толпе на железнодорожной станции, и отец, перепоясанный скрипучими ремнями, непривычно строгий, торопливо гладил ее по голове. Потом высоко подкинул на руках:

— Ну, живи, Олек. В колодцы не прыгай, а смелой будь!

Воздух дрогнул от тревожного гудка паровоза. Отец на прощание поцеловал их с матерью и побежал к медленно проплывавшим коричневым вагонам. Больше года жили они ожиданиями редких писем — треугольников, пока наконец деревенский почтальон не принес подписанный уже чужой рукой конверт с похоронной.

Мать почти не плакала. Но, видно, слезы не единственное выражение горя. Началось с того, что в доме появились пузырьки с сердечным лекарством. Потом мать слегла. Ольга возвращалась со школьной экскурсии, когда соседи ей сказали, что за матерью приезжала машина скорой помощи. Девочку пытались успокоить, но она, не слушая, бросила дома сумку с книжками и, как была в легком пальтишке, побежала следом. В районный центр, в больницу, добралась смертельно усталая, с заочневшими на осеннем ветру руками. Дежурный врач, пожилая женщина, отвела в сторонку, усадила, и по одному тому, как она ласково привлекла ее к себе, Ольга поняла: случилось непоправимое.

Сироту устроили в детский дом. Но сиротства в полном смысле она и не почувствовала. Был дружный коллектив, жизнь в котором не допускала одиночества и смягчала боль утраты. Ольга окончила семь классов, затем педучилище, и вот настало время, когда она вернулась на работу в то самое село, где жила с родителями. В солнечное утро первого сентября она появилась на улице, очень похожая на мать, которую все хорошо помнили: светловолосая, в строгом платье с белым воротничком. С замиранием сердца вошла в класс, где когда-то сама училась и куда столько лет подряд входила ее мать, и поздоровалась с ребятами.

Проработав год в школе, молодая энергичная учительница была избрана секретарем райкома комсомола.

То была незабываемая пора наступления на целину. Ольге нравились шумные собрания под открытым небом, разъезды по району, ночи у костра перед палатками новоселов, многочисленные встречи и знакомства.

Однажды проводила выездное бюро райкома в совхозе и перед возвращением домой забежала в столовую: за весь день в хлопотах не успела перекусить. В небольшом зале, еще пахнувшем краской, почти никого не было. Столик занимали девчата-строители в забрызганных известью спецовках, да возле буфета толклись двое подвыпивших парней. Один из них закуривал, собираясь уходить, и только ждал приятеля, который требовал у буфетчика по «сто граммов».

Ольга ела гуляш и чувствовала, как нарастает скандал. Пьяный уже стучал кулаком по прилавку,

так что позвякивали металлические чашки весов и вазы с конфетами, выставленные за стеклянной витриной.

— Сказано русским языком, ничего нет, — увещевал парня буфетчик — низенький круглый человек в белой поварской куртке. — Дал бы вам хоть по двести, но нет. И кончим, гражданин, на этом. Здесь клиенты. Люди пришли покушать. И не надо им мешать.

Ссылка на клиентов возымела внезапное действие. Пьяный повернулся к залу.

— Люди? — зло переспросил он и шагнул от буфета. — Сейчас я очищу помещение. А ну, вытряхивайтесь все!

Вид его не внушал ничего хорошего, и девчата-штукатуров как ветром сдуло из-за стола. Ольга осталась одна. С виду спокойная, но внутренне вся подобравшись, следила за пьяным. А тот подошел, с пьяной учтивостью спросил:

— Я же предлагал всем выйти. Гражданка плохо слышит? В таком случае, надеюсь, извинит меня? — и вдруг толкнул стол. Опасаясь за посуду, Ольга прижала ладонями клеенку. Успела заметить: из-за стойки на помощь протискивается буфетчик. Но еще раньше, чем он подоспел, другой незнакомый человек, в военном кителе без погон, в военной фуражке, неизвестно как появившийся в столовой, схватил дебошира за плечи. Коротким, но сильным движением отбросил от стола и спокойно посоветовал девушке:

— Вы ешьте.

Ольге хотелось как-то предостеречь неожиданно-го заступника, но он угадал ее мысли:

— Не беспокойтесь. Хулиган смел, пока не встречается отпора. Как ни странно, но в отношении этой категории людей наиболее вразумительным аргументом служит кулак. Кроме того, тип этот, я уверен, не настолько пьян, чтобы иметь дело с милицией.

Пьяный, в самом деле, хоть и сохранял воинственный вид, но скандалить дальше не решился, и вскоре оба дружка ретировались из столовой.

— Давайте знакомиться, — сказал мужчина, присаживаясь к столу, — хотя я уже и догадываюсь, кто вы, но разрешите представиться по всем правилам: Ворожев, директор промкомбината.

Фамилия эта была знакома Ольге. О новом директоре промкомбината, демобилизованном офицере, рассказала ей подруга Люся Сушкова — библиотечка парткабинета. Едва устроившись с работой, Ворожев записался в библиотеку и взял целую стопу книг.

Но оказывается, Люся уже рассказала ему о своей приятельнице, и Ольге пришлось не только дожидаться остывший гуляш, но и делать значительные поправки к этим явно преувеличенным сведениям о себе. Ворожев обедать не стал, купил папиросы, и они вместе вышли из столовой.

Транспорт в райкоме комсомола был весьма примитивный — лошадка. Поэтому Ольга предпочитала пользоваться попутными машинами во время дальних поездок. Расчет был и теперь «проголосовать» на дороге, чтобы добраться до райцентра. Но Ворожев сказал, что он на машине, охотно возьмет с собой пассажира, и что придется только подождать с полчаса, потому что отдал свой «газик» парторгу совхоза подскочить в бригаду. Беседуя, незаметно

прошли до конца улицы. Это было не так трудно: весь поселок насчитывал пока десятка два домов. Свернули в степь к видневшемуся неподалеку бурому холму-котловану. День клонился к вечеру. Волнами наплывал теплый, настоянный на травах ветерок, доносил издали рокот тракторов. В поселке дятлами стучали топоры. Точно огромное двухцветное одеяло разостлали было кругом, до самого горизонта: черные полосы — пахота, зеленые — целина. Первых — больше.

Котлован не был еще готов. В продолговатой, десятиметровой глубины ямине, вонзив в глинистое дно зубья ковша, стоял экскаватор. Тянулись во всех направлениях рубчатые следы самосвалов. Ворожев и Ольга постояли над ямой, как над кратером вулкана, поражаясь силе взрыва. Потом вернулись к подножию холма, сели на траву. Ворожев, разминая в пальцах сухую зеленовато-серую глину, задумчиво сказал:

— А я ведь вырос в степи. Помню, скот пас с отцом; как раз где-то здесь был отгон нашего колхоза, чуть не край света. И вот однажды поехал я в отару и на обратном пути заблудился. Ориентиров нет. Вокруг травяной разлив, как море. В какую сторону ни глянь — нет конца. Так до темноты и мотался. А ночью — волки. И хозяйничали же серые разбойники. Завывают на разные голоса, со всех сторон огоньки: целая иллюминация из волчьих глаз. А у меня даже спичек нет. На рассвете отец отыскал меня: забеспокоился, что долго нет, поехал навстречу. Вообще ночь была для меня не очень-то веселой. Но обошлось. Только ладонь болела. Конь рвался, а повод вокруг ладони был у меня намотан. — Воро-

жев улыбнулся, и с той же задумчивостью посмотрел из-под козырька фуражки на розовевшие в ко-
сых лучах солнца деревянные домики совхозного
поселка.— Знаете, Оля (он так и сказал: просто
Оля), откровенно говоря, плохо тогда верилось, что
будет время, когда электричество в степи засияет и
волки со страха поразбегутся.

Оказалось, что Ворожев коренной прирубевец
и только давно здесь не жил, с тех пор как перед
войной ушел в армию. Ольга узнала из его рассказов
трагедию, которую он пережил незадолго до демобилизации: его жена и ребенок погибли во время
землетрясения в одном из горных районов Средней
Азии.

За разговорами не заметили, как солнце скатилось к горизонту и от зубчатого гребня над котлованом
пролегли по траве прохладные тени. Заторопились в поселок.—А потом ехали вместе по перепахан-
ным тряским проселкам в доживавшем свой век
промкомбинатском газике, и Ольга с какой-то уди-
вительной для себя охотой выполняла команды
Ворожева, который сам вел машину: «держитесь
крепче», «не прижимайтесь к стеклу», «не высовы-
вайтесь». Все ей нравилось в этом человеке: собран-
ность, уверенные жесты, голос, по-командирски
твердый даже в обычном разговоре. Сколько было
поездов, сколько попутчиков, но первый раз не хо-
телось покидать продавленного жесткого сиденья.
Ехать бы так дальше, всю ночь...

По своей комсомольской должности Ольга не
раз мирила влюбленных, устраивала комсомольские
свадьбы, распутывала сложные узлы чужих отноше-
ний, чувствуя себя свободной от всяких сердечных

переживаний. Она искренне считала, что на ее месте
человек именно таким и должен быть. Даже немно-
го гордилась своей неуязвимостью. И вот неожиданно
и негаданно любовь пришла.

Теперь после каждой встречи с Ворожеевым Оль-
га долго не могла прийти в себя. Каких стоило
ей усилий, чтобы как-то случайно не выплеснуть
переполнявшее ее чувство. А встречаться приходи-
лось часто. Вдруг тесным оказался райцентр. Почти
ежедневно как-нибудь да сводил их случай то в
райкоме, то на собрании актива, а то и просто на
улице.

Ольга не сознавалась, что ищет встреч сама. Ну
разве она что-то предпринимала, чтобы пойти вместе
в кино? И не сговаривались, а как-то угодили вместе
на вечерний сеанс. Ворожев увидел ее из толпы у
кассы, показался издали и вот уже он рядом, в ру-
ках билеты.

— А ну, комсомолия, держи: взял за одним и
на тебя, чтобы не толкалась.

Это было обычное дружеское обращение: «комсо-
молия».

В один из последних осенних дней, а осень сто-
яла теплая, сухая — они так же незаметно оказа-
лись рядом во время воскресника: разбивали сквер
посреди поселка. Вместе копали ямы для деревьев,
вместе несли тополь с комом земли на корневище.
Ворожев держал внизу, где потяжелее. Когда дерево
опускали, он неуловимо как-то перехватил ствол и
руки Ольги оказались под его натертыми черенком
лопаты горячими ладонями.

В ней словно сдвинулось что-то с места, затрепе-
тало радостно. И хотя она тут же высвободила руки

и следующее дерево садила е-кем-то другим, но чувство ликования держалось в ней весь день.

Нет, не такими уж легкомысленными казались ей теперь девочки, которые приходили к ней в райком за советом по «личному делу» и которых она частенько сурово отчитывала за «глупости».

В тот вечер в Доме культуры проводился молодежный бал. Ольга шла с волнующей уверенностью: что-то сегодня должно произойти, решиться. Сдавая гардеробщице пальто, нетерпеливо, с замиранием сердца поглядывала на стеклянные двери в фойе: вот-вот покажется Ворожев.

Но выбежала Люся Сушкова: в красивом новом платье, в белых туфлях. Сияя от счастья, кинулась подружке на шею:

— Оленька, поздравь: замуж выхожу за Виталия Викентьевича!

Как громом ударило: Люся замуж за Ворожева! Ольга как стояла перед зеркалом, поправляя волосы, так и застыла с поднятой рукой. Никогда не внала, что такое обморок, а тут вдруг все поплыло перед глазами, качнулся пол. Едва удержалась на ногах. А Люся, не замечая, продолжала торموшиться:

— Идем в зал. Поздравь нас!

Ольга пошла, как во сне. Где-то глубоко в душе еще трепетала надежда: а вдруг это шутка? И сейчас, через минуту, все развеется. Но Ворожев подтвердил: да, женится и приглашает ее на свадьбу. Она нашла в себе силы поздравить и его и Люсю, а затем прийти к ним на свадьбу, но оставаться в районе не смогла. Просила перевести куда-нибудь в другое место, а потом подала заявление в республи-

канскую партийную школу. За все годы, пока училась, ни разу не приехала на каникулы, чтобы не встретиться с Ворожевым, чтобы все забыть. Поэтому же и отказалась от назначения в Прирубжье. Но то, от чего она убегала, дождалось ее здесь. И, оказывается, ничего не забыто, ничего не прошло. Время — великий исцелитель — не помогло.

XI

На первое производственное совещание — «летучку» Ольга пригласила всех. Оба коллектива — редакции и типографии — собрались вместе у нее в кабинете. Угадывалась какая-то межа, разделявшая тех и других. Работники редакции: Челпанов, Верещагин, заведующий партотделом Егорычев, накануне вернувшийся из отпуска, литсотрудник Васюков, корректор Зиночка и даже машинистка, седая и величественная Ева Демьяновна Завадская-Панич, как она подчеркнуто сухо представилась Ольге, занимали места возле стола. Девчата же, наборщицы и печатницы, держались отдельной кучкой, поближе к двери. Чувствовали они себя явно непривычно. Смешливая Вера Ивашина сидела с напряженным выражением на лице. Аня Бойко возилась до прихода сюда со шрифтом, не успела отмыть краску и прятала руки в карманы халата.

Ольга намеренно собрала всех вместе. Хотя она и была неискушенной в газетной работе, но понимала, что от характера взаимоотношений редакции с типографией зависит многое. Ей хотелось вызвать людей на откровенный разговор, чтобы по возможности сразу устранить всякого рода «трения», и она

прямо сказала об этом своем желании, попросив каждого высказаться.

В комнате воцарилась тишина. Было отчетливо слышно, как тикают маленькие настольные часы в прозрачном пластмассовом корпусе. Все почему-то смотрели на эти часы, словно о них шла речь. Егорычев даже повернул их циферблатом к себе, протянув через стол длинную худую руку.

Верецагин, отставив ногу с протезом, сосредоточенно трогал подбородок, порезанный бритвой. В этот раз держался он без привычной своей усмешки, словно чем-то озадаченный, и эта перемена в нем не ускользнула от внимания Ольги. Затянувшуюся паузу нарушил Егорычев. Поразглядев со всех сторон часы, он, точно спохватившись, убрал руку, и на смуглом продолговатом лице его появилась мягкая улыбка, которая, казалось, даже нескладность его фигуры сделала менее заметной.

— Я не знаю, товарищи. Отстал за месяц. Но, по-моему, надо потолковать о газете, о наших неувязках. И вообще.

— А что газета? — отозвался Верецагин. — Газета выходит. И пропорция выдерживается; поменьше своего, побольше казенного.

— Казенного? — не поняла Ольга.

— Знаете, — Верецагин в раздумье посмотрел на свои руки. — Это, конечно, не открытие. Но газету, по крайней мере нашу, как я успел убедиться, можно делать двумя способами. В первом случае достаточно дать передовую, какую-нибудь руководящую статью, сводку об очередной сельскохозяйственной компании. Остальное тассовский материал: международный обзор, советы специалистов, фотографии

о рыбаках Каспия или лесорубах Карелии. Правда, при этом подписчик охотнее всего будет пускать газету на раскур, зато спокойно: за тассовский материал отвечает ТАСС, за сводки — инспектор ЦСУ. Обоюдное: редакции хорошо и читатель не расстраивается.

— Ну, а второй способ?

— Второй несколько сложнее. Душа нужна. А главное, определенный риск. Вдруг да угодит острый угол.

— Ты погоди с углами. Морочишь голову, — перебил Челпанов, и маленькие глазки его недовольно блеснули из-под кустистых бровей, как два голубоватых стеклышка. Вопреки своим ссылкам на болезнь, ответсекретарь на следующий же день явился в редакцию. Ни в какой дом отдыха он не поехал и как ни в чем не бывало принялся за свои обязанности. О записке помалкивал. Ольга тоже сделала вид, что не придавала ей значения.

— Давайте, товарищи, по существу. Не будем отвлекаться, — продолжал Челпанов и уже строго окинул взглядом всех. — Время нечего терять. Редактор правильно заостряет вопрос на недостатках. А они у нас безусловно есть. Меры принять надо. И с типографией у нас не все отрегулировано. Я и сам не снимаю с себя вины, но и к бригадиру серьезная претензия. Без оперативности работает типография.

Среди девчат — движение.

— Какая тут оперативность, — отозвалась Аня Бойко, в забывчивости поправляя измазанной краской рукой косынку на пышных волосах. — Разрешите мне. Если уж говорить правду, то газета не из-за

нас одних запаздывала. Пусть Григорий Мефодьевич вспомнит, сколько раз приходилось на ходу выбирать материал и заменять новым. А сколько раз в макете оставались «окна» до самого почти выхода. Взять хотя бы последний номер. Как мы его делали? Пусть Васюкова скажет. Лида, скажи. Печатать уже начали, а нам передовую принесли.

— Ну-ну, зашумели. — Челпанов хотел возразить, но девчата заговорили наперебой, поддерживая бригадира.

— Мы стараемся, а материал держат — и ничего не выходит. А потом нас же ругают.

— А с электроэнергией что получалось? — Поднялась с места печатница Лида Васюкова. — Просто мучение. Не успеешь запустить полосу, а свет погас. Булыгину говори не говори, как горохом об стенку: вечно пьяный. И хорошо, что уволили такого.

— А он легок на помине, смотрите, — рассмеялась Вера Ивашина. Все повернулись. В дверях стоял моторист Булыгин. Когда он появился — никто не заметил. Лицо подпухшее, взгляд исподлобья, угрюмый, В курчавых цыганских волосах запуталась травинка. Видимо, спал где-то на земле.

— Вам что, товарищ? — поднявшись из-за стола, спросила Ольга, удивленная его внезапным появлением.

— Извините. Здесь собрание, — моторист обвел взглядом комнату. — Я, товарищ редактор, по своему делу. Насчет себя. Как вы скажете.

— Но вы же уволены?

— Это как же? Насовсем, значит?

— А ты думал с испытательным сроком? — усмехнулась Вера Ивашина и уже другим, сочув-

ствующим тоном добавила. — Мы же тебя, Кузьма Васильевич, просили. Помнишь, на профсоюзном собрании обещание давал. И все на ветер.

— Та-ак, — протянул понимающе моторист, убиравая руку, которой держался за косяк. Темное, одутловатое с перепоя лицо его, за минуту до этого хранившее безразличие, вдруг точно одухотворилось. Глаза сузились в злой усмешке:

— Вершки, стало быть, с поля вон, а корешки на месте. Плохо вы разобрались в арифметике, товарищ редактор. А нашему брату без арифметики никуда. Сдвоить надо? Надо. И строить — тоже.

Ольга не дослушала.

— В чем дело, товарищ Булыгин?

— А вы в стол гляньте. Откройте тумбочку, — посоветовал моторист с тем же злым прищуром. — Не здесь. Левую тумбочку открывайте.

Ничего не понимая, чувствуя нарастающую досаду, Ольга с какой-то странной для себя покорностью открыла дверцу. Склонившись, потянула к себе плохо выдвигавшийся ящик: там что-то звякнуло. Дернула сильнее. Из ящика выпала пыльная бутылка из-под «Столичной», покатила по полу. Егорычев ногой остановил ее, нагнувшись, поставил возле дивана. Все неловко молчали. На лице моториста было торжество. «Ну, теперь что скажешь, товарищ редактор?» — как бы спрашивал его победный взгляд.

Ольге показалось, что присутствующие что-то знают: слишком уж значительным было молчание. Чувствуя себя, как посторонний человек среди заговорщиков, она вытащила из ящика еще две пустые бутылки, встала, с намерением выкинуть их в окно:

ничего другого не сумела придумать, чтобы заполнить паузу. И тут произошло неожиданное. Верещагин, сидевший с самым, казалось, безучастным видом, вдруг поднялся, загородил ей дорогу.

— Зачем, Ольга Леонтьевна? — с улыбкой сказал он, забирая из рук у нее бутылки. — Зачем выбрасывать? Там камни, могут разбиться. Лучше сдать. Стеклопосуда принимается. И ларек отсюда недалеко. Разрешите, я поручу это дело Булыгину?

Что-то было в выражении его лица такое, что помешало Ольге возразить. Она вернулась на место. А Верещагин прихватил третью бутылку, тяжелее обычного налегая на протез, подошел к мотористу и стал засовывать бутылки ему в карманы.

— Первооткрывателю премия. Бери, Кузьма, немного добавишь — и сто граммов обеспечено. Только иди быстрее, а то закроют ларек на обед. — Он взял моториста за плечи, подтолкнул к выходу и, когда тот оказался за дверью, спокойно, как будто ничего не случилось, сказал:

— Можно продолжать. Инцидент исчерпан.

Моторист действительно не появился больше. Но атмосфера некоторой неловкости осталась, и Ольга, уже после того как «летучка» кончилась и все разошлись, не могла отделаться от чувства досады, почти огорчения. Какой же сюрприз ждет ее еще кроме этих бутылок? Она принялась самым тщательным образом проверять каждый ящик стола. Постучавшись, вошел Верещагин. Молча сел на диван, с минуту внимательно наблюдал, как она перебирает старые бумаги, заглядывает в ящики.

— Надеетесь найти еще?

— Как знать.

— Больше нет, — сказал Верещагин. — Всего три и было.

— А вы в курсе? — Ольга усмехнулась, не глядя на него.

— Участник, как говорится, событий. Повод: проводы шефа. Недоработка — оставлена посуда. Уважение, так сказать, к бутылке, даже к пустой. А может быть, своеобразное понятие связи между содержанием и формой.

— Вы проявляете определенную склонность к философии, Виктор.

— Кроме того отгадываю мысли. Хотите, отгадаю ваши? Сидите вы сейчас и думаете: ну и люди! Один черт знает что понаписал в первый же день; второй распивает водку в священном помещении редакции. Вот и свари с такими кашу. Так ведь?

— Почти угадали. Кашу не кашу, но газету делать, думаю, будет трудновато. Особенно, если стеклопосуда будет обнаруживаться в столах и дальше.

— Говорят, один знаменитый писатель перед тем как сесть работать специально выпивал бутылку шампанского. Для вдохновения.

— Может быть, существует обоснование выпивок вообще?

— И даже гимн Джону Ячменное Зерно. Кроме того, пьют от неудач в жизни. Короче, помимо брудершафта в этом кабинете, я еще выпивал и в чайной, и на квартире.

— Данные, конечно, важные, — иронически согласилась Ольга. — Только не совсем понятно, для чего вы их здесь приводите.

— Чтобы знали свои кадры.

— А Челпанов, очевидно, прав, склонность морочить голову у вас есть, — Ольга вытащила последние бумаги из нижнего ящика, морщась от пыли. Она уже с трудом выдерживала насмешливый тон в разговоре. Ее начинала раздражать злость на Верещагина. Держится так, словно ничего особенного не произошло. И ей почему-то досадно, что приходится разговор вести именно с ним. Кажется, будь на его месте другой кто-нибудь из сотрудников — чувствовала бы себя проще. Ну, что вот у него за этой усмешкой?

— Человеку свойственно казаться сложнее, чем он есть на самом деле. Вы согласны?

Ольга не успела ответить. Зазвонил телефон. Занятая чисткой стола, она отодвинула аппарат далеко от себя и не смогла сразу дотянуться. Трубку взял Верещагин. Поднес к уху, послушал, коротко ответил кому-то «есть» и только потом подал ее Ольге.

— Вас приглашают, — сказал он и на лице у него промелькнуло выражение не то озабоченности, не то непривычного смущения.

XII

Кабинет председателя Зеленодольского райисполкома показался Ольге небольшим павильоном сельскохозяйственной выставки. Снопки пшеницы, овса, проса, кормовых бобов стояли вдоль стен; даже черная квадратная железная печь не осталась свободной. В переднем углу, рядом со свернутым бархатным райисполкомовским знаменем, до потолка возвышалась связка зеленой широколистой кукурузы. На письменном столе лежали кукурузные початки,

похожие на маленькие золотисто-зеленые ракеты. От обилия выставленных напоказ даров земли в кабинете было тесно и немного сумрачно.

Новожилова, в темном костюме и белой блузке, с гладко зачесанными волосами, походила на строгаго экскурсовода. Она поднялась, порывисто подала через стол руку Ольге. Заговорила:

— Кое-кому кажется, что райисполком дублирует работу райкома. Ничего подобного. Я, слушайте, работала агрономом. Хозяйство было трудное. Людей не хватало. Но там, по крайней мере, круг определенных обязанностей. А тут — необъятное. Столько всяких дел, что хоть разорвись, все равно не успеешь. Вот собралась ехать в Дубравное и никак не вырвусь: осаждают всевозможными вопросами. Сейчас был у меня председатель поселкового совета, сообщает о позорнейшем факте. В лесхозе валился шквал. Нужно несколько бревен для ремонта. Но директор не дает транспорта, чтобы подвезти с деляны. В то же время он нашел возможным снарядить машину в город: продавать грибы. Это же тема для газеты. Готовый фельетон. Нет, просто возмутительно! Придется призвать товарища к партийной ответственности. — Новожилова потянулась было к телефону, но тут же передумав, махнула рукой. — Потом. Но я буду говорить с Федором Тимофеевичем. Этого так оставлять нельзя. Ну, а как у вас дела, товарищ Корнилова? Садитесь. Вы, слушайте, райисполком не забывайте. Сколько времени работаете и не зайдете. Нужд нет никаких?

— Нужд много.

— Тем более. Вам, слушайте, надо быть со всеми в контакте. Быстрее знакомиться с районом. — Ново-

жилова заметила, что Ольга с интересом поглядывает вокруг, и сразу оживилась: глаза заблестели улыбкой.

— Вот урожай нового года,— взяла она со стола початок.— Здорово, правда? Вы посмотрите, посмотрите: чуть не полкилограмма весом. И не откуда-то привезен, а наш. Выращен на обычной земле и в обычных условиях. Пожалуйста. Это из совхоза «Лесные поляны». Я дала задание Виталию Викентьевичу набрать с десятков самых лучших початков, отправим товарищам в область: пусть смотрят, на что способны зеленодольцы.

Ловким движением Новожилова развернула початок, обнажив белые ровные зерна, похожие на зубы ребенка.

— Вы попробуйте, какое зерно! Это же замечательно, если не будет морозов и вызреет; не стыдно послать на любую выставку. Лет пять-шесть назад о кукурузе в районе почти не знали. Пришлось поводить. И не только простых хлеборобов убеждать, но и руководителей хозяйств, специалистов. А теперь, пожалуйста, соревнование: каждый едет и везет с собой кукурузу напоказ. И вообще мы ушли далеко от того времени, когда район сеял одну пшеницу да овес и хлеба давал едва один миллион пудов. Это же скачок, слушайте! Вы были в «Лесных полянах»?

— Нет еще.

— Обязательно съездите. Это, можно сказать, наше лицо. Передовое хозяйство. За пределами области о нем знают.

Ольга держала в руках шершавый початок и ждала, когда Новожилова скажет главное. Ей не очень верилось, что председатель райисполкома при-

гласила ее к себе для того только, чтобы показать кукурузу. И она не ошиблась. Новожилова вскоре переменяла разговор. Быстро достала из стола несколько листов, соединенных скрепкой.

— Это статья в газету о выполнении районом обязательств по производству шерсти. Давно обещала. Но Верещагин меня подвел. Продержал сколько времени и ничего не сделал,— недовольно сказала она, протягивая листы.

— Верещагин?—переспросила Ольга.— При чем тут Верещагин?

— Ну, как же? Материал подобран, я сказала на что обратить внимание. А он как отнесся? О борьбе за породность овец — ни слова, меры по организации зимнего скота пропущены. Это же несерьезно, по меньшей мере. Ссылается на занятость. Слушайте, что за занятость?

Обе с одинаковым недоумением смотрели друг на друга. В первый момент Ольга не могла ничего понять. Потом вспомнила, как Верещагин приносил в райком «заказ» Новожиловой. Вероятно, об этом сейчас и речь. Готовил председательскую статью и не угодил автору. Ольга теперь уже с надеждой глянула на собеседницу: не шутит ли она? За что говорит?

Но в словах Новожиловой не было и намека на шутку.

— Слушайте, так нельзя: сегодня он не сделал одно, завтра другое. А потом вообще махнет на все рукой!

— Что же от меня требуется? — спросила Ольга, перелистывая статью, написанную размашистым верещагинским почерком.

— Пусть доведет до конца. Мы вас не отрываем: в самую напряженную пору сидите дома. Надо же хотя к поручениям относиться более серьезно.

— Верецагин работник газеты,— сказала Ольга, положив статью на стол.— У него свои обязанности. И заставлять его выполнять ваши не могу.

— Почему? — удивилась Новожилова.

— Вера Васильевна,— Ольге больше всего хотелось не сбиться с ровного тона.— Не думаю, чтобы это не было вам известно: статью в газету положено самим писать. А помочь — просят, а не обязывают.

Новожилова, не найдя сразу, что сказать, резко поднялась, почти вскочила. На продолговатом, смуглом от загара лице пятнами проступила бледность. Поднялась и Ольга. С минуту они стояли молча, разделенные столом; одна — еле сдерживаясь, другая — спокойная. Потом Новожилова отодвинула ящик стола и бросила туда статью.

— Ну, хорошо...

Что означало это «хорошо» — она не объяснила, торопливо пододвинула к себе другие бумаги, давая этим понять, что разговор окончен.

Ольга вышла из райисполкома с тяжестью на душе. В один день все: и история с бутылками, и это не очень приятное объяснение с Новожиловой. «Может быть, проще было взять статью, согласиться доделать?» — Она в раздумье приостановилась на крыльчке.— «Нет! Все правильно». Был уже конец рабочего дня и Ольга решила сходить в кино. Возле пестрого рекламного щита Дома культуры неожиданно столкнулась с Овчинниковой.

Валентина Ивановна выглядела необычно. Жакет в белых пятнах березовой пылицы, в волосах сере-

бряная нитка паутины. В одной руке сетка, полная грибов, в другой — охапка костяники с крупными вишнево-красными ягодами.

— Оля, вот кстати! А я хотела тебе звонить, на ужин звать,— обрадованно сказала она.— Ездил делянку выбирать. Ох, как хорошо в лесу! Ты посмотри, что я набрала. В степях у вас такого куда нет.— Валентина Ивановна увлекла подругу в сторонку и тут же на выступе кирпичной ограды принялась с сияющим видом выкладывать грибы.

— Обабок. Смотри, какой свежий, мясистый. А это — подосиновик. Жаль, сухих груздей мало. Они капризные. Где попало не растут. Набралась я сегодня. Ног под собой не чувствую. А не жалею. Люблю лес осенью: комаров нет, воздух свежий. Так бы и не выходила, честное слово. А это волнушки. Забавные, правда? Да ты и не смотришь вовсе. А я-то стараюсь. Что с тобой? — встревожилась Валентина Ивановна.— Чем-то расстроена?

— Это от приятной беседы,— через силу улыбнулась Ольга, взяв в руки крохотный, похожий на белую пуговицу, груздок.

— А что такое? Ну-ка,— Валентина Ивановна перестала разгружать сетку.

Ольга не очень охотно передала свой разговор с Новожиловой.

— Не расстраивайся ты, пожалуйста,— посоветовала Овчинникова,— из-за какой-то статьи переживать.

— Но это же неверно, пойми: человек руководит районом, думает над какими-то проблемами, а мысли из него должен излагать кто-то другой, может быть, менее сведущий.

— Ты же писать не будешь, знаю твой характер. А за других нечего страдать: пусть пишут, если дураки. У каждого голова на плечах. И у Виктора тоже. Идем. Я тебя забываю спросить: дров тебе нужно? Говори сколько. Я включу в список. А овощи нужны? Зима ой какая долгая! — Валентина Ивановна стала торопливо складывать грибы в сетку.

— Валя, ты хорошо знаешь Виктора? — оставив без ответа вопрос, спросила Ольга.

— Натворил что-нибудь?

— Почему обязательно «натворил»? Просто интересуюсь. Что он за человек? У меня сложилось впечатление, что как газетчик он способный. А в остальном?

— Тебе он сам ничего о себе не рассказывал? — поинтересовалась Валентина Ивановна.

— Нет.

— Со странностями парень. Но ты на него не сердись, если он даже и выкинет номер. Жизнь у него так сложилась: мальчишкой был под оккупацией, ногу оторвало миной. Насмотрелся всяких страхов. Рос без родителей. После сельскохозяйственного техникума приехал на целину. В совхозе не ужился. И в личной жизни тоже не повезло. Девушку встретил с ветром в голове. Сделал ей предложение, а она заявила: найду себе не инвалида. А ведь встречались сколько времени. Крутила парня. Представляешь, какой это для человека удар. Стал попивать. И вот такой колючий. И ведь ни с кем не поделится. Чуть что — душу на замочек.

«Ни с кем», — мысленно повторила Ольга, глядя, как подруга бережно завязывает полную сетку.

А дни стояли погожие. Косматое солнце колесом выкатывалось из-за перелесков и за весь свой нетопливый дозор по поднебесью не встречало на пути ни облачка. И вечером долго струились над землей прозрачные сумерки. Менялась и менялась, не тускнея, акварель заката. Небо из розового делалось пурпурным, затем светло-палевым с малиновым оттенком и наконец зеленоватым.

Кипела страда. На увале за озером работали комбайны. Рокот моторов доносился особенно явно по ночам, безветренным и теплым. И трудно было разобрать, где звезды, а где электрические огни. К элеватору непрерывным потоком катились машины с зерном, пыль добиралась с грейдера даже до глухого редакционного переулка.

Ольга, поотвыкшая от районных будней, опять переживала знакомую напряженность жатвы. Ей нравилась осень. В эту пору все как-то было в действии, увыстралось, казалось, сам ритм жизни. А дел было много. Когда-то она хорошо рисовала карты: по географии у Ольги в школе и в педучилище неизменно стояло пять. И здесь она вычертила карту района, положила на стол под стекло, чтобы отметить маршруты своих поездок. Две красные линии уже значились на карте, правда, не очень длинные: побывала в близлежащих селах. Вот и сегодня задержалась в редакции, ждала машину, чтобы поехать.

Вечерело. По двору протянулись тени. Хлопнула жалитка. Кто-то быстро взбежал на крылечко, затем постучал в дверь. «За мной», — подумала Ольга и.

взглянув, оторопела. В дверях стоял Ворожев. В клетчатой с короткими рукавами рубашке, заправленной в брюки, без кепки. Расстегнутый ворот обнажал коричневую от загара шею. Уже перешагнув порог, Ворожев, улыбаясь, постучал еще раз в дверь зажатым в руке ключом от зажигания.

— Можно? — Потом прошел к столу, протянул руку, шутливо заговорил: — Позавидуешь газетчикам. Все жарятся на солнце, а они посиживают в холодке. Понравился человек — вознесут, не понравился — низвергнут. Все в их власти. Над всеми их верх.

Ольга, как со дна омута подымалась: неловко ответила на рукопожатие, что-то невпопад сказала.

— Я за тобой, Оленька.

— Как за мной?

— Очень просто. По принципу: гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе. Ты же не хочешь к нам приехать в «Лесные поляны». Вот я и решил увезти силой. Собирайся!

— Но у меня другой маршрут. И я уже машину попросила.

— Маршрут всегда можно изменить. Людмила мне наказала: или с тобой приехать или ночевать где угодно. Надеюсь, ты не хочешь, чтобы я ночевал в поле? Нет? Ну-ка, давай, что там у тебя? — Ворожев взял ее плащ.

— Я даже не смогу сказать, куда уехала и где меня искать в случае необходимости. В редакции никого нет, — растерянно оглянулась Ольга. Нужно было возразить решительнее, отказаться от поездки, но помешало чувство радости, бывшее где-то глубоко внутри, и через несколько минут она уже уса-

живалась за воротами в газик-вездеход на покрытое ковром сиденье.

— Виталий Викентьевич, думаю, вы дадите мне возможность заглянуть домой? Должна же я предстать перед подругой в надлежащем виде?

— А не исчезнешь? Впрочем, ладно, — согласился Ворожев. — Но на десять минут, не больше.

В квартиру он не зашел, остался возле машины. Когда Ольга вошла в комнату, запоздалый протест овладел ею. Что она делает? Зачем едет? Отказаться, сослаться на нездоровье, на занятость. На что угодно. Но не поехать. Еще не поздно.

Нетерпеливый сигнал вывел ее из состояния раздвоенности. С минуту она напрягала память, забыв для чего сюда зашла. Потом взяла косынку, быстро вышла из дому и в ответ на укоризненный взгляд Ворожева с чувством подмигивающего волнения ответила:

— Я готова.

Выехали за село. Грейдер дугой огибал озеро. Медленно поворачиваясь, как на экране кино, отступала назад панорама Зеленодольска: пестрая россыпь крыш, купы деревьев, элеватор, похожий на серую скалу, позолоченную закатным солнцем. В машину врвался теплый ветер, налитый запахами озера. Ольга придерживала рукой волосы и с удовольствием поглядывала по сторонам. Ворожев перехватил один из ее восхищенных взглядов:

— Нравится природа?

— Очень!

— Я все время люблю. Сто раз проезжаю и не надоедает. Поглядишь, полюбишься — и кажется на душе легче. Как будто водой свежей себя окатил,

такое ощущение. Стекло не поднять? Машина встречная.

— Не надо.

Пронесся грузовик, с кузовом, полным пшеницы, обдал пылью.

— Сюда бы асфальт. А будет. Как выразился секретарь ЦК: «Хлеб пробьет дорогу». Года четыре назад, говорят, и грейдера не было. До «Лесных полей» тащились два часа на машине, а сейчас я успеваю за сорок минут, — сказал Ворожев, мягко переключая скорость. Голые по локоть, сильные, обметанные загаром руки шоферски привычно лежали на баранке. Ольга невольно замирала, когда он, не сбавляя скорости, гнал свой газик по самой кромке грейдера, обгоняя попутную машину. Казалось, один неверный поворот руля — и авария неминуема. Но проходила минута, глубокий кювет отодвигался вправо и состязавшаяся в скорости бортовая машина или бензовоз оставались позади. Ольга облегченно переводила дыхание. Быстрая езда несколько привела в порядок ее чувства. Ей было хорошо от этой распаханной степной шири, от хлеставшего в лицо упругого ветра. словно время повернуло вспять. Все было так, как и несколько лет назад: дорога, голос Ворожева, даже дым папиросы, которую он достал и закурил, придерживая руль одной рукой.

Выскочили на увал. Последний раз завиднелся совсем уже далеко Зеленодольск, блеснула розовым блеском овальная чаша озера. Дорога свернула к лесу. Пахло густым терпким настоем березовых листьев. Темно-зеленые, с чуть заметным золотым чепчиком колки стояли, как острова, в разливе хлебов. Обогнули один, тут же второй подступил к дороге.

Солнце тоже осталось за увалом. Первые прозрачные, будто ключевая вода, вечерние сумерки заливали землю.

— Скоро начнутся мои владения. У нас места еще лучше. Не зря совхоз назван «Лесные поляны». Я предлагал нашим руководителям: организуйте районный Дом отдыха. Место выделю не хуже чем где-нибудь на юге: будет и вода и лес. Все что угодно. Не нужно ездить за тридевять земель отдыхать, — сказал Ворожев, проводя машину с прежней стремительностью возле самой кромки леса. Ольга пригнулась. Ветки старой березы, свисавшие над дорогой зеленой шалью, прошумели по брезентовому тенту.

— Не дурак был помещик, — продолжал Ворожев. — Знал где выбирать имение. Тебе не рассказывали историю «Лесных полей»? Бывший конный придворец казацкого полковника Горбачева. Сбежал он с козачками. Племенных лошадей разводил. Старик еще помнит его. И из построек кое-что сохранилось, контора, например. Конечно, полковник не узнал бы сейчас бывшего своего имения. Место подыскал хорошее. Приедешь — убедишься. Охотнику раздолье. Зимой зайцы, лисы, дикие козы. А теперь еще и сохатые появились.

— А разве лосей можно стрелять? — поинтересовалась Ольга.

— А чего ж? Пожалуйста. У кого семь тысяч рублей лишние есть. Ворожев весело прищурился от мысли. — А зверь мощный. Один раз я вот так же сидел на машине, а он стоит недалеко от дороги. Рост примерно метра в два, ноги стройные. Красавец. Нос, как из металла отлитый. И у меня с собой, как

на зло, ничего кроме заводной ручки. Особенно жалю, что не было фотоаппарата. Снимок бы получил — чудесный. Но портят зимой сено, черти. Стога разбивают. Я уж подумываю подстрелить одного. И оправдание есть: ущерб наносят хозяйству. Замаскироваться в омете, жакан хороший. И трофей обеспечен. Да что я тебе толкую, — спохватился Ворожев. — Ты же не охотник. Давай рассказывай сама, как дела.

— Осваиваю район понемногу.

— В «Заре» была у Тюрина? Как он там, чем похвалился?

— К сожалению, его не видела.

— В разъездах, небось? Рабочую силу кланчит. Весь райцентр на него работает. Обещал первым уборку закончить. Поглядим — увидим. Может, и потягаемся. Ну, а как ты с работой управляешься? Видел газету с твоей подписью: редактор Корнилова О. Л. Обычно я районную газету не очень внимательно разглядываю, а тут прочитал. Молодец. Инициатива чувствуется. И критика есть. По директору элеватора проехали правильно. Даже местных поэтов на свет божий вытащили. А я думал, журналисты одни только и пишут все. И статьи, и жалобы.

Опять пронеслась мимо встречающая машина. Опять пахло пылью. Ворожев погрозил шоферу пальцем:

— Мой ухарь. Везет зерно и не закрыл брезентом. Оля, тебя не укачало?

— Нет, — поспешила ответить Ольга. Как давно когда-то ей хотелось, чтобы не было конца дороги, чтобы звучал рядом голос Ворожева. Но вместе с чувством радости держалась тревога. Ничего не

осталось у нее от тех барьеров и баррикад, которыми она себя ограждала столько времени: все рухнуло. Было поздно жалеть, да она и не жалела, только боялась, что это странное, похожее на сон возвращение к прошлому вот-вот оборвется. И оно оборвалось, едва за одним из поворотов дороги лес расступился и сквозь загустевшие сумерки звездами сверкнули электрические огни поселка.

— Ну, вот и мои пенаты, — сказал Ворожев, остановив машину возле крайнего на улице особняка с ярко освещенными окнами. — Сейчас покажется хозяйка.

Люся выбежала на крылечко в белом переднике поверх нарядного платья, обняла подругу. От ее рук пахло лавровым листом и луком.

— Наконец-то! У меня все остывает. Сто раз выбегала: где ты, Витя, так задержался? — с укором повернулась она к мужу.

— С нее спрашивай, не хотела ехать, силой увез. Если учесть, что я не обладаю опытом в разговорах с девушками, то можешь представить, каких трудов это мне стоило, — шутливо ответил Ворожев, усаживаясь в машину, чтобы отогнать ее в гараж.

Ольга не узнала Люсю Сушкову. Тогда, в Прирубжье, Люся была девчушкой, застенчивой и такой худенькой, что врач-рентгенолог районной больницы, приходя в библиотеку парткабинета за книгами, каждый раз предлагал «просветить»: нет ли процесса в легких. А теперь перед ней стояла полная молодая женщина с раскрасневшимся от плиты цветущим лицом.

— Ой, как я рада, Оленька, как рада! — взволнованно говорила Люся, увлекая гостью в дом. —

Представить не можешь, до чего скучаю по Прирубью. Третий год, и не могу привыкнуть. Я покою не давала Вите, когда узнала, что ты здесь. Сама хотела поехать, но с ними разве вырвешься? Ни на шаг не пускают из дому. Видишь, так и стерегут.

В дверях стояли два мальчугана и ревниво поглядывали на мать. Ольгу так и кольнуло: до того младший был поразительно похож на отца. Она присела на корточки, одного подхватила на руки, второго привлекла к себе и поцеловала в тугую щеку.

— Чудо-ребята, — сказала Ольга и, отпустив малыша, прошла в комнату с чувством ревности, мгновенным и острым, как нож.

Пока радовались встрече, наперебой спрашивали друг друга: «Ну, а как ты живешь?» — «А как у тебя?» — вернулся Ворожев и сразу потащил Ольгу смотреть библиотеку.

— Вот, собираю. Привычка. Не могу читать книги, взятые из библиотеки: только свои и только купленные самим. Жена ругается: расходы.

Библиотека была большая: три шкафа и стеллаж. За стеклами переливались позолотой красиво подобранные переплеты. Ворожев открыл один за другим шкафы, осторожно трогал книги.

— Здесь у меня классики. Здесь — политическая литература. Дальше — специальная, по сельскому хозяйству. Отдельно — советские писатели. Модных переводных романов не признаю.

— Витя, недолго, пожалуйста. Пельмени кипят, — предупредила Люся и побежала на кухню, где призывно брякала крышка кастрюли.

Вернулись к столу, празднично накрытому белой скатертью. Люся расставила закуски, принесла блю-

до с дымящимися пельменями. Вместе со взрослыми чинно устроились за столом и оба малыша, вооружившись вилками. Ворожев откупорил бутылку с вином.

— Мы по сибирскому обычаю: нет стола без пельменей. Я, Оленька, сам лепил. Спроси-ка у Люси, кто больше сделал, — весело говорил он, разливая вино в рюмки.

— Прошу, за встречу!

Ольга сделала глоток, закашлялась. Невпопад ловила вилок скользкий груздок. А Ворожев сыпал ей в тарелку пельмени, укоризненно говорил:

— Зло нельзя оставлять. Что же это ты? Придется тебе поучиться у своих подчиненных: там есть на этот счет мастера.

— Мы с ней допьем в следующий тост, — заступилась за подругу Люся.

Стали вспоминать Прирубье, общих знакомых. Люся взгрустнула:

— А все-таки там было лучше. Пусть материально труднее, квартира меньше, а все равно хорошо. Я так скучаю. Привыкнуть не могу.

— Да, Оленька, ты же не знаешь еще, как мы оказались в этом районе, — сказал Ворожев, играя хрустальной рюмкой. — Не перевели меня. Нет. Сам напросился. И вот почему. Все мы говорим о борьбе за крутой подъем сельского хозяйства. Все понимаем — поднимать надо. А вот все ли полностью все делаем для этого, что можем? Задумался и я. Работую директором промкомбината, делаю кирпичи, катушки наленки, шью одежду — все это имеет отношение и к сельскому хозяйству. Но не передний край. Во время войны я три года отмотал на передовой, не

прятался за чужую спину. Почему же, думаю, теперь должен оставаться во втором эшелоне. Люди к нам едут из Москвы, из Ленинграда. Берутся за хозяйства. А разве я не смогу? Генерал в соседнем районе совхоз принял, всю жизнь прослужил в армии, в деревне только родился. А я младший агроном, как никак, а главное — коммунист. Попробую. Короче, попросился. Просьбу мою уважили. Готов был пойти рядовым агрономом. Но предложили хозяйство. В обкоме разговор вели. И вот попал сюда, в «Лесные поляны». Принял совхоз. Трудновато пришлось. Название совхоза красивое, поэтическое: «Лесные поляны», а вот дела оказались сугубо прозаическими. Привыкли жить тихо. Скажут — сделают. Не скажут — сами не напрашиваются. Как говорится: на самом что ни на есть среднем уровне. В самом спокойном уголке. Слова за себя боялись замолвить. Нет, думаю, с таким настроением высоко не взлетишь. Тут и пошуметь придется и локтями поработать, а может быть, кое-кого и плечом толкнуть. Жизнь. Сам не подашь голос — никто за тебя не крикнет. Братся за дело надо было, засучив рукава. Ну-ка, подвинь сюда свою рюмку, долю. Да выпьем под сибирские пельмени, пока не остыли. — Он взялся за бутылку. Подняли тост за гостью.

— Богатым дядей становлюсь, Оленька, — продолжал Ворожев, воспользовавшись паузой. — Взял шефство над одним из городских интернатов. Встречают меня там, как купца. Директриса особенно старается, готова расцеловать. Причину я знаю, конечно: выдонтить хочет от меня побольше. И ведь хитро делает. Не сама просит, а ребятишек подошлет; а они хором да в стихах расхваливают совхоз. Как

тут откажешь? Выколотили духовой оркестр, теперь на пианино метят. И, кажется, своего добьются. Ну пусть, детям не жалко. Но вот газетчики до меня добрались — это похуже ребятишек. Как-то застучали утром, в конторе, едва отбил. Один с карандашом к тебе, второй с микрофоном, третий фотоаппаратом прицеливается. Оказывается, хлопотная эта штука — слава. Не знал. Да если еще в республиканском или во всесоюзном масштабе. Не позавидуешь, кому выпадет.

Он немного охмелел, стал оживленнее. Чаще привычным взмахом руки поправлял темные рассыпчатые волосы. Мягче стали черты лица. Вино придало немного смелости и Ольге. Подмывало желание взглянуть Ворожеву в глаза, показать ему, что она не просто слушает, а с глубоким интересом ловит каждое его слово, принимает близко к сердцу все, что он говорит.

— В общем «хозяйную», как говорится. Если заинтересуешься показателями, я потом дам тебе цифры, а пока без преувеличения и без ложной скромности могу сказать: кое-что сделано. Сейчас в общем балансе района «Лесные поляны» весят порядочно.

— Витя, посмотри, — перебила мужа Люся и показала на сыновей. Младший, сломленный усталостью, спал, уронив голову на стол. У старшего слипались глаза. Ворожев отнес мальчиков в постель, вернулся к столу с жарко сиявшей золотом медалью.

— Такие вот дела, товарищ редактор. — Золото начинаю зарабатывать. Недавно прислали за результатами прошлого года вместе с телевизором. Кое-кто советует дырку на пиджаке готовить для ордена. Ор-

ден, может быть, рановато. Но если дадут, не откажусь. Как старые люди учат: сам награды не проси, но и не беги от нее.

— А может, хватит о делах, Виктор? — укоризненно сказала Люся. — Ты нам с Олей не дашь поговорить. Прямо монополист какой-то.

— Замечание принимается. Хватит так хватит, — согласился Ворожев и, затушив папиросу, стал открывать бутылку с шампанским.

Сидели долго. Опять вспомнили Прирубжье, пересказывали смешные истории. Люся принесла альбом старых фотографий. Спать она уложила подругу с собой. Ворожев притворно повозмущался тем, что его лишили кровати, захватил одеяло, подушку и ушел устраиваться на ночь в столовой. Было слышно, как он ворочается на диване, чиркает спичкой, закуривая. Люся, шлепая босыми ногами по полу, сбегала прикрыла дверь и, вернувшись, придвинулась к подруге: шепотом стала передавать одних их касавшиеся женские секреты, рассказывать о детях. Она была немного хмельна; забывала имена и много смеялась.

— Люся, ты счастлива? — спросила Ольга, лежа на спине, с закинутыми за голову руками. Ты, конечно, счастлива, — повторила она уже с уверенностью. — У тебя такие ребятишки замечательные. «Такой муж», — едва не сказала она. — Я рада за тебя.

Подруга в ответ притиснулась еще ближе, горячо зашептала:

— За сыновей Витя мне сто благодарностей вынес. Души в них не чаёт. У меня, говорит, три брата, две сестры и у всех — дочери. Один я с сынами. Наследники. Продолжатели рода Ворожевых. Пони-

мать надо. Можешь, говорит, народить хоть полдюжины — возражать не буду. Видала чудака? — Люся прыснула счастливым смехом и вдруг вздохнула. — Все хорошо, Оля. Только скучно. Так иной раз тоскливо. Жалко библиотеку; там всегда люди. Помнишь, почти каждый день: то семинар пропагандистов, то совещание, то пленум. Теснота. Шум. Я любила. А здесь, — в голосе послышалось сожаление. Она умолкла. Вздохнула. И совсем тихо, видимо, не желая, чтобы услышал муж, с затаенной тревогой пожаловалась:

— Мы же здесь, как в крепости: сами никуда и к нам никто. Одни бы зашли, да не решаются, а других сами не приглашаем. Сторонятся как-то нас люди. Директорская семья. А что директор, не такой человек, как все?

В комнату сквозь тюлевые шторы глядела луна. Голубоватый свет пятнами лежал на потолке. Блики эти казались Ольге живыми. Она следила за ними, плохо слушая подругу, с трудом вникая в смысл ее слов. Жалуются на скуку. И кому жалуется? Будь Ворожев ее мужем, она бы не жаловалась. Поехала бы с ним в тайгу, на полюс — куда угодно. Но лишь бы с ним. Для нее счастье, что ехала в одной машине, посидела вместе за столом, а сейчас в том, что он спит в соседней комнате. Ольга закрыла глаза, укусила губы и чуть не застонала от горечи и боли.

XIV

Проснулась она чуть свет. В комнате еще держался сумрак. На фоне зеленоватого неба расплывчато проступали лапы акаций; в форточку тянуло

утренней свежестью. Спать больше не хотелось. Ольга полежала, потом, стараясь не потревожить подругу, осторожно поднялась с кровати, оделась и на носках вышла из комнаты. Диван в столовой, на котором спал Ворожев, был аккуратно заправлен одеялом. На песчаной дорожке, от крыльца до калитки, видны были следы ботинок. Ночью выпала обильная роса. Плющ, обвивавший веранду, цветы на клумбе поблескивали крупными дробинами влаги.

Несмотря на ранний час, поселок уже жил обычными заботами. Стучал движок электростанции, где-то перекликались девчата. По травянистой улице, клякая колесами, медленно тащились дроги, заставленные бочками: под мокрыми холстинами, как живая, колыхалась вода. Старик-возница, сидя в передке на охапке соломы, помахивал на волов хвостиком.

Ольга постояла, с наслаждением вбирая в себя прохладный росный воздух, и вышла со двора. Глубоко изрезанная колесами, неровная от выпиравших из земли корневищ дорога вывела ее через березовую рощицу к озеру. Оно было небольшое, правильной круглой формы. Вода, стеклянно-гладкая у берега, в тени берез отливала чернью. Деревья, как в зеркало, смотрелись в воду.

На жердяных мостках, чуть склоняясь, стояла женщина с ведром на коромысле. Второе ведро шофер нес к машине. Вот он подошел, привстав на носки, вылил воду в радиатор. До Ольги донесся разговор:

— За картиной едешь? — спросила женщина, цепляя дужку ведра крючком коромысла.

— Двадцать поручений, — хмуро ответил шофер.

— А где ставить будешь? Под открытым небом? В клуб-то заходить боязно: того и гляди завалятся.

— А пусть. Мне-то что?

— Вася, если выберешь время, зайди в раймаг: посмотри ботинки Толику. Двадцать восьмой размер. Не могу я тут застать. В сандаликах бегают.

«Раймаг», — подумала Ольга. Значит, машина идет в Зеленодольск. Сорок минут езды. Но каким далеким он ей казался сейчас. Вчерашний вечер заслонил все-все. И пусть. Хорошо, что заслонил. Хорошо, что она сюда поехала. Поддалась прошлому? Ну, что ж...

Машина ушла, оставив на минуту в воздухе сиреневое облачко дыма. Женщина свернула на боковую тропинку. Ольга осталась на берегу одна. Зашла на мостки, склонившись, смотрела на свое отражение в воде. Лицо помято после сна, волосы растрепались. Захотелось искупаться. Но попробовала воду: холодная. Стала на колени, умылась, черпая воду пригоршней. С мокрым лицом вернулась на берег, кое-как вытерлась носовым платком. Наскоро привела в порядок волосы.

С озера пошла без дороги, наугад, в надежде куда-нибудь да выйти. Хотелось просто побродить, посмотреть поселок. Солнце всходило. Стволы берез розовели, цветным бисером сверкали капли на листьях, серебрились вытканые пауками сети. Роща наполнялась птичьим гомоном. Под ногами запетляли тропинки. Одна из них неожиданно привела Ольгу к поваленному плетню. Тут был не то сад, не то огород. Виднелись ряды яблонь: старых, кое-где засохших, обрызганных осенней позолотой. И здесь же,

среди зарослей кукурузы, — капустные грядки, подсолнухи, склонившие тяжелые головы.

Перешагнув забор, Ольга пошла дальше, поглядывая на всякий случай по сторонам: могли ведь ее и окликнуть. Но вокруг никого не было. За яблонями и кукурузой в конце сада вздымалась коричневая шатровая крыша большого деревянного дома с высокими окнами, с резными наличниками. Что-то в архитектуре проступало старинное, немного вычурное, и Ольга, заинтересовавшись, направилась к дому, осторожно обходя кусты крыжовника, цеплявшиеся колючками за платье.

Дом имел выход в сад, и двери были распахнуты. Движимая любопытством, Ольга вошла, очутившись в длинном сквозном коридоре. По первой же табличке на двери: «Бухгалтерия» догадалась, что попала в контору совхоза. Сразу пришло объяснение и странной архитектуре здания: вспомнился рассказ Ворожева о владельце имения, казацком полковнике. Минув одну за другой таблички: «Плановый отдел», «Главные специалисты», «Партбюро», Ольга поравнялась в конце коридора с дверью, на которой значилось: «Директор», остановилась. В небольшой приемной на столе стояла пишущая машинка, накрытая чехлом. Дверь в кабинет была слегка приоткрыта. Слышались голоса. Ольга в щелку увидела Ворожева, что-то размашисто писавшего за столом. Сосредоточенный, собранный, он был уже как бы весь поглощен заботами дня, хотя день только начинался. Солнечные лучи едва успели проникнуть в комнату. Вот он отложил карандаш, привычным жестом поправил падавшие на лоб волосы, вскинул взгляд, обращаясь к кому-то из присутствующих:

— Зоотехник пятого отделения, где ваша сводка о наезде? Указание знаете: представлять к двенадцати ночи?

Ответил женский голос:

— Сводка отправлена. Если нужно, я могу повторить ее на словах. Но, Виталий Викентьевич, дайте указание главбуху утвердить нашу заявку. Третий раз обращаемся.

Ольга не могла понять, о какой заявке идет речь, и узкая щелка двери мешала ей видеть зоотехника. Но она невольно позавидовала этой незнакомой женщине, говорившей с директором совхоза о каких-то своих заботах.

— Все, Савич. Ступайте и разыщите сводку, если она вами отправлена.

За дверью стукнул отодвигаемый стул, из кабинета вышла щуплая девушка в плаще, в простенькой косынке, съехавшей на затылок. Миловидное, забрызганное веснушками лицо ее горело. Она похватила в воздухе рукой, пытаясь закрыть за собой дверь, но заметила Ольгу и, видимо, решив, что та хочет войти в кабинет, молча прошла мимо. Ольга не успела отступить в сторону, стояла в дверях, чувствуя на себе любопытные взгляды.

Увидел ее и Ворожев.

— А, Оля, заходи, заходи, — приветливо кивнул он. — Минут через десять освобожусь, позавтракаем и двинемся смотреть хозяйство. Знакомьтесь, товарищи, наша гостья — редактор газеты «Знамя Октября».

К вечеру тучи заволокли небо и с наступлением сумерек пошел дождь. Непогода застала Ворожева с Ольгой в степи, далеко от центральной усадьбы совхоза. Блеклый свет фар выхватывал из сырой мглы то мелово-белые стволы берез, то мокрую стерню с бугорками потемневших хлебных валков. Капли стекали по ветровому стеклу, как слезы, оставляя пунктирный след.

Ехали молча. Ворожев, расстроенный непогодой, сосредоточенно вел машину, подавшись вперед и почти касаясь грудью баранки. Весь день они провели в разъездах по обширной территории совхоза: останавливались на токах, в поле возле комбайнов, обедали в бригаде. И весь день Ворожев был оживлен, энергичен, неутомим. Лишь теперь усталость начинала, казалось, брать над ним верх.

Ольга поглядывала сбоку на суровый профиль спутника, на зажатую в зубах потухшую папиросу и ей хотелось что-нибудь сказать ему в утешение. Она прекрасно понимала, какое это несчастье дождь в разгар уборки, видела, что Ворожеву сейчас тяжело, но, к своему стыду, сама никак не могла проникнуться плохим настроением. Ей приятно было от сознания, что они здесь вдвоем, что дождь барабанит в крепкий непромокаемый брезент и что, наконец, машина — вездеход, и если даже дорогу развезет, они все равно не застрянут. Как бы в подтверждение этих ее мыслей, «газик» нырнул в болотную низину, и хотя и медленно, с надсадным подвыванием, но настойчиво пополз по глубокой грязи. Зато оказавшись снова на твердой почве, машина странно как-

то дернулась и стала. Ворожев включил лампочку, склонился над щитком с приборами, невесело усмехнулся:

— Ну, Оленька, кажется, на сей раз нам с тобой не повезло — горячее кончилось.

Он погасил свет, заглушил мотор и устало откинулся на сиденье. Наступившая тишина ударила в уши барабанным перестуком дождя. Сквозь щелку в дверцах залетали брызги, мелкие, как пыль. От попадавших на щеку капель и от мысли о невеселой перспективе провести ночь в степи под дождем Ольга поежилась. Ворожев достал с заднего сиденья свой плащ, накиннул ей на плечи.

— Замерзла? Наше счастье, что не застряли посреди болота. Где-то здесь поблизости пасека. Попробуем сориентироваться.

В одном пиджаке Ворожев выбрался из машины на дождь. Его не было минут пять. Потом послышались шаги. Весь мокрый, уселся на свое место, захлопнул дверцу. Надавил облепленным грязью сапогом на стартер.

— Испытаем фортуны.

Ольга затаила дыхание: вдруг не заведется? Но мотор заработал. Свернули с дороги. Машину трясло и мотало с боку на бок. На колдобинах остатки бензина переливались в баке и мотор начинал чихать и задыхаться. Ехали медленно, приостанавливаясь и снова осторожно срываясь с места. Наконец, сквозь струи дождя впереди расплывчато замигал огонек. Залаяла собака. Ворожев уперся прожектором в бревчатую стену пасеки, засигналил. В дверях избы показалась фигура человека в дождевике. Пасечник отогнал от машины собаку, приблизил к дверце бо-

родатое лицо, стараясь разглядеть приехавших. Узнав директора, сделал что-то вроде поклона.

— Ну-ка, дед, принимай гостей! — громко сказал Ворожев.

— Дождик, дождик пошел. Не вовремя, — отозвался старик с той приглушенностью в голосе, которая свойственна людям тугим на ухо.

— В гости, говорю, приехали. Встречай, — повторил еще громче Ворожев.

— А, гости, — понял наконец пасечник, и приветливо закивал, — гостям завсегда рады. Милости прошу.

— Придется нам потренировать голосовые связки, — усмехнулся Ворожев. — Оленька, вылезай. Вынужденный привал. Для журналиста это неплохо, лишние впечатления. Была когда-нибудь на пасеке?

В доме пасечника чувствовались женские руки. Белели чистые стены, сияла известковой белизной русская печь, добела был выскоблен пол и деревянные лавки. Ольга стаскивала с себя плащ, сквозь керосиновый душок лампы с удовольствием ловила запах чего-то свежего, арбузного и не сразу догадалась, что так приятно пахли березовые рамки для ульев, сложенные в углу. Очевидно, старик перед их приездом работал: на столе лежал перочинный нож и дощечка, на полу пеной белели стружки.

Пасечник, смущенный появлением директора в столь неурочную пору, первым делом кинулся прибраться в избе.

— Старуха у меня прихворнула что-то, подалась в деревню. Вот я и насвинячил тут, — оправдывался он, торопливо сгребая стружки.

— Потом, потом наведешь порядок, — остановил его Ворожев. — Ты нам чайку организуй сначала. Замерзли. Медком угости. Есть мед?

— Угощу сию же минуту, свеженьким.

Старик заторопился, достал из шкафа миску, вытер ее полотенцем, кинулся из избы. Не дожидаясь его возвращения, Ворожев сам сгреб с полу стружки, запихал в плиту, сверху положил несколько березовых полешек и с ловкостью заправской хозяйки поджег с одной спички. Сухое дерево взялось дружно. В просветах между кольцами чугунных конфорок запылало оранжевое пламя. В избе от веселого треска огня, от золотистых бликов на потолке стало еще уютнее.

— Давай-ка, Оля, ускорим чаепитие. Ворожев отыскал эмалированный чайник, наполнил водой, отодвинув конфорку, поставил на огонь.

Заражаясь его ловкостью, Ольга быстро вымыла руки под умывальником, стала доставать из шкафчика посуду. Оба со смехом и заговорщическим видом разыскивали чай для заварки, ложки, сталкиваясь и мешая друг другу в тесной кухоньке.

— Видишь, — весело сказал Ворожев, — все делается к лучшему.

Пока хозяйничали, вернулся старик с миской, полной до краев янтарно-желтого меда. Отдельно на большом капустном листе кучей лежали соты, похожие на обломки вафель.

Забулькал, застучал крышкой вскипевший на плите чайник. Сели за стол. От внимательного взгляда Ворожева не ускользнула попытка хозяина что-то незаметно спрятать возле себя под лавку.

— Погоди-ка, старина, что это у тебя там?

— Старуха пивка немного наладила. Думаю, может, отпробуете, для сугрева,— виновато сознался пасечник.

— Угощай.

— Сладкое оно у нас, слабенькое, вроде кваску. Сейчас я груздочков к нему. Малосольных,— засуетился старик, довольный тем, что начальство само разрешило его сомнение: предлагать выпивку или воздержаться. Проворно извлек он из-под лавки березовый жбан, наполнил два стакана коричневой пенной жидкостью, перед третьим помедлил, вопросительно глянул на гостью:

— Наливай, наливай. Всем без исключения,— распорядился Ворожев. Он поставил стакан с пивом перед Ольгой, подцепил ей на вилку соленый груздок.

— Называется медовуха. Напиток пасечников. Пьют и живут до ста лет. Держи, Оля.

— Я лучше чаю. Можно?

— Отказываешься зря. Дед же говорит: лекарство. Ну, ладно, чай так чай.

Ворожев чокнулся со стариком, выпил. Потом налил Ольге чаю, придвинул капустный лист с сотами.

— Ешь, чтобы не говорила: была в «Лесных полянах» и медом не угостили. Пасека эта у меня новая отрасль хозяйства. Раньше числилась, но никто почти не знал о ее существовании. И я наткнулся случайно. Ехал однажды и вижу возле лесочка дом. Территория вроде моя, а что за усадьба — неизвестно. И хозяин не особенно радушно встретил, чаем поить не спешил. Так ведь, дед, а?

— Было. Не признал. Откуда же знать? В отрыве живем,— смущенно кивнул старик, снова протягивая руку за жбаном.

— Живут, сено косят, скота развели, как помещики, а пчелиное хозяйство — два десятка семей. «Нет, решил, так не пойдет. Или прикрыть это медовое заведение, или поставить на ноги — одно из двух». Откомандировал я старика на Алтай, за пчелами, потом на три месяца, зимой, на курсы. Зазвал как-то сюда Веру Васильевну: удивилась. Откуда, что? Сюрпризом оказалась моя пасека.

От меда пахло летом, во рту оставался привкус цветов. Ольга отламывала кусочки сотов; золотые нити тянулись за ложкой, воск прилипал к зубам. Только теперь, сидя за столом, почувствовала она усталость: ноги приятно ломило, побаливала спина, истомы наливали тело. Впечатления дня: дороги, встречи, лица — все проступало, как сквозь туман. Так легко, так умиротворенно чувствовала она себя, может быть, только в детстве. Хорошо, что на улице дождь, хорошо, что она сейчас в этой тесной, слабо освещенной керосиновой лампой избе, хорошо сжимать ладонями горячий стакан с чаем. Все хорошо. Но самое главное — рядом Ворожев. Его можно слушать, можно говорить с ним, можно просто смотреть сквозь завесу отяжелевших, будто медом вымазанных ресниц.

Сколько времени длился ужин, Ольга не знала. Слышала, как старик расспрашивал Ворожева об уборке и тот что-то ему отвечал. Пасечник раза два подливал директору в стакан пива. Потом он собрался за чем-то в омшаник. Ворожев, накинув на себя плащ, вышел поставить машину. Ольга осталась

за столом. Дождь не переставал, мягко барабанил в окно. Теперь уже было совершенно очевидно, что придется ночевать на пасеке. Да и завтра сразу отсюда не выбраться без горячего. Но что за беда? Пусть. Будет еще один день счастливой отрешенности, похожей на сон. А может быть, это сон и есть? Мгновенный, призрачный, как мираж. Минута — и его не будет. Все рассеется.

Ольга улыбнулась, положила голову на согнутую в локте руку, закрыла глаза. Голос Ворожева заставил ее очнуться.

— Оля, ты спишь? — Он стоял сзади, обхватив осторожно ладонями ее плечи и склоняясь так близко, что слышно было его дыхание: горячее и напряженное.

— Ты меня слышишь, Оля? Старик отдал хату в полное наше распоряжение. Постель готова. Ложись. Я тебе помогу.

Ольге показалось, что она летит в пропасть: сердце остановилось, замерло в сладком страхе. Вот оно, что было пугающим и тайным для нее, что влекло своей неизведанностью. Стоило только не убирать этих сильных рук, лежавших на плечах, подчиниться чужой воле. В памяти, как из далекой дали, вдруг всплыли слова женщины, случайной собеседницы в вагоне, жаловавшейся в порыве внезапной откровенности на безответную любовь свою к семейному человеку: «Мне бы кусочек счастья с ним, хоть бы кусочек: за все муки, за ожидания...» Будто уступая какой-то силе, Ольга повернулась к Ворожеву, уткнулась лицом ему в грудь, вдыхая запах дождя, пропитавшего шершавую ткань пиджака. И тотчас же перед глазами встало лицо Люси: раскрасневшееся,

радостное, с каким она выбежала вчера навстречу подруге. У кого же отнимать этот «кусочек счастья»? У нее? И счастье ли это, если оно краденое, не принадлежащее тебе?

Как перед кромкой бездны, Ольга вздрогнула, отшатнулась и, перехватив руки Ворожева, решительно отвела их от себя. Видимо, уловив перемену в ее настроении, Ворожев подчинился, слегка отступил, с непривычной глуховатостью в голосе произнес:

— Ложись на кровать. А я как-нибудь устроюсь на лавке, по-солдатски.

Ольга, с трудом преодолевая сухость в горле, выговорила:

— Спасибо, — и минуя кровать, где поверх одеяла лежал разостланный плащ Ворожева, направилась к двери. Очутившись на улице, в изнеможении прижалась затылком к бревенчатой стене. Закинув лицо, смотрела в мутное ночное небо, откуда сыпал и сыпал мелкий, как сквозь сито, дождь.

XVI

Ненастье затянулось. словно по какому-то раз и навсегда установившемуся распорядку, каждый день неумный северо-западный ветер нагонял океанские полны облаков, тяжелых и угрюмых, как дым. Только по утрам немного прояснялось, на часок-другой показывалось солнце, тоже как будто вымокшее, тусклое. От непрерывных дождей разбухла земля. Надрывно ревели грузовики, буксуя на улицах. Деревья потемнели, точно невидимый маляр подновил их пылепестную зелень. Заборы и крыши не успевали

просыхать. Воздух — сырой и гулкий — отдавал озоном.

Ольга засиживалась вечерами под монотонный перестук дождя; было так прохладно в комнате, что бабка на ночь подтапливала грубку. После возвращения из «Лесных полей» Ольга взялась за очерк о совхозе. Работала вдохновенно. Каждая строчка возвращала ее снова и снова ко всему пережитому за время поездки. Кроме того, ей хотелось вообще написать хорошо, ведь это был ее дебют в газете; передовую статью и несколько небольших информационных, которые успела уже сделать, она не считала. И очерк получался, Ольга сама это чувствовала.

Первый отзыв дала машинистка редакции Ева Демьяновна, которая, как Ольга успела убедиться, не просто отстукивала на громоздкой «Олимпии» материалы для набора, но и высказывала по ним критические суждения, причем довольно откровенные.

— Поздравляю вас, Ольга Леонтьевна, очень интересно и живо написано, — кладя на стол аккуратно перепечатанный очерк, — сказала Завадская-Панич. — Дай бог, если бы побольше было в нашей газете таких живых вещей. А то иной раз так пишут, что печатать не хочется, честное слово, скучно, — и машинистка, высказав свои замечания, удалилась, постукивая каблучками модных туфель.

Слова ее прозвучали не просто в пространство. В комнате в это время был Челпанов, Егорычев, Верещагин, утром вернувшийся из командировки. Рабочий день кончился, но все пережидали дождь. Кроме того, транслировался финал футбольного матча на первенство страны.

— Товарищи, тогда прочитайте уж все, — сказала Ольга, немного смущенная похвалой машинистки. — Григорий Мефодьевич, вам, пожалуйста, — она придвинула листки. Егорычев, сидевший ближе всех к приемнику, убавил громкость. Челпанов хмуро пробежал очерк, изрек:

— Можно в номер, там как раз есть место.

Егорычев, прочитав, взволнованно потер ладонью темные волосы.

— А что? По-моему, дельно. Душа чувствуется. И кстати материал.

Оставался Верещагин. Но он как-то уж слишком был занят передачей и даже не сразу, казалось, обратил внимание на очерк, который положил перед ним Егорычев.

— Виктор, посмотрите и вы, — попросила Ольга, чуть задетая его равнодушием.

— А я читал. Сразу из-под машинки. Извините, конечно, за любопытство.

— Ну и как?

— А обязательно ли отзыв каждого? Мне кажется, вопрос решен: очерк идет в номер.

— А все-таки, ваше мнение?

Ольга уже почувствовала, что за уклончивостью Верещагина что-то кроется, но продолжала настаивать.

— Вам не нравится очерк, говорите?

— Вопрос поставлен ребром, — усмехнулся Верещагин. — Ну, что ж. Отвечу. Я за форму, но против содержания.

— Как это понять?

— Непонятно? — Верещагин перелистал очерк, остановился взглядом на заголовке: лоб его намор-

тился. — «Сила золотых рук». Красиво звучит. А чьих рук? Директорских? Но если даже они будут золотыми в прямом, а не в переносном смысле, все равно не смогут заменить сотен рук всего коллектива совхоза. Тем более, что приписывание заслуг какой-то одной личности в наше время вообще не звучит.

— Но я и имела в виду коллектив, — возразила Ольга. Ее огорошил отзыв Верещагина. «Директорские руки». «Личность». Нет, этого она не ждала совершенно. Какие-то отдельные обороты, неудачные фразы; все это могло быть. Но тут речь уже о сути очерка.

Растерянность сменилась досадой. Настаивала, добивалась отзывов — и вот получила. Что же теперь: согласиться? Или возражать? Конечно, возражать. Ольга овладела собой, старалась подобрать слова. Но слышались шаги. Вошел инструктор райкома партии Мостовой.

— Журналисты в полном сборе. Сигнал вас дождь, — заговорил он, стряхивая мокрую кепку. — Здорово живете. Чего это напетушились все?

— А вот посторонний человек сейчас решит, — сказал обрадованно Егорычев и выключил приемник.

— Чего решать? Сами не можете? Давайте сначала другой вопрос обсудим, общий, так сказать. Из-за чего и притащился к вам по дождю. — Мостовой прошлепал по полу мокрыми резиновыми сапогами, сел. Расстегнул мокрый плащ.

— Ну, дела. Хлещет, как из ведра. Разладилась небесная канцелярия. Не зря говорится: «Посылает господь бог дождик не туда, где просят, а туда, где косят». Запутался старикашка. А тут, хоть плачь, — он с неподдельным огорчением посмотрел на окно,

будто подернутое снаружи мутной пеленой, бросил рядом с собой на диван кепку.

— Раз уж у вас форум, давайте сразу решим с дорожкой. Ставлю это на повестку, как лицо непосредственно заинтересованное. А то грядки повытоптали. Урожай, как-никак. Годовой припас.

Все знали, что он имеет в виду. Речь шла о тропинке, по которой из редакции напрямик через огороды ходили в райком. Не так далеко было пройти и улицей, но почему-то все предпочитали пользоваться дорожкой. Ходила и Ольга: кто-то из девчат надоумил.

Мостовой жил рядом. Из окна видна была шатровая крыша его просторного дома. Через межу, по которой бежала тропинка, свешивались ясноликие тяжелые подсолнухи с его огорода.

— Ну, так как постановим, товарищи? — Мостовой выжидательно поглядел.

— Прямая — кратчайший путь между двумя точками, — подал было голос Егорычев. Но остальные промолчали, и Мостовой счел вопрос решенным.

— Все, значит. С геометрией разобрались, без всяких недоразумений, как и положено соседям. Девчатам передайте, чтобы тоже не бегали. И перелаз с нашей стороны надо загородить, приподнять изгородь. Если нечем — я выручу. У меня хворост остался. Подкину, — он пристукнул ладонью по валику дивана.

— А теперь — ваш вопрос. Что у вас тут?

— Да вот некоторое расхождение мнений, — ответила Ольга уклончиво. Ей не хотелось посвящать инструктора райкома в суть разговора, но Мостовой, видимо, догадался сам, потянулся за очерком.

— Литературные споры? Можно?

Сльга кивнула: ничего другого не оставалось. Мостовой взял очерк, перелистал, как бы прикидывая: долго придется читать или нет. Потом прочитал сосредоточенно.

— Ну и в чем дело? Все верно. На уровне сделано. Об этом надо писать. Сейчас дожди, а Ворожев валки подбирает. Организовал. Люди у него не сидят. Материалу давайте «зеленую улицу». А кто против, что ли? — он строго оглядел всех.

— Я против, — отозвался вполголоса Верещагин.

— Почему?

— Против.

— Это как же? Автор ваш товарищ, — Мостовой перелистнул рукопись, отыскивая подпись. — Ваш редактор. Человек хотя и новый в районе, а ухватился за нужную тему. А у вас тут голосование: за, не за. Без творческой поддержки, и вообще.

— Дело не в творчестве.

— А в чем же?

— Я уже объяснил.

— А ты мне объясни, как опоздавшему.

— Долго.

— Скажи короче. Тут уж такое, я вижу, обстоятельство, что требуется ясность. Полная.

— Дым мне не нравится. Фимиам Ворожеву, от которого он и без того уже сделался голубым.

— Ну, это ты брось насчет Ворожева, — посоветовал Мостовой. — Не хочется вступать с тобой, братец, в пререкания, и обстановка неподходящая, но должен все же тебя предупредить по-товарищески: ты свой «зуб» на Ворожева выкинь. Без толку он.

— Кожа толстая? Не прокусить?

— Не знаю насчет кожи. А вот стоит высоко. Ворожев — маяк. Понял?

— Который старательно подпирается со всех сторон?

— А мы всех подпираем, кого нужно. Для пользы дела. Ворожев — хозяин дай бог каждому. И это не только мое мнение.

— В том-то и беда, что о руководителях часто судят только по хозяйственным показателям: по надою молока да по настригу шерсти.

— А по чему же еще судить? По уменью танцевать?

— Есть показатель, который, к сожалению, не всегда берется в расчет.

— Что за показатель?

— Душа.

— Ну, это, брат, философия. В небесах витаешь, дружище, — Мостовой укоризненно покачал головой. — На грешную землю надо спускаться. Мы вот все тут живые люди; поесть надо каждому, а бывает, что и выпить для разнообразия, — он многозначительно прищурился. — А ведь «душой» после стариканов не закусишь. Требуем: подай колбаски, сырку. Как дед Панас выражается: «Витамины, сельце, мясцо». А это с неба не валится. Показатели и кооперативы выше — на столе богаче. За это почет и спрос. Такова арифметика.

— Конечно, — с усмешкой согласился Верещагин, — если директор совхоза что-то недотянул в хозяйстве, что-то недоделал, за это с него спросят. На него выйдут. Накажут. И правильно. А если с завидной редот себя по-хамски, отмахивается от их пущих, плюет с верхнего этажа на всякие советы и

замечания — это не важно? К показателям не относиться? — он, казалось, не обратил внимание на намек инструктора райкома и только чуть побледнел.

— Ты что хочешь сказать, — в голосе Мостового зазвучали нотки недовольства, — директор один в совхозе и поступает, как его левая нога укажет? По производственным показателям судят об уровне партийно-политической работы, к твоему сведению.

— А ты был в «Лесных полянах?»

— Как-нибудь дорогу не приходится расспрашивать. С сорок шестого года езжу.

— Был, значит? — нетерпеливо переспросил Верещагин. — И знаешь обстановку?

— А что там за обстановка?

— А то, что слава Ворожева не настолько велика, как мы ее представляем. Это скорее всего фасад, умело оформленный.

— Погоди, погоди. Что значит «представляем»? И кто это «мы»? Ты кого имеешь в виду? — Мостовой выпрямился. Продолговатое, выбритое лицо стало медленно багроветь. «Лесные поляны» входили в его «зону», как инструктор партотдела, и заявление о каких-то не порядках в совхозе касалось его непосредственно.

— А разве не правда? Показатели у Ворожева по-настоящему высоки? Любое хозяйство в районе, я больше чем уверен, имеет возможность подняться до уровня «Лесных полей». При условии, если разобратись как следует в этих возможностях. А мы разобрались? Да и для чего? Маяк-то есть.

Каждое упоминание фамилии Ворожева больно задевало Ольгу. Ей трудно было молчать. Телефонный звонок оборвал спор. Ольга взяла трубку, не-

много даже обрадованная: получалась какая-то разрядка. Звонила жена Мостового.

— В кино ждет, видела, как сюда зашел, — объяснил Мостовой после нескольких междометий, сказанных в трубку. — Пойду. А насчет нашего разговора, — он посмотрел из-под сдвинутых бровей на Верещагина, — конца ему нет. Придется с тобой договариваться в другом месте. Там выясним все подробно.

Мостовой тяжело поднялся, нахлобучил мокрую кепку и вышел. Ушли вслед за ним и Челпанов с Егорычевым. Верещагин задержался, как будто хотел что-то объяснить, но, видно, передумал и тоже направился к двери, скрипя протезом. Очерк лежал на краю стола, никому не нужный. Ольга взяла его, положила в стол. Почему-то вспомнилась Новожилова, вот так же прятавшая статью, написанную Верещагиным. Она нащупала в кармане билеты в кино. Неделю целую с нетерпением ждала новую картину, и тут вдруг не почувствовала радости.

XVII

На кино она возвращалась вместе с Овчинниковыми. Павел, благодаря дождю вырвавшийся из колхоза, где он был представителем райкома, не очень долго держал своих спутниц под руки. Делились впечатлениями о картине. Валентина Ивановна долго горичилась, возражая мужу, что не замечала, как ступала прямо в лужи.

Было еще светло. Под навесом туч предвестником пасмурной погоды зеленело небо. Остро пахло мокрой

землей, листьями тополей, березовым дымком от топившейся где-то во дворе летней кухни.

— Нет, проблема все же острая. Ничего не повторяется. Павел, ты не спорь, — наседала на мужа Валентина Ивановна, все время обращаясь за поддержкой к подруге. Ольгу тоже взволновала картина, и будь это в другой раз, она обязательно бы высказала свое мнение, но отзвук разговора в редакции держался в ней и поэтому она отмалчивалась.

Поровнялись с домом Овчинниковых.

— Зайдем к нам. Квас у меня со льда — угощу, — предложила подруге Валентина Ивановна. Ольга согласилась: домой ее не тянуло.

Сели на веранде. Валентина Ивановна быстро собрала на стол, поставила стеклянный высокий кувшин с холодным квасом. Наполнила стаканы.

— Ну, как?

— Хороший! — похвалила Ольга.

— Тебе бы у Буслаева поучиться, Валюша, — сказал Павел, забирая стакан в широкую, огрубевшую по-рабочему ладонь. — Вот напиток: приложишься разок — и в голове полная ясность, прочищает, как нашатырный спирт. «Мужичким шампанским» называет его Кузьма Петрович.

— А может, это бражка? С градусами.

— Ты что? Он же не пьет. Больной старикан, сердце у него знает какое, — Павел нахмурился.

— Позавчера возвращаюсь с ним от комбайна, и вдруг он: «Погоди-ка.» Свалился на копну, ладонь под китель. Дышит со свистом. Полежал минут десять, поднялся. «Все, говорит, пошли дальше».

— Возраст пенсионный. Сколько лет он председательствует? Лет двадцать?

— Больше. С тридцать четвертого года. Как Киров приезжал, так с тех пор: бессменно и железно.

— Павел, расскажи про Безродного, как Буслаев ему объяснял «зеленое настроение», — попросила Валентина Ивановна. — Был у нас такой следователь ретивый.

— Почему следователь? Оперуполномоченный. Послали его в «Луч» от райкома, на уборку. Проинструктировали: убирать день и ночь, чтобы все шумело и гремело. Приезжает, а там тишина. На полях живой души нет. И председатель колхоза в конторе преспокойно газеты почитывает. А в самом деле как раз в это время почтальон-кольцевик приехал. Буслаев не на полях. Безродного это поразило. В разгар уборки руководитель хозяйства читает газеты? Нелюбопытная вещь! Саботаж. Раскричался, объяснений слушать не хочет. А Кузьма Петрович ему спокойно: «Хорошо, говорит, мне не веришь, можешь сам убедиться, спроси народ. С самым лучшим нашим хлеборобом поговори. Узнаешь, почему такое положение».

И повез его к Сакену Нуртазину. Есть там у них комбайнер знаменитый, тридцать лет за штурвалом, интересный человек. Отличный механизатор, но с характером. Без работы он места себе не находит. Комбайнер позло комбайна, подвигивает, подлаживает. Попробовал к нему: «Почему не косишь?» А Сакен помолчал, посмотрел, спрашивает: «Женатый ты?» — «Да, я женат», — отвечает, а сам в недоумении. «При чем тут женитьба?».

«Детишки есть: кызымка, баранчук?» — опять спрашивает Сакен.

«Есть». — «Сколько детей?» — «Один». — «Мало пока. У меня, — говорит, — пять ребятишек. Шестой скоро будет. Но все равно знаешь: если баранчук, или кызымка родится не через девять месяцев, а раньше, какой толк будет? Не будет толку. Плохо будет. Так и хлеб: зеленый скосишь — плохо сделаешь». В общем, разъяснил. А Буслаев стоит рядом, помалкивает. — Павел хлебнул из стакана, весело взъерошил ладонью волнистые светлые волосы.

— Чудаковатый старик. Сколько знаю его, и все он чудит, все воюет со всеми, — улыбаясь этой не один раз, наверное, слышанной истории, сказала Валентина Ивановна.

— Воюет он правильно, — внезапно посуровел Овчинников. — И чудачество его просто кое-кому кажется чудачеством. Дело в том, что команды «сверху» он не всегда выполняет. В отношении начала полевых работ у него свои команды. И он прав.

— В чем?

— На местах хозяйство знают лучше, чем мы здесь, в райкоме или в райисполкоме. И нам не только надо отдавать директивы, но и побольше прислушиваться к тому, что там говорят. И вообще разобратись основательно в своих возможностях. Посидеть с карандашом в руках и поездить.

— А то мало ездите, — рассмеялась Валентина Иванова. — Ты, Оля, его спроси, сколько он дома живет: хоть одно воскресенье за все лето с семьей провел? Нет. Вечно в командировке. Он и Беленков. С колес не слезят. Вчера Зоя Игнатьевна жаловалась: как началась уборка — почти и ночевать не заявляется.

— Ездим мы много, — согласился Павел, достав папиросу и задумчиво разминая ее в пальцах. — На «колесах» все. Но вот как ездим? С какой отдачей? Я тебе не рассказывал? Зимой в «Колосе» у Гавриленко племенной жеребец сломал ногу: засадил между бревнами настила и переломил. Так понаехали десять человек, не меньше. Жайсаков был, это наш второй секретарь, Вера Васильевна была; два дня выясняли обстоятельства. Как же: жеребец пропал, а за него уплачено ни мало, ни много — шесть тысяч. Но в «Колосе» хозяйственный год закончился с убытком в двести тысяч. Причем, уже не первый.

— Ну, вспомнил «Колос». Разве одно хозяйство решает? Ты же сам пропагандируешь: район поднялся, столько-то освоено целины, во столько-то раз выросло производство хлеба.

— Правильно, — согласился Овчинников. — И целина поднята, и хлеба даем гораздо больше, чем раньше давали. Но речь не об этом. Возможности-то до конца не использованы. А почему мы не должны их использовать? Считаем, что достигли потолка? Не правда. Район может производить не пять миллионов пудов хлеба, а семь-восемь.

— Погоди. А за счет чего? Целины больше нет.

— Нет. Но можно поднять урожайность, заставить землю «работать» на полную катушку.

— Павел, я смотрю, ты прямо-таки агрономом становишься. Занимайся ты, ради бога, своей пропагандой, пусть уж тут другие разбираются.

— А почему? Пропаганда в отрыве от хозяйственной деятельности ничего не стоит. Потом, как-никак, я сельский житель. Уполномоченным десять лет езжу. Насмотрелся. И вообще, я сын мужика, и тяга к зе-

мельным вопросам — естественное явление. Может быть, во мне сидит агроном, а не пропагандист. И сейчас берет верх. — Павел рассмеялся.

— Сын мужика, долить тебе квасу? Побыл у Кузьмы Петровича и сразу разглядел все проблемы.

— Почему только я? Не я один. И другие видят. И думают. Мы можем шагать шире и должны.

— Ну и что же, по-твоему, мешает?

— В этом и гвоздь: что? Видимо, недостаточно занимаемся сельским хозяйством: что-то недоделываем, а что-то просто не можем.

— От кого слышу. Не вы ли с Беленковым жалуетесь, что на бюро до пропаганды очередь не доходит: хозяйственные вопросы заслоняют.

— Хозяйство, Валя, понятие большое, — чиркая спичкой, произнес неторопливо Павел. — У райкома десятки забот, у райисполкома — не меньше. И все связано с хозяйством. А речь идет о сельском хозяйстве, пойми. Мы все проверяем, все требуем, а органа, который бы управлял сельским хозяйством, — нет. Старый разговор, но ведь факт: по-настоящему, организацией производства никто не занимается. Все мы ждем на одно: на план. Главное — план дать, а как ты его дал, может быть, с ущербом для хозяйства, в ущерб его будущему — дела никому нет. И получается, как с колодцем: сегодня вычерпали, а останется или нет вода на завтра — не думаем.

Вот тебе задача: два хозяйства, соседи. Но у одного рекорды, наивысший урожай с гектара, туда все пути-дороги, там слава. А второе хозяйство на среднем, так сказать, уровне. Без особенных показателей, без блеска, а значит — в тени. Зато здесь в процентном отношении земли используется гораздо

больше, валовой сбор зерна больше, хотя надел земли одинаков. Кто передовик, как установить? А нужно.

— Мало ли что нужно, да не всегда можно.

— В том-то и дело, что устаревшие формы руководства сейчас решительно ломаются партией, старое заменяется новым. В этом, если хочешь, особенность нашего времени. И я уверен — до сельского хозяйства дойдет очередь. И скоро.

Было какое-то созвучие в этих рассуждениях Овчинникова с тем, что говорил Верещагин, и Ольга, не отрывая губ от холодной кромки стакана, все время возвращалась мысленно к недавнему спору в редакции.

Совсем почти стемнело. Но зеленая полоска неба проступала отчетливо, и на ней, как яркая электрическая лампочка, сверкала одинокая вечерняя звезда. На улице басовито вздохнул аккордеон. Высокий шипящий девичий голос вывел проникновенно:

Огней так много золотых
На улицах Саратова.

Хор молодых голосов подхватил:

Парней так много холостых,
А я люблю женатого...

Но кто-то засмеялся, и песня оборвалась. Донесся рингтонор:

— Люба, пачни что-нибудь посовременнее. Проступни.

— А правда, давайте посмотрим: может быть, рингтонор. Вдруг да пролетает как раз над Зеленодольем. Говорит, он такой, как вот та звездочка.

— Тучи. Не разглядеть.

Компания умолкла, видимо, все смотрели на небо. Потом опять вздохнул аккордеон, зазвучала удаляясь песня.

Валентина Ивановна принесла лампу.

— Не заморозила я вас квасом. Хотите чаю?

— Спасибо, я пойду, — поднялась Ольга.

XVIII

Она провела бессонную ночь и на следующий день в редакции с нетерпением ждала Верещагина. Может быть, он хотя видом своим покажет, что был неправ. Но Верещагин держался так, как будто ничего не произошло: сел на свое привычное место на краю дивана, сосредоточенно разглядывал ногти на пальцах. Это тоже было его привычкой: рассматривание ногтей. Ольга раньше не обращала внимания, но сейчас заметила, и это усилило возникшую неприязнь к нему. Нет, рассчитывать на извинение не приходилось, надо было начинать разговор самой.

— Слушайте, Виктор, — начала она спокойно, — вчера вы, не без эффекта, громили мой очерк. Каждый вправе, конечно, высказать свое мнение. И я не спорю, возможно, на что-то сделала лишний упор, где-то сбилась с главного. И не стала бы возвращаться к вчерашнему. Но вы во всех смертных грехах не столько меня вините, сколько директора «Лесных полей». Не скажете ли все-таки, на каком основании? Чтобы делать подобные выводы о человеке, надо, по моему, по меньшей мере на что-то опираться, чем-то располагать, кроме субъективной оценки или личной неприязни. Иначе все может просто смахивать...

— На клевету? — подсказал с готовностью Верещагин. — Да, мои нестандартные отзывы о директоре «Лесных полей» легко объяснить «зубом» против него, как выразился уважаемый Иосиф Григорьевич. А чем объяснить подобные, а порой и более откровенные отзывы рабочих совхоза? Вы читали письмо из «Лесных полей»?

— Какое письмо?

— Оно у вас на столе. Вчера вам его положили.

Письма из совхоза Ольга не видела, в суматохе не заметила. С досадой на себя за эту оплошность, перевернула бумаги: на скатерть мягко упал клетчатый тетрадный листок, прикрепленный скрепкой к конверту, исписанный химическим карандашом.

«Товарищ редактор газеты «Знамя Октября»!

Пишут вам рабочие совхоза «Лесные поляны», niente отделения. Полетаев Иван — комбайнер, Меркушин Петр — тракторист, Глоба Федор — лафетчик и приехавшие на уборку целинного урожая демобилизованные матросы Северного флота: Дрябин Василий и Касенов Муртай. Теперь по существу. Наша вторая бригада борется за свои обязательства убрать весь попремя и без потерь. Уже скошено тысяча двести гектаров и на половине площади подобраны валки. Работаем в полную силу, несмотря на плохую погоду, которая сильно мешает. И слово свое трудом одержим. Но почему к рабочим бригады такое отношение со стороны управляющего отделением Ющенко и самого директора совхоза товарища Ворожцова? У нас не какая-то чрезмерная претензия. Речь идет о питании, которое в нашей бригаде никак не налажено, а также бытовые условия плохие. Вот

уже целую неделю нет горячих обедов. Местные жители, особенно кто имеет мотоцикл, обедать ездят домой, а то и берут с собой харчи. Тем же, кто не местный житель, приходится совсем плохо: едят всухомятку хлеб да рыбные консервы. Приезжие ребята спят без постелей, на бушлатах. И в этих же бушлатах работают на комбайне, так что полно пыли.

Мы обращались к управляющему отделением. Он ответил: «Не могу подобрать повариху». А насчет постелей отмахнулся: не до того, мол. Ездили ребята к директору, но он не стал слушать, а за то, что они приехали на центральную усадьбу без разрешения управляющего, объявил выговор в приказе. Хотели найти парторга, но, говорят, он в отпуску. У нас нет радио, газет. Ни разу кино не было. Пошли бы на отделение, но там, в селе Березовка, тоже не очень весело. Клуб занят под склад, а столовой нет. Разве можно так относиться к людям, которые трудятся? Люди у нас работают по восемнадцать часов в сутки, а нет возможности поесть горячего, отдохнуть, а также узнать, что делается в международной обстановке и вообще.

Директор совхоза, как все равно что кулак какой: работы требует, а чтобы внимание обратить на человека — не хочет. Почему он ни разу не поговорил с нами, не спросил, в чем нуждаемся? Коммунист так не должен делать. Просим напечатать нашу заметку в газете, чтобы все прочитали. И директор тоже. И чтобы положение исправить. Если будет так продолжаться, то механизаторы разбегутся, а это совхозу ущерб».

Для подписей не хватило места, и они лепились одна на другую. Ольга дочитала письмо, но продолжала держать листок перед глазами. Чувство было такое, словно воды холодной плеснули за шиворот. С трудом заставила себя улыбнуться: это была единственная возможность скрыть растерянность.

— Что-то уж чересчур серьезно: полное отсутствие всех земных благ. И все это по вине директора. Не слишком ли сильно?

— Кстати, это не первая жалоба. Ворожев при всех его достоинствах «хозяина» не хочет понять, что на одних окриках славу не построишь. Славу добывают люди.

— Знать, что в бригаде не организовано питание, и ничего не сделать — трудно поверить.

— А вам известно? — упрямо вскинул глаза Верещагин, — что в «Лесных полянах» до сих пор нет настоящего клуба и столовой даже на центральной усадьбе? И это в хваленном хозяйстве, куда ездят на опытом. Клуб построен при царе-косаре, а вместо столовой — забегаловка: два пьяницы забьются, третьему не влезть. Торгуют там водкой да рыбными консервами. Да и забегаловку открыли после критики на собрании партийного актива. Впрочем, докидывать вряд ли нужно: вы же недавно оттуда и наперняка все видели.

Ольга промолчала. Да, она была там, но не видела ни забегаловки, ни клуба. И вообще за три дня в совхозе ни с кем, по-существу, не познакомилась и не поговорила. Все три дня она сопровождала директора: смотрела то, что он ей показывал, говорила с теми, с кем знакомил. И даже на вопросы, которые задавали людям, чаще всего отвечал сам дирек-

тор. У нее накопилось за эту поездку полбллокнота фамилий, но разговора по душам не было ни одного. Ворожев заслонял от нее всех. Резкость его распоряжений не казался ей грубостью; это командирская требовательность, неизбежная в его должности. И только теперь, как сквозь туман, проступило сознание: всюду в присутствии директора совхоза было послушание, почти военная четкость в выполнении его распоряжений, но она нигде, кажется, не заметила простой дружеской улыбки. А жалобы подружки на одиночество в поселке? А девушка-зоотехник с обиженным лицом в дверях кабинета директора совхоза? Все словно приобрело иной смысл.

Ольга поторопилась отогнать от себя непрошеные мысли.

— Ну, хорошо,— сказала она, засовывая письмо в конверт.— Я разберусь. Смысл этого «разберусь» не шел для нее пока дальше желания остаться одной. Дождавшись, когда Верещагин ушел, Ольга откинулась на спинку стула и с минуту бездумно смотрела в окно, за которым медленно «разгуливался» по-осеннему серый день. Потом достала свой очерк, стала перечитывать. И с трудом одолела. Все в нем точно поблекло.

Она готова была порвать, швырнуть его в корзину, но помешал Челпанов. Вот уж кто был невозмутим. Спокойно подсел к столу, спокойно положил перед Ольгой только что тиснутые в типографии полосы.

— Вот, смотрите, чем мы располагаем,— сказал он.

Момент решимости миновал. Ольга спрятала очерк, придвинула к себе сырые газетные полосы.

— Здесь окно?

— Да. Оставил для вашего материала.

— Ставьте что-нибудь другое,— сухо сказала Ольга.— Мой материал пока постоит.

ХІХ

В райкоме пусто. Одиноко стучит машинка. Даже Валентины Ивановны не видно. Только заведующий учетом—пожилой мужчина—привычно горбится за клеенчатой дверью с окошечком. Но нет, кажется кто-то есть в партотделе. Ольга прошла туда. В комнате сидел Мостовой. Навалившись грудью на стол, разговаривал по телефону.

— Несчастье оставаться одному,— пожаловался он, бросив трубку на рычаг и отложив граненый цветной карандаш.— Звонки замучили. На кирпичном заводе пожар, в райпотребсоюзе жулика поймали, в техникуме перессорились, зовут мирить. Конца нет. А тут вагоны простаивают, перед элеватором очередь машин на полтора километра. Шоферы ругаются. Хоть разрывайся. Мостовой расстегнул верхний крючок на воротнике кителя, освобождая крепкую багровую шею, откинулся на спинку стула. Но ни по его движениям, ни по голосу не чувствовалось особенно, что он устал или тяготился занятостью. Скорее можно было подумать обратное, что обстановка, в которой приходилось самостоятельно решать многочисленные вопросы, вполне его устраивает.

— С чем пожаловала? А я тебя как раз ищу, Корнилов. Звонить собирался. Задача ударной важности. Умет небесная канцелярия. Прогноз опять драм.— Мостовой грузно повернулся, крупным об-

куреным ногтем, как клювом, постучал по стеклу барометра, висевшего в простенке. — Лезет на дождь. А у нас на токах хлеба около ста тысяч центнеров. Надо перебросить на элеватор. Есть решение бюро: мобилизовать актив, расставить на важнейших участках. Сейчас посмотрим, куда ты записана. Мы тут учли, что ты человек новый. Посылать далеко не стали. За тобой автобаза. Под боком, так сказать.

— Это, что же, уполномоченным? — равнодушно спросила Ольга, опустившись на краешек расшатанного деревянного кресла.

— Зачем? Уполномоченные — понятие устарелое. Представителем райкома. Про хлеб я тебе сказал? На автобазу основной упор. Ни одного факта простоев машин, круглосуточная работа, скоростные рейсы. Словом, за тобой партийный глаз. Тревожь, подталкивай, нажми, если нужно. У Кубрушко — две с половиной сотни машин. Но он — старый жук и смотрит на все со своей хозяйственной вышки. Для него экономия, прибыль — на первом плане, а интересы района потом. На что тебе следует обратить внимание в первую очередь?

Ольга слушала и думала о письме: показать его? Ведь для этого и шла сюда.

— Иосиф Григорьевич, — она развязала тесемки картонной папки, вытянула скрепку, соединявшую письмо с конвертом. — Вот посмотрите.

Мостовой взял листок, хмуро пробежал взглядом.

— Опять жалоба. Кто привез?

— Никто не привозил. Прислано по почте.

— Почта. Само по себе ничего не делается. На, — двинул он от себя письмо, — и спрячь подалее.

— Но ведь сигнал серьезный. Пишут рабочие.

— Они и нам пишут. Слава богу, все стали грамотными. Даже чересчур. Если каждый сигнал расследовать, некогда будет остальными делами заниматься. Вместо райкома организовать бюро жалоб.

— Значит, факты не соответствуют действительности?

— При чем тут факты? — Мостовой недовольно поморщился. — На факты тоже надо уметь глядеть правильно. С одной стороны посмотришь — кажется так, а с другой — иначе. Я убедился как-нибудь за двадцать лет, успел изучить людей — своих и приезжих. В совхозе около тысячи человек рабочих. И у каждого свое «хочу и не хочу», «надо и не надо». В доме отдыха вон никаких нагрузок у человека: знай себе лежи да гуляй, и то находятся недовольные. В прошлом году был я в Сосновке. Дом отдыха что надо. Комнаты на двоих, столовая просторная, ежедневно кино. Аппетит разыгрался — пожалуйста, дадут добавку. А все равно претензии: одно не так, другое не этак. И ведь кто бы капризничал: сопляк, извини за выражение, который с отцовской спины еще не слез и которому за неизвестно какие заслуги путевку дали на отдых.

А в совхозе вкалывать надо, да еще как вкалывать. Это ведь в кино только показывают, как в колхозном хозяйстве теперь все легко: кругом машины. Накручивай себе баранку и в ус не дуй. Но попробуй-ка покрути ее часов пятнадцать подряд, в пальцах да в грохоте. Да если еще неполадки. Так накрутишься, что ни рук, ни ног не чувствуешь, и белый свет не мил. А директор требует, потому что на

него самого жмут. И быть добрым дядей в его положении теоретически легко, а на практике трудно. Вот так, товарищ редактор. Ну, мы далеко забрались. Верещагин где у тебя был вчера, не в «Лесных полянах»? — инструктор райкома пытливо сузил глаза.

— При чем тут Верещагин? — не поняла Ольга.

— При чем? А ты не поинтересовалась, почему он войну ведет против Виталия Викентьевича?

— Я разговаривала.

— Сказал он? Нет? Не сказал. Ты думаешь, я зря ему про «зуб» сказал. Личные у него счеты с Ворожеевым. Никак не может простить, что тот его прижал малость. Он же работал в «Лесных полянах» и не доработал. Пытался завести свару, да мы вмешались. Так что посматривай. Парень он заковырестый. И не попадись на крючок. Из-за него можешь еще с кем-нибудь поссориться. — Мостовой многозначительно умолк.

— А разве я с кем-то поссорила? — удивленная этим внезапным переходом, спросила Ольга.

— Ну, тебе об этом лучше знать.

— Представьте, не знаю.

— А с Верой Васильевной?

— Если принципиальный разговор кому-то угодно назвать ссорой, то — пожалуйста. Только непонятно, кому?

— Ладно, ладно. Всякое случается в работе. Люди свои, — примирительно сказал Мостовой, заметив ее досаду. — Пусть будет разговор. Но без твоего сотрудника все же не обошлось? Корень в нем, как говорится?

— В данном случае Верещагин прав.

— Ну и все. Вопрос исчерпан. По автобазе есть вопросы? Задача ясна? Давай — к автомобилистам, бери их под контроль, — и Мостовой пристукнул ладонью по столу, в знак окончания разговора, как это делал Зорин.

Ольга вышла. Напоминание о разговоре с председателем райисполкома неприятно на нее действовало. Оказывается, об этом знают в райкоме. И вот еще в каком свете! Кто же рассказал: сама Новожилова или Валя? Но Ольга тут же отогнала от себя эти мысли: не все ли равно кто. Разве это сейчас важно. Как быть с письмом — вот что нужно решить.

Доводы Мостового казались убедительными. В самом деле: стоит ли придавать письму особое значение? Ворожеев руководитель большого хозяйства, у него чуть не тысяча рабочих; людей с разным характером, с различными запросами. А ведь пословица гласит: «Каждому не угодишь». С кого-то спросил излишне строго, в чем-то недоглядел. И вот результат: жалоба. И ничего страшного, если ее отложить. В конце-концов, она ведь не просто отмахнулась, а что-то предприняла, поставила в известность райком. Больше того, ей дали совет: не придавать особенного значения письму.

Но тут же протест: нельзя! Это же письмо в газету, ее обязанность разобраться, помочь вскрыть недостатки. Люди ждут ответа. Ольге вспомнились слова секретаря Центрального Комитета, сказанные на по времени приема выпускников партийной школы: «Ни одного сигнала читателей не оставлять без внимания. Читатель верит газете». И Верещагин. Он, конечно, запомнил ее обещание: «Разберусь». Что же ему сказать: положила письмо под сукно?

Ольга остановилась в коридоре, захлестнутая противоречивыми раздумиями. Ее окликнула машинистка райкома:

— Товарищ Коркилова, вам письмо!

«Опять письмо», — с тревогой подумала Ольга, невольно связывая это неизвестное письмо с тем, что лежало у нее в папке. Записка была от Ворожева: догадалась по адресу на конверте. Буквы стояли твердо и прямо, как вбитые гвозди.

«Оленька, здравствуй! Как видишь, поддерживаю дружбу с газетчиками. Посылаю то, что ты просила: сравнительные данные по росту продуктивности нашего хозяйства за последние пять лет. Немного задержался, дел по горло. Бью в большую цель: свалить уборку первым в районе, а это, с учетом мокрой погоды, — задача не из легких. Но приналяжем, поднатужимся — решим! Дома — порядок. От Людмилы большущий привет. Занята подготовкой к зиме: варит варенье из рябины. Ты не представляешь, что это за вкусная штука. Выпадет путь в Зеленодольск — привезет гостинец. Жму руку. Виталий».

Ольга отошла к узкому окошку в конце коридора, полистала таблицы, отпечатанные на машинке, перечитала еще раз записку, но так и не могла вспомнить: просила она их или нет.

XX

Автобаза в Зеленодольске была на отшибе, в полукилометре от села. Обширный, исклестанный рубчатками следами прожекторов двор казался пустынным. В дальнем конце возле приземистых строений

ремонтной мастерской теснились десятка полтора автомашин. Да у большого дома с флагом — конторы — стоял запыленный грузовик.

Кубрушко встретил Ольгу приветливо:

— Ну, здравствуй, здравствуй, комиссар. Знаю о твоём назначении и жду, — сказал он, пряча улыбку в усах.

— Какой же я комиссар, Василий Тарасович? — запротестовала Ольга.

— Комиссар, — повторил Кубрушко. — А как другому? Комиссар и есть. Да ты не возражай, это хорошее слово. Большое по смыслу.

— Но есть ли смысл в моей роли представителя?

— И это нужно, Оля. Сам крутишься тут, приывкаешь. А ты человек свежий. С чего начнем знакомство? Все мои резервы налицо: хромые, разутые, больные. Восемнадцать штук. Можешь записать. Остальные в разгоне. Если удастся, парочку к послезавтрашнему дню поставим на ноги: мои автомобильные «доктора» обещали, — говорил Кубрушко, грузно шагая через двор по направлению мастерской. Он, точно желая убедить представителя райкома, что кроме стоящих на виду машин больше нигде и ничего нет спрятанного, завел Ольгу сначала в гараж, затем моторный цех, в кузницу, где на разные голоса звенели молотки. После всего этого обхода вернулся в контору.

И диспетчерской Кубрушко потребовал у дежурной график расхода машин.

— Сейчас картина будет ясной, — придвинул он Ольге. — Тут все наши хитрости на виду. Заходи, записывай, если хочешь. А о том, как люди работают, Пидя тебе расскажет. Она у нас главный

командир. К тому же — комсорг. Знает каждого, кто чем дышит. Насквозь видит человека: вот какая она у нас.

— Василий Тарасович, откуда же знаю каждого? Столько водителей, — смутилась девушка-диспетчер, стоя по другую сторону деревянного барьера, обтертого до блеска локтями шоферов.

— Знаешь. На то ты и шоферский командир. А шоферы народ открытый; хорошо — не молчат и плохо — тоже. Знай, приглядывайся да прислушивайся. Ну-ка, что это у тебя тут написано: куда четыре «ЗИЛа» направлено?

Присели к столу. Кубрушко вооружился очками.

— Оля, отметь у себя: двенадцать машин ушло в город в распоряжение автотреста на два дня. Семь — бензовозов.

Он и в самом деле держался так, словно при проверке.

— А нельзя ли сначала о людях, — попросила Ольга, поглядывая на диспетчера.

— Ладно, расскажи, что там с Касымом стряслось? — согласился Кубрушко.

— Так вы же знаете, какой он странный. Ребята в шутку сказали, что часто сюда заезжает. Касым после этого пропал, — девушка чуть покраснела. Поправила смущенным жестом волосы. — День не появляется, второй. Насилу разыскала по телефону. «Сейчас же, говорю, возвращаясь отдыхать: приказ директора — больше десяти часов за рулем не находиться». А он отвечает: «Не устал, говорит, какой отдых? Это маменькины сынки отдыхают, у кого нежное воспитание, а мне некогда — хлеб надо возить». Все же потом подчинился, приехал. Подкатил

сюда. Чувствую по тормозам: его машина. Он всегда с размаху останавливается, его за это механик сколько раз ругал. Ну, думаю, сейчас появится. А его нет. Пять минут не показывается, десять. Полчаса. Что такое? Вышла узнать. Вижу, торчат из-под машины сапоги. Окликнула — не отзывается. Толкнула — молчит, как мертвый. Я перепугалась: вдруг плохо с человеком? Как раз ребята подошли из мастерской. Вытанули его из-под машины, внесли сюда, положили на скамейку — и тут все выяснилось: сон свалил Касыма. Полез под машину проверить что-то и заснул. Не стали мы его тревожить. Часа через полтора сам проснулся: повернулся во сне и упал с лавки на пол. А потом вскочил и — к машине, путевку даже позабыл отметить.

— Фокусник, — с улыбкой покачал головой Кубрушко. — Ты посмотри, Оля, нельзя ли о нем в газету черкнуть. Хвалить не надо, а чтобы только знали, что есть такой парень и неплохой.

— Напишу обязательно, — пообещала Ольга, с готовностью доставая блокнот, — и мне, пожалуйста, назовите еще несколько лучших водителей.

— Все стараются, подгонять не приходится. А вот кого выбрать? Давай вместе посмотрим.

Кубрушко на память знал фамилии водителей, марки и номера машин. Говорил о людях с охотой, в каждом что-то находил, подмечал, и Ольга почти приносила им.

— Вам можно позавидовать, — не удержалась она от восхищения. — Столько всего держать в памяти.

— А чего же здесь делать, если за столько лет не вспомнить? Я ведь говорил, что в Зеленодольске давно. Уполномоченным только, или как теперь го-

ворят — представителем, в каждом селе побывал раз по десять. Да, побывал, — в задумчивости повторил Кубрушко. — Помню, как-то вскоре после войны, угодил в колхоз: не то по учету семян, не то по обмеру сена. Дело было ранней весной. Подтаивать уже начало. Приезжаю, а там нашего брата-уполномоченных — человек пять или шесть собралось. Сидят у председателя, обложили его со всех сторон, как охотники медведя: из-за стола не дают выйти. Понакурено! Будь колхоз покрупнее, распределились бы мы по бригадам — не так заметно. А то одна деревня. Деваться некуда. Табунимся кучей, ломаем голову, как день убить. С утра собираемся в контору, чтобы поймать председателя. Куревом друг друга отравили. И уехать нельзя — у всех твердый срок. А время было голодноватое, год накануне выдался засушливый, да еще карточная система. Жили мы по квартирам. Поставили и меня к одной колхознице, выписали полпуда муки, картошку, крупу. Польза не польза, а кормить человека надо. Хозяйку обязали готовить.

В первый день, помнится, напекла она мне лепешок. Сел я за стол, ем и чувствую, будто мешает мне что-то. Глянул на полати, а оттуда ребятишки на меня смотрят: четыре пары глазенок. Кусок в горле у меня завяз. Бросаю завтрак — и к председателю. Вот что, говорю, пиши в райисполком, проси продовольственную ссуду. А нас — нахлебников — гони в шею, чтобы не объедали. Уехал я сам из колхоза и других уполномоченных сговорил.

Кубрушко помолчал, глядя в окно, и мохнатая с проседью бровь его дрогнула от какого-то внутреннего изумления.

— А та женщина, как после я узнал, оказывается, чужих детей растила. Перед войной вышла замуж за вдовца, он погиб на фронте, а ребятишки остались с ней: мал-мала меньше. Другая бы отдала в детдом, с полным основанием. А эта не захотела. Сама вырастила. Сейчас старший сын у меня в автобазе шофером. Как видишь, с лепешек началось наше знакомство. — И неплохой водитель.

— Вы про кого это, Василий Тарасович? — заинтересовалась диспетчер.

— Про Петра Холодова. Он-то на меня и глядел с полатей.

— А женщина? — спросила Ольга.

— В колхозе. Работает дояркой. Заинтересовалась, вижу?

— Хороший человек, большой души.

— Да, — кивнул Кубрушко. — Подумаешь вот так: золотые у нас люди. Горы можно свернуть с нашим народом. Только сумей к человеку подойти, не смотри через голову. Ну, мы отвлеклись: давай-ка дальше, — он склонился над графиком.

— Василий Тарасович, — сказала Ольга, думая о письме рабочих совхоза. — Если я на день-другой оставлю свою «комиссарскую» должность, надеюсь, ничего не случится?

— А ты чего меня спрашиваешь? Валяй. Понадобиться — найдем.

XXI

Дилония дождевая туча, размахнувшись в полнеба, писала над степью. Пресный запах влаги врывается и набила смосвала. Казалось, озеро близко: еще один поворот, и дорога упрется в берег.

Но вот шофер, пожилой угрюмого вида человек, притормозил возле свертка и едва ли не в первый раз за все время разжал губы:

— Пятое отделение,— махнул он рукой в неопределенном направлении.— Бригада ихняя здесь, а поселок чуть подальше. Машины тут часто ходят: зерно отвозят от комбайнов.

Ольга открыла дверцу, соскочила с подножки на подступавшую к дороге стерню. Дождалась, пока машина отъехала, и пошла между валками, с опаской поглядывая на небо. Туча росла на глазах, рваные края тянулись по сторонам, как щупальцы. В чернильной гуще клочьями белой шерсти свисали градовые полосы. Дождь приближался. Но в тот момент, когда на землю шлепнулись первые увесистые капли, произошло нечто волшебное. Тучу словно разрубили надвое. Она медленно раздвинулась в стороны, как занавес. В образовавшемся разрыве, на фоне светлого предвечернего неба, завиднелся самоходный комбайн, подбиравший валки.

Ольга пошла навстречу. Приблизившись, комбайн остановился. Грохот смолк. Осело пыльное облако. С площадки под парусиновым тентом соскочил штурвальный. С минуту сквозь тусклые стекла квадратных окуляров рассматривал девушку, потом быстрым жестом толкнул кепку назад, поднял на лоб очки. Белозубо улыбнулся:

— Гражданка, вы к нам?

— К вам,— ответила Ольга, невольно перенимая от него улыбку. Штурвальный был совсем юным пареньком, с белесыми бровями, порослью на верхней губе, темной от набившейся пыли.— Это бригада пятого отделения?

— Она самая. Непобедимая, непромокаемая, гвардейская и так далее. А что вас интересует в бригаде? Или, извините, кто?

— И «кто» и «что». Все сразу.

— В таком случае, может быть, я? Разрешите познакомиться,— парень глянул на свои ладони, отшлифованные до антрацитового блеска штурвалом, преодолев мгновенное колебание, вытер их о комбинезон и протянул руку.— Крупеня, Михаил.

— Корнилова.

— Наташа? — перебил комбайнер.— Угадал?

— Нет.

— Значит, Зина.

— Почему именно Наташа и Зина? — Ольга рассмеялась, сказала свое имя.

— Тогда отпределю, кто вы и откуда,— продолжал паренек.— Это уж будет точно. Итак. Не из нашего совхоза, во-первых. Культработник.

Ему, видно, наскучило за день, и он не прочь был поболтать: называл одну за другой разные профессии, чтобы только не прерывать разговора.

— Не получается у вас с отгадыванием, Михаил Крупеня,— остановила его Ольга.— Я не библиотекарь и не учительница. Я из газеты.

— Писать будете? В газету? — комбайнер немного смутился.

— Буду.

— Може, и про нас напишете?

— Конечно, вот посмотрю, как у вас идут дела.

— Тп, дела идут.— Паренек достал помятую папиросу, хотел закурить, но тут же сунул ее в карман.— Садитесь. Вот сюда.

Он охапкой сгреб в кучу солому, казалось, сохранявшую тепло молотильного барабана. Ольга послушно села. Сам он опустился прямо на землю, поджав под себя пыльные кирзовые сапоги. Как бы оправдываясь, сказал:

— Перерыв на перекур.

Потом снова достал папиросы, закурил. Поглядел, щурясь, сквозь дым:

— А вы из какой газеты: из республиканской или областной?

— Из районной, «Знамя Октября».

— «Знамя Октября»? — не без сомнения переспросил паренек.

— Не верите?

— Та почему ж? Просто совпадение. Мы же как раз туда и писали к вам.

— Вы?

— Не я лично. Хлопцы писали. Помощник мой писал. Я его сейчас покличу. Что-то он прячется. Эй, Василь, чуешь? Топаи сюда!

Из соломокопнителя выбрался парень в матросском бушлате, обсыпанном мякиной. Неторопливо подошел, на ходу стряхивая пыль. Суконные флотские брюки, когда-то черные, а теперь принявшие мышинный цвет — заправлены в сапоги. На голове кепка. «Моряк», — подумала Ольга.

— Василий Дрябин служил на Северном флоте, демобилизовался, — отрекомендовал его Крупеня. Сам матрос лишь сдержанно кивнул, поправил кепку.

— Василь, то ж из газеты товарищ. Как раз, куда вы писали.

«Дрябин, Дрябин», — повторила про себя Ольга,

припоминая фамилии рабочих, подписавших письмо. Так это один из них и есть. Она внимательно посмотрела на матроса. Строгое лицо, хмурые брови. Обветренные губы сжаты. В сером со светлинкой глазу — сосредоточенность. «Нет, такой жаловаться по пустяку не будет. И если его письмо оставить без ответа, не напишет уже больше никогда», — подумалось ей.

— Товарищ Дрябин, я приехала по вашему заявлению, вернее, по письму. Вы пишете о плохих бытовых условиях в бригаде, — сказала она и сделала паузу, досадуя на эту казенную фразу.

— Ну? — замкнуто отозвался матрос.

— Скажите, есть ли какие-нибудь перемены. После того как вы написали?

— По щучьему велению?

— Но, возможно, был момент.

— Думаете, накрутили лишнего? — по-своему понял парень ее заминку.

— Нет. Но правило газеты: проверка фактов. И не потому, что мы не верим. Может быть, фактов еще больше и нужно выводы обобщить. Придать большее звучание.

— Да у нас не так уж плохо, — вступился Крупеня, оправившийся от неловкости и снова принявший вид человека, любившего пошутить. — Живем, как на курорте: хочешь — ешь, хочешь — построй. Полная свобода.

— Нам расхвалили в райисполкоме, когда мы приехали: передовой совхоз. А тут такие порядки, что не поймешь, кто хозяин. Повариху найти не могут. Чую вскипятить некому, — недовольно сказал матрос.

— А ты думал, как во флоте: сигнал обедать, три раза в день. «Бери ложку, бери бак»... и все в порядке? Тут, Василь, гражданка. Привыкать надо,— с серьезным видом посоветовал Михаил Крупеня.

— Знаю я и гражданку. До флота на стройках работал. За целину обидно: люди со всей страны едут, а тут как будто другое государство. Приехал — хорошо и уехал — тоже. Внимания ни на грамм.

— Один совхоз — это еще не целина.

— Годи, Василь. Все наладится к тому времени, как уборка кончится. Дома жинка борщ сварит, у кого она есть. А сейчас двинули,— Крупеня затушил окурок, поднялся.

— Может, вам наше начальство требуется, тогда идите прямо. Вон за тем леском — стан. Если бригадира нет, то Стручок скажет, где он.

— Кто это Стручок? — спросила Ольга и тоже встала.

— Есть такой хлопец. Ну, бывайте,— надвинув очки, Крупеня подошел к комбайну, взобрался на мостик, прибавил газу: мотор, работавший на малых оборотах, рассыпал гулкую дробь выхлопов. Матрос вернулся к соломокопнителю. Крупеня дождал, пока он займет место, и налег на штурвал, подгоняя комбайн к ломаной грядке валка.

Бригадный стан, приютившийся на опушке березовой рощицы, встретил Ольгу тишиной. Два зеленых дощатых вагончика выглядели покинуто. Ветром лениво шевелило выцветший красный флаг. Рядом стоял наполовину разобранный колесный трактор. В траве валялись блестящие диски лущильника, похожие на металлические тарелки.

Ольга заглянула в один вагончик: пусто. В другой — тоже. На нарах — одежда. На длинном столе — кружки, хлеб, несколько затрепанных журналов. Фанерная Доска показателей у входа в вагончик исписана мелом. Первой в столбце стояла фамилия Крупени. Затем прочерк и напротив — 105 процентов. Ольга списала выработку комбайнеров и направилась к навесу из веток, где стояли кони, запряженные в водовозные дроги. Подросток в стареньком лыжном костюме, вихрастый и плотный, черпал воду помятым железным ведром.

— Мальчик, где бригадир?

Подросток не спеша вытянул из квадратной горловины бочки ведро, вылил воду в другую бочку, стоявшую на земле, и только потом ответил:

— А нет его. В поселок поехал.

Басок у него был ломкий, мальчишеский. Выпивавшие скулы точно обуглились от загара. Под курткой чувствовалось мускулистое тело.

— А ты не Стручок? — спросила Ольга.

— Ну, я,— парнишка нахмурился и покраснел.— Только не Стручок, а Стручков. Это Крупеня придумал. Обзывает всех.

— Извини, Стручков. Так как же мне найти вашего бригадира? Поселок далеко?

— А прямо вон за тем лесом. Километра три.

Ольга склонилась, чтобы завязать шнурок на туфле. И заметила: парнишка со скрытым любопытством следит за ней.

— До свидания, Стручков.

— Вы погодите,— насупившись, сказал он.— Иначе наю воду и подброшу.

— Стоит ли? Я дойду.

— Подвезу. Мне все равно ехать за хлебом,— всем своим видом парнишка как бы хотел подчеркнуть: «Не думай, что специально делаю для тебя. Действительно надо в село». Ольга улыбнулась.

— Спасибо. Тебе, может быть, помочь? Давай, давай. Ты будешь доставать, а я выливать в бочку.

Она легко преодолела его возражения и через минуту уже принимала от него ведро. Вдвоем вычерпали воду быстро. Свалили на землю набухшую бочку. Ольга устроилась на дрогах, свесив ноги. Кучер вооружился кнутом с кистями, с рукояткой, сплетенной из желтых и оранжевых прутьев таволги, тряхнул вожжами, и застоявшиеся мослатые кони послушно взяли с места в карьер.

Некоторое время ехали молча. Ольга придерживалась руками за дробину и сбоку поглядывала на парнишку, на сурово поджатые припухлые мальчишечьи губы. Чрезмерная серьезность водовоза ее забавляла.

— Стручков, как тебя звать?

— Ну, Федором.

— А сколько тебе лет?

— Ну, шестнадцать.

— Чего это ты все время говоришь: «Ну»?

— Привычка.

— А можешь не говорить? Это засоряет речь.

— Ну, могу.

— Вот опять,— рассмеялась Ольга.— Ты в каком классе учишься?

— Учился в седьмом.

— Почему учился? Теперь разве не ходишь в школу?

— Бросил.

— Не захотел?

Паренек шмыгнул носом, промолчал.

— Зря. С семьей классами далеко не уйдешь.

— Матери одной трудно,— потупился паренек.— Вот и бросил.

— Как трудно?

— Ну, с семьей трудно. Одной работать.

— А отец?

— Нету отца. Бросил он нас.

Ольге неловко стало за свое внушение.

— Учиться тебе все равно надо. Может быть, поступить в вечернюю школу.

— А нет у нас вечерней. У нас начальная только. А я в училище механизации хочу. Заявление подавал.

— Ну и как?

— Не отпустил управляющий. Говорит, годы не вышли. А шестнадцати лет принимают, я узнавал. Лишь бы рекомендация была от совхоза.

— На управляющем свет клином не сошелся. Мог бы обратиться к директору.

— Да, обратишься к нему. Попробуй,— паренек хмыкнул.

— А что?

— У нас все его боятся. Подойдешь к нему, а он крикнет или отмахнется — и на этом все. Никто и не подходит. Злой.

— Директор ваш не злой. Он хороший человек. Ты просто его не знаешь,— горячо возразила Ольга, видястая этим отзывом о Ворожее.— И он поможет обязательно, если ему рассказать. Ты ведь сам с ним не разговаривал, правда? — она стала рассказывать, что Ворожеев был на фронте, что очень много сделал,

как руководитель совхоза. Потом, заметив, что слова ее не особенно доходят до собеседника, предложила:

— Хочешь, я поговорю насчет тебя?

Парнишка как-то недоверчиво глянул и молча задержал вожжами, подгоняя коней. Въехали в поселок. Небольшие домики со скворешнями, огороды, увитые хмелем; в зеленовато-буrom разливе картофельной ботвы — тяжелые головы подсолнухов. Запах дыма.

Ольга пыталась припомнить: была или нет здесь во время поездки с Ворожеевым.

— Давай к конторе, — попросила она. Поравнялись с большим деревянным домом под железной крышей, стоявшем на углу буквой «Г». Паренек остановил лошадей.

— Тут контора. Вход со двора. А дом бригадира вон там, на другой улице. Видите, с голубыми ставнями?

— Спасибо, Федя. — Ольга соскочила с водовозки, прошла в контору. Две комнаты — и в обеих никого нет. Столы, шкафы с бумагами, на стенах плакаты. У входа — бачок с водой и алюминиевая кружка. Ольга постояла, подождала — никого. Потом вышла. Обогнула контору. Тут, второе крылечко с улицы. На дверях замок. Белеет приклеенная бумажка: «Продается изба». На бревенчатой стене обрывки афиш. Догадалась: клуб. Привстав на выступ фундамента, заглянула в окно. Пустое помещение, на полу — рыжий ворох льняного семени. Скамейки сдвинуты в угол.

Ольга отошла от окна. Бригадира не оказалось и дома. Побродив с полчаса по улице, она вернулась

в контору. Решила подождать: должен же кто-то прийти.

День кончался. Туча, грозившая дождем, давно уползла в сторону. На светлом, будто вымытом небе, за шиферными крышами поселка холодно дотлевал закат. Меркли краски. Наступали легкие, как паутина, вечерние сумерки.

По улице ребяташки гнали коров: перекликались, щелкали бичами. К оградке перед конторой подошла пятнистая круторогая корова, просунула в пролом штакетника морду, шумно дыша, пыталась языком достать зеленый подсолнух. Подоспевший парнишка лет двенадцати, босоногий, обгорелый за лето до черноты, отогнал корову и, размахивая палкой, как саблей, запел высоким ломким тенорком:

Выезжает маршал на коне,
Маршал знаменитый по всей стране...

Песенка была знакомая, и Ольга долго припомнила ее слова. Так она сидела, пока не стемнело. В конторе по-прежнему никого не было.

Ольга совсем уже было поднялась, чтобы выйти на улицу, но в это время послышались шаги за дверью. Вошла женщина, судя по платку, белевшему на голове. Остановилась на пороге, вглядываясь в темноту и шаря на стене выключатель.

— Есть здесь кто или нет? Не пойму.

Красноватым накалом вспыхнула под потолком электрическая лампочка.

— Посторонние тут, а я-то бежала, торопилась. Думала, директора застану. Видела, мелькнула машина. Не задержался, знать, — произнесла разочарованно. Ольге показалось, что она где-то видела эту

пожилую женщину, особенно ее глаза: умные, внимательные, в лучиках морщинок. И вдруг вспомнила: на фотографии, возле Дома культуры. В галерее передовиков сельского хозяйства Зеленодольского района висел портрет телятницы совхоза «Лесные поляны», Героя Социалистического Труда Анны Петровны Боровских. Правда, на портрете она выглядела моложе.

— Так, стало быть, никого? Поразбежались все,— сказала женщина и посмотрела на Ольгу.— Ну, а вы кто будете?

Ольга назвала себя.

— Ну, со всеми делами теперь до утра,— сказала Боровских.— С квартирой-то вы договорились, ночевать где будете?

— Пока не знаю,— призналась Ольга.— Но, наверное, устроюсь как-нибудь. Диван вон есть.

— Контору не топят. А одежда на вас,— Анна Петровна критически оглядела ее плащик.— Закоченеете. Ну-ка пойдемте ко мне. Чего тут будете маяться? — И видя, что девушка колеблется, уже настойчиво повторила:

— Пойдемте, пойдемте. Поужинаем вместе. Мне, старухе, будет веселее.

Ольга думала, что знатная телятница живет в хорошей благоустроенной квартире и, идя по залитой сумерками улице, выискивала дома попросторнее, побогаче, стараясь угадать, к которому из них Боровских свернет. Но вопреки ее ожиданиям, Анна Петровна остановилась возле невзрачного вида хатенки, крытой камышом. В темноте зашевелились обитатели двора: взгоготнули гуси, хрипло закрикал селезень, загремел цепью пес.

— Почуяли. Не хотят спать натошак,— добродушно усмехнулась женщина, откидывая веревочную петельку на воротах. На притолоке нашарила ключ, открыла дверь; провела гостью в дом, заставила раздеться и, извинившись, побежала устраивать на ночь свое домашнее хозяйство.

Оставшись одна, Ольга оглядела комнату: небольшая, с наклонным потолком; сквозь штукатурку отчетливо проступали жерди. Кирпичный, беленый известью обогреватель отделял комнату от кухни. Скромная обстановка: кровать с горкой подушек, несколько гнутых стульев, сундук, застланный лоскутным ковриком. Чисто, уютно. Чувствовалось сразу, что живет одинокий, но не оторванный от жизни человек. На комод радиоприемник, стопка книг, одна с закладкой — читалась. В простенке фотографии. Ольга подошла, чтобы получше рассмотреть. Карточек было много, какие-то мужчины и женщины, одетые по-старомодному, с напряженными позами; дети в скромных платьицах тридцатых годов. Фотографии солдат. Чаще всего два одних и тех же лица: усатый сурового вида мужчина в пилотке, глубоко надвинутой на лоб, и молодой парнишка-командир: щегольская фуражка, погоны лейтенанта. Здесь был целый домашний музей. Рядом с карточками висели прищипленные к стене кнопками многочисленные почетные грамоты, выданные хозяйке райкомом партии, райисполкомом, областными организациями. Разноцветные, разной величины, поблекшие от времени и сверкающие свежей краской и позолотой свидетельства трудовой славы. Тут же были ордена и медали. Ярче всех сиял орден Ленина и Золотая звезда Героя Социалистического Тру-

да. Ольга первый раз видела эти высокие награды так близко и с детским любопытством потрогала пальцем ровные грани золотой звездочки. Профессиональная жажда овладела ею: богатейший материал так и просился под перо. И расспрашивать не надо: вся жизнь человека, весь его трудовой путь вставал из этих документов.

Перегнувшись через комод, Ольга читала надписи на грамотах: «За высокие показатели в работе», «За безупречный труд», «А. П. Боровских — от выставкома ВСХВ за успехи в выращивании телят». Она увлеклась и не заметила, как вернулась хозяйка.

— Ну, вот управилась с делами. Будем ужинать. Не заскучали здесь?

— Вы извините, — сказала Ольга, — разглядываю без разрешения. Сколько у вас наград!

— А, есть: за тридцать лет накопилось. Телятишки помогли заработать.

— Тридцать лет! Сколько же вы их вырастили за это время?

— А и не знаю. Много. В прошлом году — триста. Нынче за полгода — сто восемьдесят. Записано у меня, — Боровских отодвинула ящик комода, достала толстую общую тетрадь, полистала, улыбась. — Моя бухгалтерия. Все тут сказано о каждом малыше: когда на свет появился, кличка, масть, вес. На старости лет развела канцелярию. Елизавета Сергеевна заставила. А теперь уже и сама привыкла.

— Кто это Елизавета Сергеевна?

— А Савич, наш зоотехник. И как ведь удобно: про любого спроси — картина полная.

Анна Петровна стояла, перелистывая тетрадь,

прищурив глаза в улыбке. Сейчас она не казалась такой строгой и озабоченной, как в конторе. Ольга смотрела на ее маленькие обветренные руки, на огрубевшие пальцы, не совсем ловко перебиравшие страницы, и ей вспомнился полный восторга рассказ Егорычева об этой женщине. По его словам, Боровских, растерявшая в войну семью — муж и сын убиты на фронте, младшие дети умерли, — только и живет работой. Дни и ночи проводит на ферме. У нее самая трудная группа телят — от рождения и до трех месяцев. Анна Петровна возится с ними, как с ребятишками, выхаживает буквально каждого, добиваясь ежедневного привеса на целый килограмм. Егорычев рассказывал, как она боролась с поносами: поила телят полынным отваром, крепким чаем, даже варила для них кофе, закупая его на свои деньги в лавке.

Ольге особенно запомнился рассказ о том, как Боровских не дала резать теленка, страдавшего с рождения эпилепсией и выходила его. Несколько месяцев держала в изоляторе, создав чуть ли не больничный покой, сама делала уколы новокаина.

Ольга спросила:

— Анна Петровна, а как ваша Сказка?

— И вы знаете? — удивилась женщина. — Это кто же доложил? Жалко животину. Ну, зарезали бы, толк какой? А тут, глядишь, корова выйдет. Видели вчера в табуне свою Сказку: веселая, сил набралась. Пастух жалуется: задирой стала, рога пробует. Растет. Да что мы взялись о телятах? Давайте ужинать.

Хозяйка сунула тетрадь в ящик, быстро собрала на стол. Поставила тарелку вареных яиц, сливочное

масло, хлеб. Принесла никелированный чайник с кипятком и маленький фарфоровый чайник с заваркой; один бок запачкан золой — томился на загнетке.

— Придвигайтесь поближе, как вас по батюшке?

— Зовите просто: Оля.

— Я уж, Оля, на скорую руку. Чем богата, тем и рада. Не успеваю с домашностью. Сготовишь кое-как, а иногда и вовсе время не выберешь. Завтра, ежели останетесь, угощу свежими щами.

Едва сели за стол, во дворе сердито заворчал пес и тут же смолк. Кто-то привычно и быстро прошел через темные сени, потом через кухню, и в дверях выросла щуплая фигурка девушки в лыжных брюках и телогрейке. Она, видимо, торопилась сюда; веснушчатое лицо покраснелось от быстрой ходьбы и выражало нетерпеливость. Однако, заметив в комнате постороннего человека, девушка точно сразу погасла. Светлые бровки сдвинулись ммуро.

— Анна Петровна, я по делу.

— А без дела так и нельзя? Садись-ка чай с нами пить.

— Некогда. Я на минуту.

— Садись. Не семеро по лавкам бегает. Придешь на квартиру, а там и живым не пахнет. Знаю я Лукьянику: деньги содрать с постояльца она горазда, а чтобы проявить о человеке заботу — не больно.

— Руки у меня грязные. С фермы и прямо сюда.

— Пойдем, горячей воды налью в умывальник.

Девушка разделась на кухне, вымыла руки. Без куртки выглядела она совсем худенькой, под полозатой блузкой выступали острые плечи. Присела к столу, коротко кинула Ольге:

— Савич.

И склонилась над стаканом, обхватив его тонкими, покрасневшими от воды пальцами.

— Поешь сначала, потом за чай. Небось, с утра во рту ничего не было, — заботливо сказала Боровских, придвигая к ней тарелку. Девушка, подчиняясь хозяйке, взяла яйцо, улыбнулась:

— Зорька разрешилась, Анна Петровна.

— Да неужто? — женщина даже руками всплеснула. — Это когда же она успела?

— Как только вы ушли, сразу. И бычок такой крепкий.

— Ну, хитрюга. Быстро спроворила. А я-то ждала через неделю, не раньше. Обвела. Приняли-то как? Иван Федорович был? — встревоженно расспрашивала Боровских.

— Вызвали Ивана Федоровича. Все в порядке. Можете записать себе: вес пятнадцать килограммов, мастью целиком в мать. А назовете сами.

— Пусть уж Иван Федорович и назовет. Его крестник. Значит, все обошлось благополучно? Радость ты принесла. Ну, а еще что? По лицу вижу — не все сказала. Доктор был?

— Был, — кивнула Савич.

— Что говорит?

— На анализ отправил в город. Говорит, одно из двух: или паратиф или энтерит, которые, как известно, в первоначальной стадии схожи по симптомам.

— Чего же он ставит их рядом, пугает?

— Привычка лекаря: предполагать худшее. Тем приятнее, если диагноз не подтвердится.

— Какое тут приятство, пес его возьми. Хожу весь день сама не своя. Увидела тебя, и сердце за-

шлось. Чего боялись, то и случилось. Взрослые еще ничего, а как на малышей перекинется?

— Ничего пока не известно. Завтра получим анализ. Прививку от паратифа сделали. Будем ждать.

— И откуда напасть? Летом, в жару, уберегли. А тут пожаловала беда,— горестно вздохнула Анна Петровна.

— Беда вполне закономерная. И вспышки эпидемий и падеж — все это будет до тех пор, пока мы будем стоять к животноводству спиной, а не лицом, как это положено. Надо радоваться, что беда такая, а не в большем масштабе,— возразила Савич, очисшая яйцо ногтями, сбитыми, как у мальчишки. «И сама, как мальчишка»,— подумала Ольга, поглядывая на сосредоточенный профиль зоотехника, на светлые короткие волосы, торчавшие из-под шпилек петушиным гребнем. Она дождалась, пока девушка очистит яйцо, придвинула ей солонку.

— Вот, пожалуйста.

— Спасибо.

— А ведь мы с вами встречались, Лиза. Вас можно так называть? Правда, мимолетно. В конторе совхоза. Не помните?

— Гости у нас в конторе часто, а наш брат — не очень. Можно не обратить внимания.

— Да, конечно,— поторопилась согласиться Ольга: ей хотелось завязать с девушкой разговор.

— Вы окончили сельхозинститут?

— К несчастью.

— Алматинский?

— Угадали.

— Вам нравится здесь?

— Нужен, конечно, утвердительный ответ? —

усмехнулась Савич, откусывая круто сваренное яйцо и отламывая хлеб тонкими пальцами.

— Нет, почему же,— возразила Ольга, сделав вид, что не замечает отчужденности в словах девушки.— Просто интересуюсь. Сама недавно в районе и не совсем еще акклиматизировалась.

— Это зависит от характера: один привыкает к новому климату быстро, а другой — не очень. Я отношу себя к тем, кто не очень. Потом,— девушка снова усмехнулась,— молодому специалисту положено быть неуживчивым, иначе получится нетипично. Институт — случайность, жизнь в деревне — тяжкий долг. И в завершение — бегство в город, к папаше с мамашей, к благам цивилизации.

— Но вы-то наверняка не подходите под этот шаблон. Я поняла из вашего разговора с Анной Петровной.

— Как знать? Возможно, наоборот.

— А вы ей не верьте, Оля,— вступилась Боровских,— никуда она отсюда не уедет. Уезжают те, кто легко жить хотят. Да мы ее и не отпустим.

— Я не особенно хорошо представляю профессию зоотехника, но, мне кажется, работать в передовом хозяйстве интересно. Правда? — сказала Ольга, продолжая поглядывать на собеседницу. Девушка чем-то напомнила ей Верещагина: та же ирония, та же недоговоренность в словах.

— Передовой совхоз — значит все в порядке. Конечно...— Савич даже не усмехнулась, а чуть надернула выгоревшей белесой бровью, и это движение придало ее словам обратный смысл.— Наше счастье, что животные не обладают способностью гордиться. В противном случае плохо бы нам пришлось.

Как в сказке говорится: забодали бы нас рогами, затоптали копытами. И с полным основанием.

— Почему?

— А вы не знаете? — девушка пытливо и недоверчиво прищурилась. Относимся к скоту по-скотски, если не хуже. Едем на дедовском наследии. Базы на честном слове да на мольбах только и держатся. Зимой дыры не успеваем затыкать. Все, что сделано за мою бытность — это деревянный настил. До этого коровы просто стояли по колено в грязи. Скот гоняем поить на озеро. А в бураны вообще без воды. И после этого требуем высоких надоев.

— А как у вас с механизацией фермы?

— Вилы да руки — вот и вся наша механизация. Говорим о перспективах развития животноводства в совхозе и таскаем силос коровам в переднике. Как по-вашему, вяжутся два этих понятия? За каждой дояркой закреплено в среднем по семнадцать коров. Кроме дойки нужно задать корм. Если взять, примерно, по тридцать килограммов на корову, то получается, что доярка ежедневно перетаскивает на себе до полутонны груза. Упор на мускульную силу. Как в той песне, про дубинушку: «Эй, ухнем...» — Веснушчатое лицо девушки выражало откровенное возмущение и взволнованность.

— Но в чем причина?

— А в чем? — порывисто отозвалась Савич. — Почему Анна Петровна, ветеран совхоза, Герой Социалистического Труда, живет в такой хибаре? — вскинула она взгляд на жердяной потолок комнаты. — Хотим ехать на энтузиазме людей — и только?

— Да чего тебе далась моя хибара? — возразила Боровских. — Приемы мне устраивать, что ли?

Тепло, светло — и ладно. Ты вот переходи ко мне, заживем — лучше не надо.

— Подожду, когда возьмут замуж. — Девушка улыбнулась уголком губ. — Здесь дюжина всевозможных доводов против механизации, — продолжала она, поглядев на Ольгу. — Вы поинтересуйтесь: тут и отсутствие постоянного источника электроэнергии и какая-то очередность в строительстве. Кое-кто старается доказать недоказуемое: дескать, при механической дойке корова отдает не все молоко. И совсем смехотворные доводы: коровы якобы плохо переносят жужжание электродойки, а при сильных морозах трескаются резиновые части доильных агрегатов. Вам кажется, может быть, невероятным, но это так. И результат этих «точек зрения» — буреночек доят вручную, как двадцать, как тридцать лет назад.

— Но ведь есть в совхозе электродойка и, по-моему, «елочка», — возразила Ольга.

— На центральной усадьбе? Чтобы можно было показать. А на остальных фермах — доэлектрическая эра. Наша «елочка» растет. Прошу главного инженера привезти из лесу настоящую ель, чтобы все смотрели и не думали ни о каких других «елочках», — скупой пошутила зоотехник и снова улыбнулась уголком губ. Глаза ее оставались серьезными.

— Да, — не нашлась сразу что сказать Ольга. — Если это все так, надо же говорить, предпринимать что-то. — «А я ничего не увидела, — подумала она, — целых три дня ничего не разглядела».

— Говорили.

— Но можно написать статью. Напишите в газету.

♦ А если она спросит, для чего я приезжала тог-

да в совхоз. Может ведь спросить? — подумала Ольга. — Как ответить?»

Савич промолчала. Посмотрела точно так же, как смотрел на нее парнишка-водовоз — с сомнением, оценивающе, и отставила стакан.

— Благодарю, Анна Петровна. Мне пора.

— Посиди, Лиза, — хозяйка пыталась ее удержать, но девушка ушла, сославшись на необходимость позвонить в город, в лабораторию.

— Убежала. И не поела как следует, — не без сожаления сказала Боровских, проводив ее через темные сени и вернувшись в комнату.

— Настроение плохое.

— Трудно ей; все-то принимает близко к сердцу, на ферму ночь-полночь бежит. Корова надой сбавила — переживает. Теленок захворал — места себе не находит. Оттого и худенькая такая. А тут еще со здоровьем неладно. Весной у нас буран сорвался в конце апреля. Зелень уже пошла, а закрутило. Телятишки в поле оказались, а пастушонок-подросток неопытный. Она и побежала в чем была: боялась, загонит ветром в озеро. Ну и простудилась, подхватила воспаление легких. Отлежаться-то отлежалась, да, видно, не совсем: покашливает, и к врачу не прогонишь.

Анна Петровна стала убирать со стола. Ольга отсела в сторонку, полистала тоненькую брошюрку об уходе за телятами, лежавшую на комод. Странно, но и разговор с зоотехником лег у нее на душу какой-то тяжестью. Почему Савич держалась с ней так отчужденно и своими высказываниями как бы старалась все время ее задеть? Может быть, потому, что видела ее вместе с Ворожевым? И ведь все, о чем

говорила девушка с таким возмущением, направлено в адрес Ворожева. Ольга спросила Боровских:

— Анна Петровна, директор часто бывает здесь?

— Это Виталий Викентьевич-то? Бывает. Чего ж не бывать: на машине, сам за шофера. Не прежнее время, чтобы, как поехать, коня запрягать да тащиться по целому дню. Теперь и расстояние не расстояние, при нынешней технике.

— Говорят, он очень хороший как хозяин?

— Директором поставили. Зря как ставить на такое дело? Хозяйство-то вон оно: кроме нашего отделения их еще четыре.

— Ну, а лично ваше мнение? Вы же встречаетесь, наверное, по работе, видите.

— Так вот и видишь: показался — и нет его. Сегодня уж как стерегла, а не укараулила.

— Все-таки, Анна Петровна, что он из себя представляет как человек? — настаивала Ольга, стараясь ничем не выдать своей взволнованности и казаться человеком, который задает вопросы из простого любопытства, не больше. Но ей никогда не удавалось даже самое незначительное притворство, и она чувствовала, что «нейтральности» не получается. Да и хозяйка была тверда в своей уклончивости.

— Да ведь что ответить? Иной раз сколько годов живешь бок о бок с человеком, а не поймешь его. В душу-то не вдруг заглянешь. А бывает, что и помотришь, да мало толку. Таких-то, как я, в совхозе сколько. Где ему перед каждым стоять.

Ольга чуть не сказала, что она вовсе не из праздного любопытства расспрашивает о директоре совхоза, что для нее сейчас каждое слово о нем имеет значение. Но вовремя остановила себя: женщина уста-

ла, утром чуть свет ей подниматься на работу, а она привязалась с разговорами. Потом, что же ей хочется, чтобы незнакомый, по-существу, человек сразу раскрыл перед ней душу? Выложил все, что думает о других? Нет, так не бывает. Откровенность заслуживается, а чем она ее заслужила?

Легли спать. Боровских отдала свою кровать гостю, сама по-спартански устроилась на сундуке; что-то наскоро бросила под себя, сунула под голову крошечную подушку, поворочалась, повздыхала и вскоре уснула. Ольга лежала на спине, закинув руку за голову, смотрела в темноту. Ей казалось, что она дома, что это дыхание матери, уставшей от дневных хлопот, доносится с сундука. И будильник, тикавший на комод, заведен мамой, чтобы встать пораньше и успеть до ухода в школу приготовить завтрак.

Но прошлое тут же заслонялось другими мыслями и чувствами. Перед глазами встали события дня: дорога в совхоз, поле с комбайном, езда на тряской водовозке, встреча с зоотехником Савич. И разговоры о Ворожеве, так больно задевавшие ее. Неужели слава его — это всего лишь «голубой дым», как выразился Верещагин?

Измученная раздумьями, она повернулась на бок, уткнулась лицом в подушку: свежая наволочка пахла солнцем и утюгом.

XXII

К великому своему смущению, Ольга проспала: не слышала, как встала и ушла на работу хозяйка. Проснулась, когда в окно уже заглядывало солнце. Постель на сундуке была свернута.

Досадуя на себя, Ольга быстро оделась, вышла на кухню. На столе стояла кринка с молоком, стакан, тарелка с хлебом, накрытая газетой. «Завтрак, для меня», — догадалась Ольга, тронутая заботой. И опять вспомнилось детство: так делала мать, если уходила из дому рано утром.

Тут же на краешке стола лежал замок с ключом: значит, надо закрыть дом. На гвоздике, возле ручной мойки, висело свежее вафельное полотенце. Ольга умылась, выпила стакан холодного молока и, захватив замок, вышла во двор.

На звук двери отозвался лязгом цепи большой серый лохматый пес, похожий на волка. Но не лаяла, не заворчал, только следил зорко, видно, почитал: раз выходит из дому — стало быть своя. Поглядывая на собаку, Ольга навесила на дверь замок. «А куда же ключ?» Оглянулась. В соседнем дворе мелькнул белый платок. Женщина с ведром задержала шаг.

— Здравствуйте, — сказала Ольга. — Скажите, где ферма?

— А недалеко, — отозвалась соседка. — Через лес идите, там она и есть. Метров пятьсот всего.

Ольга закинула за собой веревочную петельку калитки, свернула за угол на дорогу к роще. Березы здесь были старые, корявые и будто нарочно изогнуты. Между стволов вились бесчисленные тропинки. Желтели монетами первые опавшие листья. Влажная земля отдавала уже осенним холодком.

Но вот и строения фермы: длинные, приземистые, крытые соломой. Ольга подошла, заглянула в ворота. В лицо пахло запахом навоза. Помещения ветхое, без окошек, сучковатые подпорки, стой-

ла для коров, в проходе осклизлый почерневший настил из жердей. «Держится на честном слове». Так, кажется, сказала Савич?

Дойка, очевидно, уже кончилась. На ферме было пустынно. Возле небольшого домика-сепараторной двое девчат ставили на бричку фляги из-под молока. Ольга остановилась.

— Мне Анну Петровну.

— Она в телятнике, вон там,— одна из девчат показала в сторону.

— А где зоотехник?

— Ее нет, уехала с гуртом,— ответила та же девушка в голубой косынке. И видя, что Ольга не поняла, пояснила.— Пастух погнал коров, и она поехала выбирать место. На кукурузе пасем. Вот и приходится ей следить.

— А вы куда едете?

— Тоже к гурту. Днем коров сюда не пригоняют, доят в степи. Отвезем фляги, а потом с молоком вернемся.

— Значит, и вы доярки?

— Конечно.

— Ну, как работаете?

— А ничего,— девчата переглянулись, как бы решая, отвечать на вопросы или нет.— Работаем.

— Давно?

— Второй год.

— А до этого?

— Учились в школе. Как кончили — сразу сюда.

— И нравится?

— А чего ж. Где ни работать, да работать. В институт не попали. Занимаемся животноводством,—

они засмеялись враз, и Ольга только теперь обратила внимание, какие они совсем молоденькие.

— А как отдыхаете, проводите свободное время?

— У нас его нет, времени. Вечером допоздна здесь, утром чуть свет — опять здесь. Так и идет время.

— Найдется время. Только идти некуда,— возразила вторая девушка, темноволосая, смуглая, как южанка.— Теперь до зимы, когда клуб откроется. Недолго ждать.

Девчата понравились Ольге. Она достала авто ручку.

— Можно, я запишу ваши фамилии?

— Зачем?

— Память плохая. Но если возражаете, не буду записывать.

— А что? Пожалуйста — Лида. А ее зовут Феня,— девушка в косынке показала на подругу,— Гаврилюк. Обе мы Гаврилюк. Тут посела Гаврилюков. А вы родственница Анны Петровны?

— Нет. Просто знакомая.

Ольга поговорила с девчатами и после того как они, составив фляги на бричку, уехали, направилась к телятнику. Анна Петровна встретила в дверях: в руке веник, обмотанный мокрой тряпкой, рукава черного халата подобраны до локтей.

— Я к вам,— Ольга протянула ей ключ.

— Оставили бы его где-нибудь. Из-за пустяка идти,— пожалела Боровских.

— Я все равно хотела побывать на ферме. Разрешите посмотреть ваших житомцев?

— Уборку затеяла. Ну, милости прошу,— Боровских отступила с прохода,

От свежевыбеленных дощатых загоронок пахло влажной известью. Ноги приятно чувствовали пол, выскобленный до яичной желтизны. Анна Петровна на минуту скрылась за занавеской в углу, вымыла руки и повела Ольгу от клетки к клетке, где на свежей соломе дремали телята: одни уже окрепшие, набравшиеся сил, а другие совсем маленькие, во влажных кудряшках, трогательные своей беспомощностью.

Анна Петровна склонялась к загородкам, что-то незаметно поправляла на ходу, хозяйски оглядывала: так обходит детские спальни заботливая няня, еще и еще раз проверяя, все ли в порядке, не мешает ли что отдыху. Перед крайней загородкой она остановилась и, пряча в глазах веселую улыбку, кивнула:

— А это мой сторож.

Ольга заглянула. На соломе, устремив на нее насмотренный взгляд, лежала полосатая кошка. В живот ей уткнулись два крохотных пушистых котенка.

— Сторож, самый настоящий, — повторила Боровских в ответ на недоумение Ольги. — Даже на полном казенном довольствии состоит. А история такая. Крысы нас замучили, разгуливали по всему телятнику без всякого страха. Боялась я за телятшек: дыр кругом понагрызли — простудят, а то и чуму какую занесут. Мы с Елизаветой Сергеевной с ног сбились, чего ни делали: и капканы ставили и крысотрава, или как она называется, приводили. Никакого толку. И вот прихожу однажды, вижу — кошка, да такая худющая и неприглядная, видно, бездомная. Угостила я ее молочком, прогонять не стала.

Наутро смотрю: валяется в проходе задавленная крыса. На другой день — тоже. И так пошло. Подавила она их, проклятуших, а, может, поразгоняла, только не стало здесь крыс. А кошка после телятника взялась, как добрый хозяин, за остальные бабы и оттуда вычистила всю эту погань. Теперь кругом спокойно.

Так, разговаривая, дошли до противоположного конца коровника, открыли ворота. На улице стояла бричка, запряженная волами. Парень в солдатской гимнастерке сбрасывал с воза в денник солому. Левый глаз у него был перевязан носовым платком.

— Петя, что это у тебя с глазом? — встревожилась Анна Петровна.

— Ушиб. Малость подзадел черенком.

— Ну-ка, покажи, — потребовала Боровских.

— Да ерунда. Пройдет.

— Иди, иди.

Парень неохотно воткнул вилы в солому, слез с воза. Анна Петровна осторожно приподняла повязку.

— Не моргай, а то и не разгляжу. Вон какая у тебя тут «ерунда».

Ольга, приподнявшись на носки, через ее плечо глянула тоже. Ушибленный глаз весь был залит кровью. Анна Петровна опустила повязку, нахмурилась:

— Скажи-ка, давно это?

— Часа два назад.

Надо врачу показаться, Петя. С глазом не шутят.

— Да не пойду я никуда, — запротестовал парень. — Мне солому возить. И вообще.

— Ступай, ступай. Не противься. Без тебя солому привезут.

— Идемте вместе,— предложила Ольга.

В контору она зашла одна, Петр остался курить на улице. Там, кроме девушки-счетовода, никого не было. Ольга рассказала ей в чем дело.

— Ой, а врача нет: вызвали в райздрав.

— Что же делать?

— Может, в больницу, на центральную?

— Конечно, но вот как добраться? — Ольга села на продавленный конторский диван.

— Машины все в разгоне. Разве попутная какая попадет?

Пока раздумывали, что делать, со двора донесся звук автомашины.

— Кто-то приехал! — обрадовалась девушка и стала дергать шпингалет, чтобы выглянуть в окно. Ольга вышла. У крыльца, подрагивая приглушенно работающим мотором, стоял директорский вездеход. Ворожев, приоткрыв дверцу, разговаривал с парнем. В голосе его звучало недовольство:

— Как же так, Гаврилюк? Служил в армии, готовился родину защищать, а тут выбыл из строя в разгар уборки? Ты где работаешь?

— Скотником на ферме, товарищ директор.

— Если все начнут наносить себе травмы — хлеб можем оставить под снег и к зиме не подготовимся,— заметив Ольгу, Ворожев кивнул слегка в знак приветствия и закончил разговор.— Ладно, Гаврилюк, будем иметь в виду, что ты отлучился в больницу. А теперь иди на грейдер. Скоро машины пойдут с зерном: лови.— Он дождался, пока парень отойдет, вышел из машины. С улыбкой протянул руку:

— Ну, здравствуй, Оля. Ты чего же это приехала и никому ни слова? Позвонила бы, я бы подослал

машину. Как добралась? Да ты что молчишь? Не рада встрече?

«Иди на грейдер. Лови». Она думала, что Ворожев поступит по-другому, посадит парня с собой в машину. Распахнув дверцу, скажет: «Садись.» Не в силах побороть сразу растерянность, Ольга проговорила что-то невнятное, взглядом провожая парня.

— Ну, пойдем,— сказал Ворожев, взяв ее под локоть и слегка увлекая с крыльца. Они прошли в контору, но не в бухгалтерию, а в комнату рядом. Видимо, это был кабинет управляющего отделением.

Сели на диван. Звон старых пружин вызвал в Ольге странное ощущение. Ей показалось на миг, что это продолжение их недавней поездки: опять вдвоем в машине, где-то на окраине совхозных владений. Ворожев, его крепкий локоть, касается ее локтя.

— Ты получила мою записку? — спросил Ворожев.— Пригодились цифры?

— Да,— кивнула Ольга, чувствуя на себе пристальный взгляд.— Виталий Викентьевич, а машины по грейдеру пойдут скоро? У него же очень серьезно с глазом.

— Ах, ты вон о чем думаешь,— усмехнулся Ворожев.— Ничего страшного. Не тяжелое ранение. Доберется.

Он достал папиросу, почиркал колесиком зажигалки. Облачко голубоватого дыма скрыло его лицо. Ворожев с минуту курил молча, казалось, что-то обдумывая. Напряжение его невольно начало передаваться Ольге. Потом он смял папиросу и словно непомнил о начале разговора.

— Ты давно здесь?

— Со вчерашнего вечера?

— Где ночевала?
— У Боровских, Анны Петровны.
— Какая необходимость? Разве не могла к нам заехать?

— Так вышло.
— А мне говорят: редактор появилась. Куда-то пошла, что-то делает. Интересно, что? Спрашиваю, поскольку территория все же моя.

— Задание редакции.
— Задание? — Ворожев холодно прищурился. — Кто же тебе его давал? Сама хозяйин. Я знаю, какое у тебя задание. Проверяешь жалобы. Но все равно могла бы поставить директора в известность. Или это уже так секретно?

— Никакого секрета. Просто письмо в редакцию, сигнал, который пришлось проверять на месте.

— Снова: клуб занят, потанцевать негде, столовой нет. Директор на бытовые и культурные нужды — ноль внимания. Держит все эти блага в своем кармане и не хочет ни с кем поделиться. Может и не хочет? Знакомые сигналы. А ты поинтересовалась: эти твои жалобщики знают, сколько раз сам директор был за последнее время в кино, сколько раз пользовался выходным днем, наконец, сколько часов спит. Не поинтересовалась?

— Нет.

— А ты поинтересуйся. Раз уж приехала проверять, то давай проверяй со всех сторон. Думаю, что и газетчики против одностороннего освещения фактов.

— Но ведь питание в бригаде не организовано, постелей нет. Это факты. — Ольга сделала вид, что не заметила иронии в словах Ворожева. — И авторы письма в данном случае правы: у них не какое-то

чрезвычайное требование. И потом вообще... Молодежь предоставлена фактически сама себе. В клубе засыпаны семена. Я понимаю: уборка, горячая пора, осень трудная. Но люди ведь — люди. И можно что-то сделать. В конце-концов от внимания к человеку зависит и степень отдачи. Если говорить конкретно: положение дел в совхозе. Я думаю, излишне здесь что-то доказывать.

— А почему? Говори. Глаз у тебя наметанный, ничего не скажешь. Все высмотрела? — улыбнулся Ворожев, казалось, даже одобрительно.

— Не все...

— Но высмотрела? И какие же намерена сделать выводы?

— Дело не в выводах. Но, Виталий Викентьевич...

— Ты хочешь что-то мне сказать? — догадался Ворожев.

— Да...

— Ну, давай, давай, только покороче.

Ох, как трудно было начинать разговор, как хотелось, чтобы Ворожев ее понял. Ольга торопливо перебирала в памяти все, о чем думала после вчерашнего разговора с зоотехником, после встреч на ферме. Она боялась чем-то неосторожно обидеть Ворожева, боялась, что он перебьет. И от того, что волновалась и подбирала выражения, не смогла, наверное, всего выразить, что было на душе, добиться желаемого.

Ворожев слушал ее с явным нетерпением. Под пальцем почти перебил, и хмурая черта вертикально легла между бровями:

— Ну, ладно. Газетчик ты, оказывается, рьяный.

А я думал, только комсомольским секретарем была такой. Разделяю твою горячность, но не все так в жизни, как с первого взгляда кажется. Все гораздо сложнее, Оля. Даже в самом красивом доме есть задний двор, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но не затылок принимается прежде всего в расчет, а лицо. Вот так, — он пристукнул сжатой в кулак рукой по коленке и поднялся. — Все проверила или нет? Если все, то поедем. Позвоним Людмиле, чтобы приготовила обед. А возможно, на пасеку? К деду, чай с медом пить...

Ворожов уже сделал переход от делового, отчужденного тона: в голосе у него зазвучали привычные, почти дружеские нотки. Но у Ольги этого не получилось. В сердце возник толчок: поехать вместе, вдвоем, воскресить пережитое! Но всплеск мгновенной радости погас. Так бывает в ненастный день, летом, когда в разрыве туч на миг блеснет солнце. Ощущение тепла и света есть, а солнце уже снова спряталось.

Перед Ольгой возник ушибленный, налитый кровью глаз парня. Ехать. Нет, просто ей не хватило бы сейчас сил спокойно устроиться на ковровом сиденье в директорской машине. Да и надо было собраться с мыслями. Хоть немножко собраться.

— Я останусь, Виталий Викентьевич.

— Не поедешь, значит?

— Побуду здесь.

— Ну, как знаешь. Настаивать не буду. Хочешь допроверить? Пожалуйста. Но учти, я знаю все, что говорят в совхозе даже в моем отсутствии. Так что имей это в виду. Надеюсь, ты ссориться со мной не намерена?

Это был вопрос и не вопрос. И Ворожов не стал ждать ответа. Вышел. Слышно было, как через минуту звякнула дверца машины. Потом заработал мотор, и звук его, удаляясь, затих.

Ольга не сразу пришла в себя. Уехал? Так вдруг? Обида, растерянность и какая-то неясность будто давили на нее, приковали к месту. Что же произошло? К чему эти слова: «Не намерена ссориться». Вспомнился почему-то полузабытый случай из жизни в детском доме. Там был огород: целая плантация овощей, возделываемых руками самих воспитанников. Ольге нравилось работать на огороде: высаживать капустную и помидорную рассаду, поливать, окучивать, вносить удобрения, особенно — собирать урожай. Делом чести считалось вместе с агрономом снять первый плод. Право это определяла агроном, молодая женщина, которую все ребятишки любили. Любила ее и Ольга. Для нее было счастьем, идя рядом с Ларисой Федоровной, осторожно срывать с кустов красные помидоры или выискивать среди шершавых разлапистых листьев, в желтой кипени цвета перья, в пупырышках, осыпанные пылью огурцы. Она замирала в взволнованном ожидании, пока агроном с корзиной в руках торжественно оглядывали девочек, выбирая, кого взять себе в помощники. И все-таки однажды, когда Лариса Федоровна нашла ее имя и уже подавала корзину, — Ольга отшатнулась. Она ничего не сказала в ответ на расспросы о причинах отказа, да толком и сама не знала, что сказать. Просто за полчаса до этого ей пришлось быть неполной свидетельницей разговора агронома со сторожем, охранявшим огород. Старик-сторож просил лошадь, чтобы съездить за водой. Известно

по какой причине, но агроном резко кинула: «Нет!» Произнесла это слово с такой непривычной холодностью, с таким безразличием, что в девочке словно что-то оборвалось. Ольга почувствовала, что если и возьмет из рук агронома корзину, то все равно не сможет уже с прежним ликующим чувством пойти с ней рядом.

Нечто подобное испытывала она сейчас по отношению к Ворожеву. Возникла какая-то невидимая грань, что-то произошло такое, чего она не ждала и что надо было понять. А понять так трудно.

Ольга откинулась на спинку дивана. С противоположной стены глядело на нее плакатное лицо девушки: сочно выписанные губы, узковатый разрез глаз, челка цвета лежалого сена. В уголке плаката цветы, вернее, намек на букетик ландышей — художник явно тяготел к отвлеченности. И кругом вкось и вкривь надписи. Ольга с трудом разобрала: 8 марта! Плакат выпущен к женскому празднику. Девушка с зелено-бурыми волосами олицетворяла счастье доброй половины рода человеческого.

А Ворожев уехал. «Ну, как знаешь...» А что она знала? «Побуду здесь». «Останусь.» Вот и осталась. Что же дальше? Сидеть здесь одной в прокуренном помещении конторы, разбираться в своих мыслях?

И все-таки она еще верила, что Ворожев вернется в контору. Не мог не вернуться. И пока разбирала надписи на плакате, и теперь — все время чутко и настороженно прислушивалась: не донесется ли пофыркивание газа. Но с улицы проникал лишь один звук, утомительный своим назойливым повторением. Где-то работала циркулярная пила.

Письмо рабочих совхоза «Лесные поляны» Ольга напечатала с примечанием: от редакции. Эти несколько строчек, набранные петитом, занимали совсем немного места на газетном листе, но каждое слово прошло через ее сердце.

«Факты, приведенные в письме, при проверке полностью подтвердились. На отделении не только плохие бытовые условия механизаторов, но и закрыт клуб. В течение месяца не было показано ни одного кинофильма. Редакция надеется, что руководство совхоза, и прежде всего директор товарищ Ворожев, примут незамедлительно меры и исправят это совершенно нетерпимое положение.

Днем, присоединяя к подшивке свежий номер газеты, Челпанов не без предостережения сказал:

— Ну, шум будет. Жди теперь звонков сверху и снизу.

И первый звонок не заставил себя ждать. В трубке загудел начальственный голос Мостового:

— Корнилова, мы тут представителей райкома собираем с отчетом. Давай подходи тоже. И побыстрее.

Мостовой был в составе оперативной группы, созданной в районе для руководства транспортом на выпозке хлеба, и вопрос касался автобазы. Но команда инструктора райкома прозвучала столь многозначительно, что Ольге стало ясно: не миновать и обвинения по поводу письма. Уверенность эта окрепла, когда Ольга пришла в райком. Никого из представителей идеол. не было. В комнате кроме самого Мостового сидел начальник милиции, автоинспектор и

председатель райисполкома Новожилова, барабанившая по привычке ногтями по краешку стола. Очевидно, она только что вернулась из поездки по району и даже не успела раздеться: золотистая соломинка стрелкой торчала в белом вязаном шарфике, съехавшем на плечи. Двое незнакомых смуглолицых людей в одинаковых кожаных куртках сидели на диване, отвечая на вопросы Мостового.

— Откуда машины?

— Узбекистан, Фергана, товарищ секретарь.

— Со строительства канала. Направлялись в соседнюю область, но с дороги их повернули сюда. Начальник колонны с документами задержался в тресте, — сказал автоинспектор, поправляя перекинутый через плечо ремень полевой сумки.

— Вы кто?

— Я механик колонны, фамилия моя Ибрагимов, — привстал один из узбеков. — А это Рашидбаев — замполит.

— Сколько машин?

— Шестьдесят. Все бортовые. Восемь суток в дороге.

Занятая своими мыслями, Ольга не очень-то вслушивалась в разговор, но невольно обратила внимание на одну деталь: узбеки-автомобилисты несколько раз повторили «товарищ секретарь», обращаясь к Мостовому, и тот их не поправил. Манерой держаться в разговоре Мостовой явно подражал первому секретарю райкома: он так же, как Зорин, сводил брови и так же пристукивал в знак одобрения ладонью по столу.

— Видали штуку, Вера Васильевна, а? — сказал он, после того, как автомобилисты, получив разреше-

ние на разгрузку, ушли вместе с автоинспектором и начальником милиции. — Из Ферганы прибыли. За три тысячи километров. Стройку бросили. А мы тут на месте не можем использовать свой транспорт, как следует.

— Безобразие! — отозвалась Новожилова и, перестав барабанить пальцами, резко повернулась на стуле. — Мне только что жаловался Ткачук: пять машин занаряжено ему для совхоза со вчерашнего дня и ни одной нет до сих пор на месте. Причем диспетчер автобазы уверяет, что машины ушли. Слушайте, что же это такое? Где Кубрушко? Чем он занимается? Не найдешь его, не дозвонишься.

— А вот мы у представителя райкома спросим, — Мостовой кивнул на Ольгу. — Ну-ка, давай, Корнилова, доложи.

— О чем докладывать?

— Сколько машин на ходу, где. Куда девались те, о которых говорит Вера Васильевна.

— Не знаю.

— Кто же должен знать?

— Я уезжала по делам редакции и в последние дни не была на автобазе.

— Автобаза за тобой закреплена решением бюро райкома. Инструктаж сделан. А ты исчезала куда-то и в известность не поставила, — недовольно сказал Мостовой.

— Почему куда-то? Я была в совхозе.

— Да-а, задаешь ты задачи, Корнилова, — Мостовой с силой провел ладонью по выбритому массивному подбородку, точно хотел сдвинуть его набок. — Алгебра настоящая. И как ее решать — неизвестно. Может, сама скажешь: как?

— Не пойму о каких задачах речь?

— Ну, как же? Задание бюро не выполнила? Не выполнила. А потом это письмо. Мы же, по-моему, вели с тобой разговор.— Он достал из-под бумаг газету, развернул, пристукнул по ней пальцами.— Вот, любуйся. Хотя и пусто, зато с огня; по такому принципу.

Выходило так, как Ольга и предполагала: разговор о машинах — лишь преюдия к главному. Вся суть в письме. Что же ей скажут дальше?

— Иосиф Григорьевич,— попросила она,— если можно без обиняков: что от меня требуется?

— А что от тебя требовать? — нахмурился Мостовой.— Написанного пером не вырубить топором. Правильно или неправильно, а газета разошлась в трех тысячах экземпляров. И пойдй теперь докажи, что черное, а что серо-буро-малиновое. Быстро же ты меняешь свой курс, быстро тебя сагитировали, Ольга Леонтьевна.

— При чем здесь агитация?

— А как иначе? Я же помню твой очерк. Расписывала Ворожева, не жалела красок, а стоило одному петуху кукарекнуть, ты всю свою работу, извиняюсь, под хвост кобыле. Как у того попа: сначала за здравие, потом за упокой — тут же. Или по другому: «ура» и «караул» — вместе. Вот, Вера Васильевна,— повернулся Мостовой к Новожиловой, придвинул ей газету.— Расхвалила земляка, написала о нем очерк, хоть и не напечатала, а теперь — поворот на сто восемьдесят градусов.

Чувствовалось, Новожилова читала письмо, но газету взяла, быстро пробежала взглядом. После той неприятной стычки из-за статьи Ольга почти с ней

не виделась: раза два или три мельком. Уборка, видимо, стоила немалых хлопот председателю райисполкома. Лицо Новожиловой потемнело и осунулось, острее выступали скулы. На переносице розовела облупившаяся кожа. Ольга знала, что у нее детишковые и невольно ей посочувствовала: как же она с беспрестанными разъездами управляется дома?

— Слушайте, товарищ Корнилова,— метнула на Ольгу стремительный взгляд Новожилова.— Кто проверял письмо?

— Я проверяла.

— И что же, все-таки на самом деле: директор на людей не обращает никакого внимания? И никто этого не видит, кроме газетчиков? Не делает никаких выводов?

— Не знаю насчет выводов. Но письмо рабочих — это факты, мимо которых нельзя пройти. И их еще гораздо больше.

— Ты все же скажи,— перебил Мостовой.— Совсем отеклась от своего очерка, Верещагин тебе его перечеркнул, и ты согласилась?

— Я писала о совхозе, в том числе и о директоре, на основе своих личных, поверхностных впечатлений,— сказала Ольга, стараясь сдержаться.— Не разобралась, не сумела глубоко вникнуть в действительное положение вещей. В этом моя ошибка. И не понимаю, к чему вопрос?

— Зря ты влазишь, Корнилова, в некоторые сомнительные дела. Зря кое-кому слишком доверяешь. Хотя ты и редактор, и прав твоих никто ущемлять не собирается, но советоваться надо. И прислушиваться к советам — тоже. Напомню на всякий случай, что газета — орган райкома партии.

— Я это хорошо знаю.

— Слушайте, а вам известно, что Ворожев первым идет по уборке? И первым закончит сдачу хлеба. Дня через три-четыре будет рапортовать. Надо же все-таки, если даже человека не уважаете, быть хотя бы патриотом района в какой-то степени. Не бить по рукам. Можно, слушайте, у каждого найти недостатки. Но учитывать, у кого и как искать,— Новожилова в возбуждении поднялась, сделала несколько шагов по комнате: туда и обратно. Плащ ее шуршал, и от него пахло резиной и пылью.

— О Ворожеве, слушайте, вчера из областного радио справлялись: хотят организовать передачу. Это же плюс для всего района. А вы факты выискиваете. Расправились одним росчерком пера.

Ольга промолчала, стиснув пальцы. Как сказать этой женщине, чем является для нее — Ольги Корниловой — Ворожев, чего стоили ей эти несколько строчек примечания к письму, на которые, быть может, не каждый читатель газеты и обратит внимание? Звонок телефона, резкий и настойчивый, помешал дальнейшему разговору. Мостовой подобрался, одернул на себе китель, даже чуть привстал, но потом точно раздумал и через минуту довольно равнодушно, почти небрежно бросил на рычаг трубку.

— С элеватора, Мельчаков,— сказал он в ответ на ожидающий взгляд Новожиловой,— опять там пробка. Соседи пустили к нам двести машин с зерном. Поеду разбираться.— И строго к Ольге.— А ты, Корнилова, давай сейчас вместе с Кубрушко или одна, как хочешь, но пять пропавших машин разыщи. К вечеру доложишь. Ответственность за автобазу с тебя не снята, учти.

И снова дорога. Осень щедро рассыпала по земле багрянец и позолоту. Березовые рощицы накатывались и накатывались на машину, как волны: светло-желтые, почти белые; желтые с прозеленью, похожие на медные шлемы древних витязей; червонные, будто отлитые из чистого золота. Кострами пылали на солнце осины. Багровый шиповник на обочинах грейдера походил на пламя, прибитое к земле ветром, казалось, вот-вот метнется под колеса и обдаст жаром. Золотое половодье заливало степь: желтые леса, желтый разлив стерни, желтые, будто вобравшие в себя солнце, копны соломы. И даже нити паутинок золотятся, словно бронзовый серпантин, унесенный ветром с какой-то огромной елки. Только камыш на озерах нетронуто зеленел. У камышей своя пора: изумрудными гривами стоят они чуть не до первых вьюг, как бы бросая вызов всевластью природы.

Калейдоскоп осенних красок помог Ольге забыть разговор в райкоме. Когда-то, во время работы в Прирубжье, нравились ей поездки по району в такие вот погожие осенние дни. Лошадка — единственное средство передвижения, которым она располагала,— прекрасно знала дороги. Можно было, бросив вожжи, откинуться на плетеную, рубчатую спинку короба и мечтать, сколько угодно, под мягкий перестук колес. Можно было просто смотреть в небо, на белопарусные облака, ловить в неподвижном воздухе далекий искрик паровоза: тревожный и зовущий. Ольга пробовала даже читать в ходке, но ничего не вышло: слишком трясло.

Сейчас при мысли об этом ей стало грустно, про-

шное показалось таким светлым, невозвратимым. В памяти всплыли пушкинские строки:

Все мгновенно, все пройдет,
Что пройдет, то будет мило...

Неужели и теперешние ее переживания станут когда-то лишь милым прошлым, о котором можно будет вспоминать с легкой грустью? Уж слишком все сложно, слишком стремительно катится куда-то в стороны.

Встречные машины с зерном пронеслись мимо, обдавая ветром и пылью. Точно так же, как и тогда, во время первой поездки по этой дороге с Ворожевным. И только не было того незабываемого чувства приподнятости, полета. Одна из машин, с кузовом полным пшеницы, тяжело вползла на грейдер с боковой дороги и остановилась. Ольга, всю дорогу вглядывавшаяся в номерные знаки, обрадовалась: наконец-то попался нужный. Но еще больше изумилась, когда из кабины выбралась и, прихрамывая, двинулась навстречу знакомая высокая фигура в светлом макинтоше: Верещагин.

— Виктор, вы-то как сюда попали?

Верещагин подошел, засовывая в карман плаща концы пояса.

— Попутно. За Буслаевым статья. Обещает весны. И никак не выколотим. Вот и решил доскокить.

Ольга хорошо помнила, что он собирался на опытную станцию, а это не только не попутно, но и в совершенно противоположной стороне. Но что-то помешало ей возразить. Ей показалось, что Верещагин непривычно смущен.

— Где вы нашли эту машину, Виктор? — перебила она разговор.

— Возит зерно. Здесь недалеко ток.

— Это колхоз «Тропинка»?

— «Заря». Второе отделение.

— Как же так? Машины выделены колхозу. В райкоме бьют тревогу.

— Водители новые. И управляющий отделением воспользовался, завернул к себе. Уговорил: близкое расстояние, хорошая дорога.

— Едем на ток, — сказала решительно Ольга. — Выясним.

На току под погрузкой стояла еще одна машина. Четверо пожилых женщин лопатами набрасывали в кузов зерно из большого вороха. Женщинам помогал шофер. Зернопульт бездействовал, устремив вверх транспортер, похожий на вытянутую шею жирафа.

Водителя удалось уговорить следующим рейсом ехать в колхоз, согласно путевому листу. Но надо было найти управляющего, чтобы он не задерживал и остальные машины. Ольга решила отправиться в село. Пошел вместе с ней и Верещагин.

Для сокращения пути пошли берегом большого озера, испятнанного зелеными островками камыша. Под ногами влажно хрустел песок. Пахло водорослями. С криками кружились остроносые чайки, высматривая добычу. Вода сверкала на солнце, рождала слепящие вспышки.

Ольга незаметно поглядывала на спутника. Чувство неприязни к Верещагину почти прошло. В душе она была даже рада встрече с ним: как-никак коммюнист. И только старалась найти ответ, каким образом узнал он о машинах, которые она ищет, и

почему сюда приехал. Уж не хочет ли здесь продолжать разговор о «Лесных полянах»? Но ведь она выполнила свое обещание: разобралась с письмом. Постепенно ею овладело чувство, какое обычно испытываешь после уступки в споре: и немного недоволен собой и ждешь, оценит ли как-нибудь противная сторона этот твой шаг.

Верецагин шагал, поскрипывая протезом. И видно было, что молчание его тяготит. На току он захватил горсть пшеницы и теперь брал по одному зернышку, дробил зубами. Потом высыпал остаток пшеницы в карман, на ходу поднял плоскую гальку и, по-мальчишески изловчившись, запустил по воде: плитка, ударяясь о воду, описала плавный полукруг и утонула, оставив на поверхности зыбкие кольца.

— Пятнадцать штук! Оказывается, еще не разучился! — удовлетворенно произнес Верецагин, взглядом выискивая под ногами новый камушек. И видя, что Ольга не поняла, повторил:

— Пятнадцать «блинов» съел; так называются кружки на воде. Мальчишками мы состязались, кто больше «съест» блинов. Накидаешься, а потом дня два руку не можешь поднять. Озеро у нас большое. И кругом сосны. Вода, как стекло. О, смотрите-ка, что я нашел! — Верецагин быстро наклонился, поднял что-то с земли, протянул руку: на ладони у него лежало крупное продолговатое яйцо, голубое с крапинками.

— Каменное? — изумилась Ольга.

— Нет, настоящее. Утиное. Возьмите на счастье.

— Почему на счастье?

— Такая примета. Берите.

— Но я же разобью, — Ольга бережно приняла яйцо, сделав ладонь лодочкой. — Теплое. Как оно здесь оказалось?

— Это яйцо домашней утки.

— Значит, мы должны кому-то его отдать?

— Трудно установить — кому. Утка оставила яйцо, но не оставила своего адреса.

— Нет, до чего же походит на камень. Я была в Артеке и там собирала на берегу моря точно такие гальки, обточенные волнами.

Они приостановились, разглядывая находку, и снова пошли. Теперь уже и Ольга смотрела под ноги, как будто утиные яйца попадались на каждом шагу. Настороженность ее незаметно улеглась. Обрадовалась, заметив в траве золотистую россыпь мелких глянцевого цветочков.

— Ой, лютики!

— Едкие, — уточнил Верецагин.

— Разве? Вы хорошо разбираетесь в цветах? Ах, да, вы же агроном.

— Бывший, не забудьте прибавить.

— Я слышала: агроном в душе всегда остается агрономом.

— Точно. Если встретите человека, который постоянно смотрит в землю: так и знайте, что это агроном.

— Только в землю?

— Иногда в небо. От неба зависят осадки.

Они опять приостановились. Ольга сорвала несколько лютиков, сложила в небольшой букет.

— Все желтые, — она поглядела вокруг: нет ли чего другого поблизости. — Говорят, желтый цвет что-то означает не совсем приятное?

— Разлуку,— подсказал Верещагин.

— В таком случае присоединим для разнообразия вот это,— Ольга ступила на самую кромку берега, протянула руку за пушистой метелкой камыша. И не достала.

— Погодите.

Верещагин шагнул прямо в воду.

— Что вы делаете? Вода холодная.

— А я пустым ботинком. Ему не страшно. Верещагин сломил камышину, протянул с шутливым поклоном Ольге.— Вот, пожалуйста. Сорвать еще?

— Спасибо. Вы так, чего доброго, забредете по пояс, а потом вздумаете плыть на середину озера,— отшутилась Ольга, чувствуя какую-то неловкость от этих его слов о пустом ботинке. «Чуть что — душу на замочек»,— вспомнились ей слова подруги.

— Виктор, нам еще порядочно шагать,— сказала она, осторожно вкладывая метелку камыша в цветы.— Расскажите что-нибудь о себе. Помните ваш совет о необходимости изучать кадры?

— Биография из серии незамечательных людей,— улыбнулся Верещагин.— И не длиннее поясного ремня, как выразился мудрец. Школа. Пионерский отряд. Комсомол. Техникум. Обычные ступеньки. Без всякого исключения.

— Война.

— Воевать не пришлось по малости лет. О войне представление в основном по кинокартинам.

— Но немцев видели?

— Видел и слышал. Даже метка сохранилась на память. Вот,— Верещагин сдвинул назад кепку, приподнял со лба светлую прядку, прикрывавшую белесую звездочку шрама.— Остался фриц. Возился во

дворе с мотоциклом, а мы крутились рядом, заглядывали из любопытства. Ну, он меня ключом и стукнул.

— А с ногой. Тоже тогда?

— Это уже после войны. Собирали в лесу трофеи. Мина одна сработала.

— Скажите, Виктор,— после паузы спросила Ольга.— Почему вы ушли из совхоза?

— В добавление к официальной информации?

— Нет, в расчете на товарищескую откровенность.

— Ответ банальный: не ужился с начальством,— усмешка тронула обветренные губы Верещагина.— Оказался плохой характер, вздорное поведение. И в результате — отставка.

— А все же почему?

— Есть такое правило для детей: во всем слушаться старших. Вероятно, мною оно не очень прочно усвоено. Пытался доказать, что имею право на собственную точку зрения по некоторым вопросам. Таким, например, как отчетность. Короче, попал под закон физики. Помните, в разделе электричества: тела с противоположным зарядом взаимно притягиваются. Впрочем, вышло не совсем по закону. С противоположным зарядом тела, в данном случае оттолкнулись взаимно. И так как во мне «веса» оказалось меньше, «оттолкнутым» оказался я. И как видите, на порядочное расстояние. Хотя, сознаюсь, желание было расстояние это увеличить.

— Что же помешало?

— Два обстоятельства,— задумчиво произнес Верещагин, глядя в сторону.— Первое — это заведующий отделом пропаганды Беленков, Петр Михайло-

вич, решивший, что я смогу пригодиться Зеленодольску на фронте печати. В результате чего моя фамилия появилась в штате редакции. А насчет второго обстоятельства. Можно ответить в стихах?

Я знаю: я нужен степи дозарезу.
Но нет, пожалуй, это неверно,
Я, пожалуй, немного лгу.
Она без меня проживет наверно —
Это я без нее не могу.

— Сергей Чекмарев, «Размышление на станции Карталы». Люблю этого поэта, хотя он сам себя поэтом и не считал. И даже не попытался ни одного стихотворения напечатать. Но все у него от души, каждая строчка. От самого сердца.

Всеми, даже нам с тобою,
Придет черед умереть.
И только красивой песне
Дано без конца звенеть!

Верещагин, видимо, не хотел вдаваться в причины своего ухода из совхоза, поэтому ухватился за стихи. Декламировал, складывая слова одно к другому, как кубики. Шагал он широко, чуть закидывая ногу с протезом. Изредка, как бы помогая себе, взмахивал рукой. Наконец умолк, спросил:

— Хорошие стихи? Правда? Как вы находите?

— Почему-то мне кажется, что Верещагин и сам пишет стихи,— посмотрела на него Ольга.— Я угадала?

— Если брать прошлое.

— А теперь?

— К счастью, вовремя бросил.

— Что же так?

— Старая мудрость: плохо делать не хочу, хорошо — не могу. Поэтому благоразумнее оставить попытки достичь Парнаса.

— Вам не надоели мои вопросы? — спросила Ольга, поправляя метелку камыша, которая была явно велика для букетика и заслоняла остальные цветы.— Можно еще задать?

— Хоть тысячу.

— Только искренне. Вам не по душе газета?

— Работа или порядки?

— То и другое. Вы как-то начинали говорить о двух способах делать газету. Каким же из них делается, на ваш взгляд, наша газета?

— Двойной вопрос. Но попытаюсь ответить. В годы студенчества я редактировал стенгазету: бесшумно и добровольно. Заметьте. Это в какой-то степени, говорит о моей тяге к печати. А что касается способов,— Верещагин в минутной задумчивости свел брови.— До недавнего времени преимущественно первым.

— Есть какая-то более точная грань «недавнего времени»?

— Есть.

— А именно?

Верещагин придержал шаг, засунул руки в карманы плаща, и Ольге показалось, что он чем-то смущен.

— Ваш приезд.

— Что, что? — переспросила Ольга и сама смущилась.

— Ваш приезд,— повторил Верещагин, вскинув какой-то внезапной решимостью лицо.— Я хотел уйти из газеты,— продолжал он, не отводя взгляда:

пристального и взволнованного.— И даже заявление написал. А потом раздумал. После того как вы приехали...

— Ну, это неправильно,— возразила Ольга, стараясь скрыть свою растерянность.— Разве газета, ее содержание, зависит только от редактора? Если что изменилось, то это заслуга всего коллектива.— Она хотела умышленно разговором о газете как бы заслонить все остальное, о чем сказал Верещагин. Но не могла сразу подобрать слова. И тут пришла неожиданная помощь. Увесистая, холодная капля с размаху шлепнулась ей на щеку. Вторая угодила в бровь. Туча, которая казалась совсем мирной, угрожающе надвинулась, развесив над озером густую пряжу дождя. Видно было, как вдалеке вихрь ожесточенно треплет камыш, будоражит воду, взявшуюся злыми пенными гребешками.

— Идем-те быстрее, нас догоняет дождь! — трогая Верещагина за рукав, сказала Ольга.

До села, до первых домов, оставалось метров четыреста. Пока взбирались на крутой увал, к началу улицы,— дождь настиг. По дороге, усеянной гусиным пухом, по плетням огородов точно мокрой тряпкой хлестнуло: ядреные, величиной с добрую горошину капли дробились о землю. Ливень буквально ошеломил, и оба, не сговариваясь, кинулись в поисках убежища к машине, стоявшей на въезде напротив крайнего дома. Подходящее это укрытие или нет — раздумывать было некогда. Минута — и они были под спасительным брезентовым тентом, гудевшим под напором воды, как барабан.

Чтобы не запачкать обтянутых свежими парусиновыми чехлами сидений, забились назад, на жест-

кую лавку вдоль борта, стряхивали с себя воду, смеялись.

— Хорошо? — отдышавшись, сказала Ольга.

— Хорошо!

— А не попадет нам за машину?

— Ничего не будет.

— Как он припустил. Может быть, нам все-таки лучше добежать до дома?

— Сидите.

— Ой, а наша находка! — спохватилась Ольга.— Я же его, наверное, раздавила.

Она с неподдельной тревогой просунула руку в карман пальто, достала яйцо.

— Нет, целое. Смотрите, Виктор, целое?

Мокрые пальцы их столкнулись. Ольга вскинула глаза на Верещагина и оторопела: он вовсе и не на яйцо смотрел, а на нее, в упор, горячим, пристальным взглядом, в котором не было ничего привычного, насмешливого, колючего. И сам он весь казался другим, совершенно не похожим на того вызывающе настороженного Верещагина, каким Ольга привыкла его видеть. Застигнутый врасплох ее вопросом, он торопливо закивал:

— Да, да, конечно...

Даже в полумраке, царившем под брезентовым тентом, было видно, как густо зарделось его лицо.

Видимо, и со стороны ее требовался какой-то шаг отступления, дабы смягчить момент. Но вместо этого Ольга вдруг испуганно крикнула:

— Виктор, мы же едем!

Они действительно ехали. Тормоза ли сдали, или просто дорога раскисла, но газик, набирая темп, сползал под гору, прямо на темный от дождя забор.

Только теперь впервые за свои двадцать шесть лет Ольга поверила в существование на белом свете счастливой случайности. Угоди острие жерди чуть левее, и она могла бы «навестить прабабушку», как сказал сердитый врач Зеленодольской больницы, делавший ей перевязку. Но и того удара, что пришлось вскольз в плечо, оказалось достаточно, чтобы на несколько дней уложить ее в постель. Обложенная подушками, с рукой, которая плохо шевелилась, в чалме из марли Ольга, как узница, коротала дни дома, под неусыпным надзором заботливых стариков-хозяев.

Но не так мучила боль, как нелепость случившегося. Выйти из строя в момент, когда столько дел!

Вынужденное безделье было бы совершенно невыносимо, если бы не Валя, забегавшая к подруге по нескольку раз в день. Ольга и не предполагала, что в Зеленодольске столько людей, которые живо отзовутся на ее беду. Приходил Кубрушко, приходили девчата из типографии, Ева Демьяновна. Забрел даже вечно озабоченный общественными поручениями активный селькор, пенсионер Хазарин, битый час доказывавший, какое это важное дело через районную печать помочь в распространении журнала «Наука и религия».

Челпанов принес оттиск номера на подпись. Он коротко объяснил, почему материал поставлен именно так, и теперь сидел с обычным своим отчужденным выражением на маленьком лице, положив на колени старую картонную папку. От свежих газетных листов привычно отдавало скипидарным душ-

ком. Чернила расплывались на бумаге, влажной от типографской краски. Ольга, опираясь на локоть, неловко, полусогнутой рукой правила. Замкнутость секретаря редакции ее не удивила: принес газету на подпись — и за то спасибо. Мог бы просто прислать с кем-нибудь. Она уже догадывалась: Григорий Мефодьевич обижен, что не его сделали редактором. И это было так на самом деле. Старый газетчик, начинавший работать еще в тридцатые годы в политотдельской многотиражке, Челпанов считал, что его незаслуженно обходят, и каждого нового редактора встречал в штыхы. Но он относился к числу тех людей, в ком чистолюбивые устремления проявляются в виде вспышек. Побунтовав и убедившись в невозможности что-либо изменить, он покорно брался за прежнюю секретарскую работу, которую по-своему любил. Так было и в этот раз. Обида подтолкнула его на не очень-то умный шаг с письмом. Но зато дальше этой гневной, вгорячах сочиненной бумаги действия его и не пошли. Сейчас он почти уже ничего не имел против «девчушки», как со злости назвал про себя Ольгу, и даже в душе сочувствовал ей. Но держался подчеркнуто сухо, разговор свой ограничил чисто официальными замечаниями о делах редакции. Только под конец, уже собираясь встать, как бы между прочим сказал, что утром на бюро райкома наряду с другими вопросами шла речь и об аварии машины, и Верещагину платить за ремонт, плюс строгий выговор.

Ольга молча выслушала, с трудом крупно вывела на первой полосе: «В свет», свернула газету и, когда Челпанов ушел, откинулась на подушку. почувствовав слабость во всем теле. Сквозь пульсирующую

головную боль проступило сознание: на бюро был Ворожев! Не мог не быть: директора совхозов приглашены были все. И не дал о себе знать. А она его ждала. Ей так хотелось, чтобы он пришел, сел рядом, тронул бы ее руку. В крайнем случае прислал бы записку, хоть два слова. Но он не зашел, не написал. Может быть, даже и не спросил, что с ней.

Захлестнутая чувством горечи, Ольга долго лежала, глядя сквозь сомкнутые ресницы на большое, неяркое предвечернее солнце. Плечо отзывалось ноющей болью на малейшее движение. Но она все же встала, оделась. Преодолевая головокружение, сделала первые шаги до двери. Она шла не только с намерением немедленно что-то предпринять в защиту Верецагина, но и с затаенной надеждой встретить Ворожева: мог же он задержаться после бюро!

В райкоме, в пустом коридоре, гремела ведрами уборщица.

Дежурный сказал:

— Никого нет. Федор Тимофеевич собирается в город, но еще не уехал. Ждет машину с заправки. Где-то здесь!

Зорина Ольга нашла во дворе Дома культуры, возле жатки необычной формы. Это была широкозахватная жатка, сконструированная механиком совхоза «Заря» Петром Лодкой. О машине и ее конструкторе говорили в районе всю осень, газета печатала статью, но больше всех уделял внимания первый секретарь райкома. Он чуть не каждый день бывал в совхозе, через обком договорился с машиностроительным заводом, чтобы прислали инженеров проверить чертежи, участвовал в испытаниях агрегата.

Зорин выбрался из-под машины, стряхивая приставшие к коленям травинки. На нем был хороший костюм, остроносые блестящие ботинки. Рукава пиджака чуть загнуты, серая фетровая шляпа сдвинута на затылок.

— Вот, пожалуйста,— сказал он, адресуя слова Ольге, а сам продолжая удовлетворенно поглядывать на машину,— наш чудо-агрегат: привезли сюда показать пленуму. Ширина захвата десять метров. И главное, сделана целиком своими руками, в совхозной мастерской. А вот и ее «крестный отец». Знакомьтесь. Один из самых первых целинников и настоящий представитель рабочего класса в деревне,— улыбаясь, сказал Зорин.— Приехал в совхоз с семилеткой, окончил десять классов, а теперь заочно учится на третьем курсе в политехническом институте. Механик.

— На втором,— смущенно подсказал Петр Лодка.

— Ну, пусть на втором. Разница не очень большая. Важно, что голова работает. Механизаторов в районе сотни, а вот ведь никто не задался целью придумать машину, которая бы захватывала не пять метров, а десять. И тем самым в два раза увеличила производительность. А Лодка — задался. И достиг. Ночей не спал, отпуском не пользовался, а сделал.

Зорин только после этих слов, казалось, заметил, с кем разговаривает.

— Корнилова? Ты почему здесь?

Вероятно, Ольга неважно выглядела в накинутом на плечи пальто, в шали, повязанной до самых глаз, чтобы скрыть забинтованный лоб. На лице секретаря райкома проступила неподдельная озабоченность:

— А мне сказали: постельный режим. Врач был? Я просил медиков заглядывать к тебе. Сильный ушиб? Может быть, в город, в больницу?

— Спасибо, Федор Тимофеевич, я уже почти здорова. Мне надо поговорить с вами.

— Все разговоры потом. На колесах я, дорогая, собрался в путь: в обком вызвали. А сюда — на минутку.

— Но мне необходимо, — Ольга даже дорогу ему загородила. Зорин внимательно посмотрел на нее, потом на часы:

— Ладно. Только недолго, пока шофер вернется.

Они отошли к низенькой, врытой в землю скамейке, где лежала папка и серое коверкотовое пальто Зорина. Сели. В клумбе тлели последние цветы.

— Ну, что у тебя, редактор, выкладывай!

— Я слышала, что сегодня было бюро, — начала Ольга.

— Было, кивнул Зорин. — Итог подбивали. Везу вот рапорт в область: пять миллионов пудов! Тут они у меня лежат, — он с улыбкой слегка прихлопнул ладонью по папке. — Свалили план! Не первыми, правда. Но вторыми-третьими — наверняка. Ты не в курсе разве? Не говорили тебе?

— Я знаю. И очень рада. Но меня беспокоит другое, Федор Тимофеевич.

— Что тебя беспокоит?

— Верещагин на бюро наказан. И это почему-то сделано без меня. Вернее, в моем отсутствии. И за что вообще — непонятно.

— Погоди, погоди. Верещагин. Твой товарищ по несчастью? Как непонятно? Машина разбита. Ты вон

разукрашена, что называется, под первое число. Разве этого мало?

— Но ведь все вышло случайно. И Верещагин совершенно тут ни при чем.

— А кто же при чем?

— Мы вместе забрались в машину от дождя. Только и всего. Разрешите, я расскажу по порядку.

Зорин молча выслушал ее взволнованное объяснение.

— Да, защищаешь ты горячо. За это молодец. Давать в обиду подчиненных не надо. Если, конечно, они того заслуживают.

— Верещагин способный журналист. Вполне справляется с работой.

— И бутылки с собой уносит, не оставляет в чужом столе? — Зорин прищурился, приспустил веки, тая иронию.

— Бутылки? — переспросила растерянно Ольга. — Откуда это известно?

— Да вот известно.

— Но кто сказал?

— Ты, наверное, сама? Кто же кроме тебя? Стол — твой.

— Я не говорила.

— А я так и подумал, — продолжал с той же иронией Зорин, — что ты. Факт-то сам по себе редкий. Прийти на работу и обнаружить в своем столе целый посудный склад — не каждому это удастся. И не всяк сможет выпить, да еще и бутылку так хорошо припрятать.

— Но ведь это старый факт. Нельзя же судить о человеке только по тому, что было с ним в прошлом.

— Значит, бутылок в столе больше нет?
— Нет.
— И в чайной он заказывает себе первое, второе — и только?
— Верещагин не пьет.
— Совсем?
— Я уверена.
— Ну, что же, ручательство редактора — вещь немалая, — согласился Зорин, — и ирония в его глазах сменилась выражением сосредоточенности. — Поверим. Тем более, что твой подчиненный о бутылках рассказал сам. Пусть он и выговор немного поносит: пойдет ему на пользу. А за ремонт придется платить. Брался за баранку или нет, но факт тот, что в машине в момент аварии был.

— В таком случае пусть будет пополам. Мы в одинаковой степени виноваты.

— Кому же из вас верить? — Зорин рассмеялся. — Одна хочет разделить вину пополам, второй утверждает, что за все он целиком отвечает. Пойди тут разберись. Сами договаривайтесь. А в отношении Верещагина мой совет, — оборвал улыбку Зорин. — Побольше его нагружай, пусть ездит, смотрит, учится, среди народа толкается, если он способный журналист, как ты говоришь. Хотя, мне кажется, непосредственно на производстве в качестве агронома его энергия нашла бы, пожалуй, более полезное применение. Ну, есть еще неотложные вопросы или все?

«Ворожева нет. А может быть, его и не было на бюро? Спросить? Ведь ничего особенного?» — подумала Ольга. Но в ответ на ожидающий взгляд секретаря райкома только кивнула:

— Все.

С улицы донесся гортанный звук автомобильного сигнала. Зорин поднялся, взял пальто и папку.

— За мной. Тебя подбросить домой?

— Благодарю, я дойду.

— Выздоровливай. Скоро пленум, обсудим итоги уборки и задачи на зиму. Подумай насчет своих соображений по части газеты. Возможно, завести какую-то рубрику: «Готовность к зиме»? Организовать рейды с целью контроля. Дел предстоит много. Посоветуйтесь в редакции.

Обойдя клумбу, Зорин приостановился, сказал:

— Пусть Верещагин поговорит с Кубрушко. Там помогут с ремонтом.

«Почему я сказала: все? Разве все сказано? — подумала Ольга, проводив взглядом голубую райкомовскую «Волгу», бесшумно мелькнувшую за оградой. Что-то напомнило ей вечер в конторе совхоза: так же сидела одна и так же догорал день. Ольга сидела на скамейке и смотрела, как тускнеет на высокой крыше Дома культуры розоватый отблеск солнца. Вот последний луч скользнул по самому коньку, задержался на миг на мачте флагштока и погас. И сразу как будто мир переменялся по волшебному мановению. Стало холодно и сумрачно, отчетливее зазвенел гаечный ключ в руках Петра Лодки: неутомимый изобретатель продолжал что-то доделывать. Может быть, проверял мысль, подкапнившую секретарем райкома, бывшим комбайнером.

Ольга посидела еще несколько минут, потом поднялась, поеживаясь от холода, вышла со двора. На улице напротив продмага остановился грузовик. Из кузова прыгнул на землю крепкий парень в матросском бушлате, крикнул что-то шоферу и перемахнул

кювет. Ольга задержала шаг: странно знакомый голос! Парень зашел в магазин. В широкое окно было видно, как он взял в кассе чек, как подошел с ним к прилавку; одну покупку поспешно сунул в карман, остальное захватил в руки и кинулся назад к машине. Теперь Ольга узнала его: Дрябин Василий — матрос, помощник комбайнера с пятого отделения совхоза «Лесные поляны». Конечно, он.

— Здравствуйте, Дрябин,— сказала Ольга.— Не узнаете?

Матрос был почти рядом с машиной и уже протянул руку, чтобы схватиться за борт: в другой руке он держал, прижимая к бушлату, папиросы. Повернулся удивленно:

— Я из газеты, помните?

Парень смотрел, взявшись рукой за борт, и, кажется, не узнавал.

— У меня несколько необычный вид, госпитальный, так сказать. Не обращайтесь внимания,— сказала смущенно Ольга, поправляя сползавшую на глаза шаль.— Ну, вспомнил? Как ваш командир поживает?

— Крупеня? Ничего, живет.

— А вы? Закончили уборку, конечно? Я рада,— она и в самом деле обрадовалась встрече: отчего — сама не знала. Может быть, потому, что человек этот был из «Лесных полей».— Вы видели свое письмо, Дрябин?

— Видел,— равнодушно кивнул матрос и поставил ногу на рубчатый баллон с явным намерением вскочить в кузов.

— Да погодите,— удержала его Ольга,— куда это вы?

— Тороплюсь, чтобы сюда не возвращаться.

— Как «сюда»?

— Вернее сказать не сюда, а в совхоз. Вы передайте директору, если встретите, что если он еще годика два продержится там, самому придется и пахать и сеять. Одному.

— А что случилось?

— Долго объяснять. Времени нет. Но скажу так: то, что мы писали и вы напечатали,— все это стрельба и белый свет. Поняли? Директор такие газеты на риск пускает в лучшем случае. Да и то, если папирос не окажется.

— Матрос, ты на кого там наткнулся? Давай быстрее,— из-за борта свесилось любопытное лицо.

— Один миг. А в общем, подались, как говорится, к другой хате. Думаем, что найдем. Свет клином не сошелся на одном совхозе.

— Но это же легче всего — уехать.

— Почему не боролись? Это хотите сказать?

— Да, именно.

— А вы думаете, этот камень сдвинешь? Попробуйте. Он торчит тут крепко, как айсберг: одна треть наружи, а остальное под водой. Ну, бывайте. Всего! — Дрябин оторвал ногу от земли, напрягся и одним махом перенес свое крепкое тело в кузов. В тот же момент заскрежетало сцепление и машина тронулась.

«Айсберг»... Ольга сошла с грейдера, стала под напором акаций, росших в палисаднике перед почтой, и, пережидая вступившую боль в голове, сквозь сцепление ветвей смотрела на зеленоватое осеннее небо, где глазами проступали звезды и плыли три огонька: красный и два зеленых. В звездной выси пролегла воздушная трасса.

В просторном фойе Дома культуры — ярмарочная сутолока. На расширенный пленум Зеленодольского райкома партии съехалось человек триста: руководители хозяйств, секретари партийных организаций, передовики. Пестрило в глазах от цветных женских платков, медалей, продубевших на солнце и ветру лиц. Заглушая шум толпы медными голосами труб, гремел духовой оркестр. Вдоль стен и посредине фойе во всю длину тянулись стенды, уставленные снопами пшеницы, кукурузы, кормовых бобов, заваленные горами овощей: каждое хозяйство оборудовало свой стенд. В игрушечной величины бочонках золотилось сливочное масло, брусьями лежали желто-красные сыры — продукция Зеленодольского маслозавода. И тут же, в буфете, точно соперничая в яркости красок с этими щедрыми дарами севера, красовался алма-атинский апорт, янтарно-желтые груши, будто вобравшие в себя частицу южного солнца; виноград, уложенный в сита тяжелыми крупными гроздьями. Работники райпотребсоюза постарались.

В зрительном зале слепили люстры. Директор Дома культуры, обычно прижимистый в расходовании электроэнергии, повкручивал в каждый рожек большие лампы. На сцене от обилия кумача и света струилось розовое сияние. Искусно спрятанные электрические лампочки подсвечивали снизу красную бархатную скатерть стола и трибуну.

Ольга пришла в Дом культуры к звонку и села в одном из средних рядов с Кубрушко и председателем колхоза «Луч» Буслаевым. Пленум открыл Зо-

рин. Он простуженно покашливал, на горле белела помака. Голос звучал глуховато:

— Есть предложение поручить вести пленум бюро райкома. Как, товарищи? — Зорин, недовольно морщась, от слепящего света люстры, оглядел зал.

— Нет возражений! — откликнулся зал.

— В таком случае, прошу членов бюро занять места и президиуме.

Первой к столу подошла Новожилова, села с краю, рядом с трибуной, положила перед собой папку. На сцену поднялись и остальные члены бюро. Зорин подождал, когда все рассядутся, и продолжал:

— На обсуждении пленума выносятся вопросы «Об итогах уборки урожая и подготовке к зиме». Какие будут мнения по повестке дня?

— Согласиться!

— Слово для доклада представляется Вере Васильевне Новожиловой.

Новожилова порывисто шагнула к трибуне. Перед тем как начать говорить, метнула несколько раз взглядом вокруг себя, точно кого-то отыскивала. Торопливо налила воды в стакан. Начала она с того, что зачитала приветствие обкома партии и облисполкома по поводу выполнения Зеленодольским районом обязательств сдачи хлеба государству. Весь доклад выдержан был в явно приподнятом духе: успех в уборке занял главное место. Остальные вопросы заданы были как-то вскользь.

— Ну, все гладко, — ворчал Буслаев, тяжело дыша и ворочаясь на скамейке. Остается шапки вверх бросить. Как будто отстрадавались нынче и больше ничего не болит и не о чем думать.

Заключила Новожилова так:

— Хочется еще раз подчеркнуть. Все вы, товарищи, прекрасно знаете, какая выпала нынче осень. Погода вообще нас не балует в это время: как уборка — так дожди. Но в этом году особенно. Иногда невозможно заехать на загонку — грязь по колена. И все-таки, работа шла. Мы с честью можем назвать имена наших замечательных механизаторов, находивших возможность убирать хлеб в любую погоду: комбайнера Петра Лодки, Ивана Шкрыля, Василия Огородникова, трактористов Николая Шмыглина, Иосифа Бурхарда и многих других. Можем назвать целиком хозяйства, где люди отлично потрудились. Но особенно нужно отметить совхоз «Лесные поляны». Это самая лесная часть района. Тут каждая капля дождя мешала вдвойне. В степи, чуть ветерок, — смотришь, уже и продуло. Но совхоз первым в районе справился с уборкой. В этом основная заслуга, конечно, падает на долю всего коллектива, партийной организации, но и директор совхоза, как главный организатор производства, имеет на нее не последнее право. Только что получена телеграмма. Содержание ее такое, — Новожилова в доказательство подняла телеграфный бланк. — Решением обкома Союза работников сельского хозяйства и треста совхозов по итогам соревнования совхозу «Лесные поляны» присуждается Знамя и совхоз заносится на областную Доску почета. Давайте, товарищи, похлопаем товарищу Ворожеву и всем другим представителям хозяйства.

В зале всплеснулись аплодисменты. Сопровождаемая ими, председатель райисполкома собрала с трибуны листки своего доклада и вернулась на место. Зорин встал.

— Вопросы к докладчику? В письменной форме? Хорошо. Тогда, что ж, начнем обсуждение?

Видимо, докладчик задала тон: выступления в основном сводились к отчету об уборке. Ольга, державшая наготове блокнот, мало что смогла записать. Но вот Зорин предоставил слово Ворожеву.

«Имениннику» надо было выступить вне очереди, — шутливо заметила Новожилова. — Ему и карты и руки. Пусть расскажет о своих «секретах».

При упоминании о Ворожеве Ольга почувствовала, как заняло сердце. После разговора в конторе совхоза она так по-существу ни разу с ним и не встретилась. Видела в райкоме, но мельком. Кивнул, что-то обронил мимоходом — даже и не разобрала. Напила ему по телефону, не дозвонилась.

Ворожев легко взбежал по ступенькам на сцену. На нем был темный пиджак, хорошо облегавший грудь и плечи, светлый однотонный галстук и орден. Военные награды занимали левый отворот пиджака. Впервые она видела их у него: орден Отечественной войны, Красной Звезды, еще какой-то — издали трудно было разглядеть. И медали, несколько штук. Среди них какая-то незнакомая на ленточке, пестрой, как бабочка. Наверное, иностранная. Ворожев пошел за границу.

Чувствовалось, парадный вид директора совхоза привлек внимание зала. Кубрушко подтолкнул слегка приятеля, и, пряча под усами улыбку, сказал:

— Чувешь, Павло, как надо являться на заседания. А ты, небось, свой председательский мундир держишь под нафталином?

— Махоркой пересыпал, махоркой. Табак, он молоток отгоняет лучше. Да в старом и удобнее; бить

станут — не жалко, — ответил серьезным тоном Бу-
слаев.

Ольга, глядя на празднично одетого, полного уверенности Ворожева, вдруг почувствовала себя странно маленькой, затерявшейся в переполненном зале. Почему-то всплыли в памяти слова Мостового: «Высоко стоит». Он и в самом деле стоял сейчас за трибуной выше всех: строгий, по-военному подтянутый, и не только выражением лица, но и каждым своим жестом как бы подчеркивал сознание важности момента. Вот он поглядел себе под ноги, словно желая проверить, прочно ли то, на чем он стоит. Коротким взмахом руки поправил рассыпчатые волосы и наконец решительно вскинул голову:

— Что же, товарищи, за приятную весть, за внимание — спасибо. Могу ответить лично от себя, как руководитель хозяйства, от имени партийной организации и всего нашего коллектива: постараемся быть достойными награды и приложим все силы к тому, чтобы не уступить Знамя никому и в будущем. А теперь насчет «секретов», о которых говорила Вера Васильевна. Извините, товарищи, — Ворожев с улыбкой повернулся к президиуму. — Но секретов никаких нет. Руки, труд, борьба за честь хлебобоба, может быть, в какой-то степени организаторская сторона директора — в этом весь «секрет», Вера Васильевна. Ничего кроме.

— А ты не скромничай, Виталий Викентьевич, — отозвалась Новожилова. — Рассказывай, как боролся за Знамя. А то подумают, что председатель райисполкома рассыпала в твой адрес комплименты без всяких оснований.

— Да, в докладе нас похвалили, — согласился

Ворожев и погасил улыбку. И прежде всего за хлеб, за лидерство, так сказать, в уборке. Мы от похвал не бежим, тем более, что они имеют основание. Вклад в общее дело коллектив нашего хозяйства внес. Особенно не буду распространяться, но вот данные, — он назвал несколько цифр. — Теперь о том, как мы организовали борьбу за урожай. Тут тоже «секретов» мало. Однако кое-что сообщить можно в порядке обмена опытом. — Ворожев рассказал о сроках сева, о подготовке техники.

— Ну вот. Как же, слушайте, нет секретов? Очень интересные секреты! — удовлетворенно заметила Новожилова.

— И наконец, товарищи, несколько слов по поводу доклада. Мне кажется, не мешало бы к сладкому прибавить и немножко горечи. Кроме мягкой подушки, кое-кому из нас подкинуть «ежика». Пусть это не прозвучит обидой, Федор Тимофеевич, — Ворожев повернулся слегка к секретарю райкома. — Но образно говоря, в докладе маловато зубов.

— Правильно, — согласился Зорин. — Скидку на торжественность момента сделали. От победного рапорта голова подзакружилась.

— Мы все, в том числе и я, — продолжал Ворожев, сжав ладонями края трибуны, — говорим на всякого рода совещаниях и заседаниях о процентах, о показателях, о достигнутом уровне. Все это нужно. Нашему брату-хозяйственнику, чего греха таить, цифра, что сестра родная. Отбери ее — и производственного совещания не получится. Без цифры, как без рук. — Он улыбнулся и тут же голос его зазвучал приподнято. — Но ведь сегодня у нас не производственное совещание. Мы собрались сюда в таком ши-

роком составе не для того, чтобы только подвести итоги и сказать друг другу, что хорошо, а что плохо. А с гораздо большей задачей: нацелить партийную организацию района, всех наших тружеников на штурм, если можно так выразиться, на взятие новых рубежей. И очень полезно, если нам, хозяйственникам, укажут, а может быть, и мозги вправят за все то, что мы в текучке дел не замечаем, а порой и просто непростительно недооцениваем. Я имею в виду людей, отношение к ним. За каждым нашим успехом,— и здесь Америку открывать не надо,— стоят люди: механизаторы, животноводы, наши маяки и просто рядовые труженики. Я не сторонник фраз, не хочу уподобиться чеховской унтер-офицерше и сечь самого себя. Но, откровенно, ждал, что сегодня в мой огород камушки будут увесистые. Конечно, можно было отмолчаться: не кинули — и славу богу. Но трудно молчать.

В зале возник шумок. Кто-то не утерпел, крикнул:

— Ты скажи, как на критику реагируешь?

— Перебили, мысль не дали закончить,— поднес ладонь ко лбу Ворожев.— Но я отвечу. Если это касается газеты «Знамя Октября». Да, районная газета нас критиковала,— согласился он спокойно.— Отмечались недостатки в организации питания в бригаде одного из отделений. Что тут можно сказать. Верно. Были недостатки. Трудно, товарищи, и вы это не хуже меня знаете, построить клуб, столовую, новый коровник или какое-нибудь другое производственное помещение. Здесь можно сослаться на отсутствие средств, на нехватку стройматериалов, на что угодно. Но в вопросах устройства быта людей,

организации питания — отговорок не существует. Это святая обязанность директора, партийной и профсоюзной организации. На директора СМУ не кивнешь, и секретарь райкома за нас не будет решать эти проблемы. Если что он и может сделать, так это покрепче спросить с нас.

— Нет, все же интересно, как ты среагировал на выступление газеты. Что предпринял конкретно? — раздался опять в зале тот же голос.

Зорин постучал карандашом по графину с водой.

— К порядку, товарищи! Кто это там шумит?

— Я,— где-то впереди поднялся мужчина в светлом костюме. Ольга по пышной шевелюре узнала главного агронома совхоза «Приречный» Сидорчука.— Предложение у меня: пусть Ворожев скажет пленуму, сделал ли он что-нибудь по сигналам?

Секретарь повернулся к Ворожеву.

— Мы исправили недостатки. Сообщили в редакцию. Не понимаю волнения товарища,— Ворожев пожал плечами и с улыбкой сошел с трибуны.

— Редакция не получала ответа на свое выступление! — Это уже крикнул не Сидорчук, а Верещагин и вскочил с места возле дверей.

— Так как понять: было или нет? — сказал кто-то позади и ей показалось, что вопрос обращен к ней.

Ольга чувствовала звон в голове. «Исправили недостатки. Сообщили в редакцию». Но ведь это неправда. Ворожев сказал неправду. Возмущение овладело ею. Попросить слово для справки, сказать? Да, конечно, сказать и немедленно. Но какой-то другой внутренний голос удерживал: не надо! Она сидела в напряженной внутренней борьбе. Но решимость одержала верх. Ольга поднялась, вскинула руку:

— Разрешите, Федор Тимофеевич, справку?

— Редактор просит слово для справки. Дадим сейчас или в конце работы?

— Сейчас!

— Давай, Корнилова,— кивнул в зал секретарь райкома.

Ольга торопливо выбралась в проход, пошла к сцене. На трибуне, чтобы унять заколотившееся сердце, прислонилась к острой кромке пюпитра.

— Я хочу внести ясность по поводу заявления директора совхоза «Лесные поляны» товарища Ворожева,— сказала она, глядя в зал на расплывавшиеся пятнами лица.— В газете у нас действительно было напечатано письмо рабочих, в котором говорилось о недопустимом равнодушии к бытовым и культурным нуждам рабочих. При проверке факты подтвердились, мало того: их оказалось гораздо больше, чем указывалось в письме. Но тут интересуются товарищи, есть ли какой результат от выступления газеты. Нет. Никакого. И сообщения от руководства совхоза о принятых мерах мы не получили. Зато нам стало известно, что из совхоза уехала группа демобилизованных моряков, которым не были созданы элементарные условия быта. Они не дезертировали, нет! Просто уехали в другое место, где с большим вниманием относятся к людям.

— Ну, это уже не справка! — перебил ее голос Мостового. Пусть дает справку по-существу.

— Действительно,— поддержала Новожилова,— начнем теперь рассказывать, кто от кого уехал. Слушайте, какое это имеет отношение?

Ольга повернулась, чтобы ответить на реплику. Она не знала, что после своего выступления Ворожев

смотрел и улыбался. Но это была странная, чужая, не принадлежавшая ему улыбка.

Что-то холодное и жесткое просвечивало из глубины зрачков. Этот льдистый, слегка прищуренный, повелительный взгляд все еще имел над ней власть. Она смутилась, пробормотала, что у нее все, и неловко шагнула с трибуны. До места шла, досадуя на себя: надо же так — напросилась и ничего не сказала толком, никого не убедила.

Она уже несколько дней, как сняла с головы повязку, и, кажется, не осталось следа от ушибов, а тут снова заныло плечо и застучала в висках кровь. Огорченная неудачей, Ольга не обращала внимания на то, что происходило вокруг. Но вот знакомый голос заставил ее прислушаться.

— Разрешите-ка мне!

Над головами вскинулась рука и потом встала женщина в белом шерстяном платке, накинутом на плечи: Анна Петровна Боровских!

— Слова прошу. Хочу выступить.

— А, Анна Петровна,— узнал ее Зорин и склонился к списку выступающих, как бы желая уточнить очередность.— Пожалуйста!

А Боровских уже шла по залу твердым неторопливым шагом: невысокого роста, подобранная, похожая сзади на пожилую учительницу. Возле сцены инструктор райкома Мостовой, сидевший в составе секретариата, вскочил из-за стола, хотел помочь тележке, но женщина отстранила его и сама легко поднялась по крутой лесенке. Трибуну будто и не заметила, остановилась в сторонке, щурясь от яркого света, поправляя концы платка. Золотая звездочка, скромно приколотая к вязаной шерстяной коф-

точке, чуть подрагивала, роняя с граней мягкие червонные искорки. На знатную телятницу, хорошо известную в районе, смотрели с одинаковым интересом и из зала и из президиума: ждали, что скажет. Новожилова и тут не удержалась:

— Ну, что, Петровна, — сказала она, не давая по привычке покоя своим пальцем и выбивая ими неслышную дробь на плюшевой скатерти стола. — К пенсии не готовишься? Как всегда на трудовом посту? Когда это тебе стукнет пятьдесят пять: в июне или июле? Что-то запамятовала.

— В июле. Ежели доживу.

— Доживешь. Такие люди должны сто лет жить. Живи и не старей. Только расти телят побольше. Не знаю, всем известно товарищам или нет, что Анна Петровна в прошлом году от 260 коров приняла 300 телят и всех до единого выходила! И в этом году, наверное, не сбавит темпов, а?

— Рано судить, до конца года далеко, — уклончиво ответила Боровских, давая понять, что не с этого намерена начать разговор. — Буду работать, пока силы есть да руки-ноги в порядке.

— А ты недисциплинированна, Петровна, прямо надо сказать, — с непривычным для ее лица выражением шутливости, укоризненно покачала головой Новожилова. — От отпуска отказываешься. Профсоюз путевку добился для тебя в хороший санаторий, радикулит лечить. Не хочешь ехать. Это как же?

— Профсоюзу спасибо. И вам тоже, за то, что про хворь мою прознали, — Боровских по-старинному обычаю чуть поклонилась в сторону президиума, но тут же выпрямилась и черты лица у нее словно затвердели. — А вот, вы уж извините меня, старуху,

за прямоту, положение дел у нас в совхозе «Лесные поляны», знаете, плохое.

— Ну, так уж сразу и плохое, — рассмеялась Новожилова. — Ты бы как-нибудь помягче для начала.

— Плохое, — повторила Боровских, не приняв шутки. — Плохо знаете. А может, и знаете, да настроение портить не захотели в такой торжественный день. А надо. Конечно, секретарь наш, товарищ Зорин, в районе человек новый и не успел еще во все вникнуть. Не один у него наш совхоз. Но ведь в райкоме у него помощники есть. Они должны подсказать, где, что и как. Но, видать, не подсказали. Вера Васильевна, а мы ее все хорошо знаем, сбила девушку, которая тут вот до меня выступала. Помешала ей договорить. А зря. Надо было ее не перебивать, а выслушать. И Виталию Викентьевичу, он здесь вот сидит недалеко от меня, — женщина слегка повернулась к столу, — следовало бы прямо сегодня сказать, поскольку у нас партийный пленум: «Дорогие товарищи из области или откуда там, сердечная вам благодарность за то, что труды наши заметили, похвалили нас. Но Знамени, которым награждаете, нам не давайте. И то, которое у нас уже есть, и оно есть, если я не ошибаюсь, весной вручали. Не помню уже по какому поводу.

— За молоко. За сверхплановую сдачу молока, — хмуро подсказала Новожилова.

— Ну вот, и это Знамя заберите. Возьмите его, потому как сомнение у нас, большое сомнение: а заслуживаем ли мы такой награды?

— Анна Петровна, извини, — мягко перебил Зорин, сосредоточенно слушавший телятницу. — А не чересчур ли ты строго настроена? Заработано Знамя

коллективом: зачем же отказываться, подвиг свой трудовой преуменьшать?

— Надо было отказаться, — продолжала настойчиво Боровских. — А вот директор не отказался. Смелый он у нас человек. Да и вы сами видите, сколько у него за смелость наград. На войне был. И в совхозе за дело смело взялся. Директоров-то у нас переменялось много всяких: и плохих и хороших, научились мы разбираться. Что сказать о Виталии Викентьевиче? Требовательный он. Такой требовательный, что люди заходить к нему побаиваются. А здесь, выходит, у самого смелости не хватило. Как же: Знамя в кабинете, на виду. Кто войдет, сразу видит. Буквы золотые. Гордость. А того не подумал Виталий Викентьевич, что проще самим его отдать, чем дожидаться, когда отберут. А его отберут, Знамя-то. Разберутся и отберут.

— Слушайте, о чем речь? — непонимающе оглянулась на членов бюро Новожилова. — Совхоз выполнил обязательство по хлебу. Впереди идет по сдаче молока и мяса. Можно посмотреть сводку, чтобы убедиться. — Поспешно начала перелистывать бумагу, но Боровских жестом остановила ее:

— С хлебом мы вышли, с мясом и молоком тоже. И вроде, как и хорошо сегодня. Но живем-то мы не одним днем. Нам, товарищи, вперед смотреть. И идти вперед, как партия к тому призывает. А пойдем ли, и далеко ли — вот в чем беда и забота. А забота большая, ох, большая, — Боровских горестно покачала головой, вздохнула и тут же, точно остановив себя, сказала строго, почти сурово. — Неладно у нас на пятом отделении, Федор Тимофеевич, неладно. Я уж не говорю про механизацию, про то, что вруч-

ную все делаем, людей не жалеем. Кормов нет. Вот в чем беда. Ладно, ежели до февраля дотянем, а что дальше делать — не знаем. Когда ферму кругом опахивали, как я возражала: опашут, некуда будет телятишек выгнать. Мне Виталий Викентьевич сказал: «Держаться за естественные пастбища — пережиток. Насеем трав — организуем зеленый конвейер. Надо кормовую проблему решать по-научному, а лужайки да полянки — это для тех, кто стихи пишет». Убедил он меня, и что же получилось: обороздили ферму, как во время степного пала. И нет теперь травы: ни сеяной, никакой. Опять я жаловалась директору — старики надоедливы — и снова он меня успокоил: «С травами не вышло, кукуруза будет, кормовая свекла будет: другие еще только раздумывают, а у нас будет». Свеклу посеяли, правда. Перыш. А толку? Зоотехника нашего, жалко, здесь нет — не пригласили ее почему-то сюда: она бы не дала соврать. Две машины набралось свеклы — только и всего. И кукурузу стравили на корню. Пошатоптали. И вот я думаю: не пришлось бы нам с протянутой рукой опять к государству идти. И ведь придем. Среди зимы придем. Так какое тут Знамя? Зорин хмуро придвинул к себе бумаги.

— Извини, Анна Петровна. Одну минуту, Виталий Викентьевич, сколько у тебя силоса на пятом отделении?

— Анна Петровна просто не совсем в курсе, — с улыбкой отозвался Ворожев. Директор сохранял выдержку. Лишь непривычная торопливость, с которой он доставал из кармана записную книжку, выдала его волнение. — Мы, действительно, какую-то часть кукурузы пустили на подножный корм; ну так что

ж? К чему паника? У нас пять отделений: не хватает на одном, возьмем у другого. Руководитель хозяйства имеет право маневрировать. Нельзя же обобщать. И вообще, все так близко принимать к сердцу, как это делает уважаемая Анна Петровна.

— А я принимаю к сердцу, близко принимаю, — сказала Боровских и склонила голову. — Трудно по-другому-то. Горевать над скотом мне, и корм выпрашивать по навильнику мне да девчатам вместе с зоотехником. Я принимаю к сердцу, — повторила она с гневными нотками в голосе, — а вот Виталий Викентьевич, товарищ Ворожев, видать, не очень тревожится. Сдается, так.

Видимо, настроение в зале определилось давно. Последние слова Боровских потонули в шуме голосов:

— А что ему тревожиться? Не дадут упасть, подержат на «скользком». Не первый раз!

— Концентратор подкинут.

— Вопрос к Ворожеву. Пусть скажет, какое количество фуража оставил. У всех по тридцать-сорок процентов, а у него все сто, наверняка. По прошлому году знаем!

Буслаев, возбужденный, ворочался на тесном сиденье, раскачивая весь ряд.

— Вот так Петровна. Молодец! Сделала поворот. А я думал, все пойдет по-обычному: один отчитался, второй отчитается. Штатных ораторов человека три-четыре выступит — и на том конец. Председатель райпотребсоюза небось заготовил речь на полчаса.

— Ты забыл, — отозвался Кубрушко, — финансиста забыл, Решетняка. Он сначала берет слово, а потом уже остальные.

Позади Ольги кто-то говорил насмешливо:

— Мясо, молоко. На уровне. А вот какова у него себестоимость спросить? Во сколько рубликов обходится килограммчик свининки. Когда это мы перестанем мерять свои успехи только на количество? Да я уверен, если директору из этого мяса отбивную приготовить да скалькулировать по себестоимости, — не станет есть. Не возьмет.

— А где у него калькулировать? Или, возможно, успел построить столовую?

— Он успеет.

— А ты насчет себестоимости выступи. Давай, подними руку. Хотя уже теперь не успеешь.

В это время Зорин объявил перерыв.

XXVII

В дверях, при выходе из зала, Ольгу поджидал Мостовой.

— Что ж ты не дала за одним пленуму справку, как со своим подчиненным чужую машину разбила? — спросил он с издевкой и, не дожидаясь ответа, подчеркнуто холодно кинул. — Ступай, начальство тебя зовет.

В голосе Мостового звучало откровенное злорадство. Колюче прищуренный взгляд следил, какое действие произведут на нее слова. Но Ольга промолчала, не приняла вызов. Почти спокойно протиснулась сквозь толпу к дверям гримировочной, где был оборудован небольшой буфет для членов бюро. Не хотелось одного: встретиться с Ворожевым. Боялась, что снова не выдержит его взгляда. Не выдержит именно теперь.

После насквозь прокуренного шумного фойе приятно было очутиться в тишине. Ольге, привыкшей за несколько часов к электрическому свету, показалось странным, что на улице еще день. Холодное осеннее солнце висело над шиферной крышей кочегарки, пятна снега на земле ослепительно сверкали. В комнате, на круглом столе, накрытом белой скатертью, — чай, бутерброды. Члены бюро, видимо, обсуждали что-то: лица их были сосредоточенны. Зорин возле стола с карандашом в руке, покашливая, просматривал проект постановления пленума, опечатанный типографским способом. Новожилова, сунув кулаки в кармашки жакета, расхаживала по комнате широкими мужскими шагами. Увидев Ольгу, остановилась, метнула на нее стремительный взгляд.

— Ну, вот и сам закоперщик явился!

— Почему я «закоперщик»? — спросила Ольга.

— А как же, слушайте, по-другому назвать? Закоперщик.

— Проходи, — кивнул Зорин, не отрываясь от постановления. — Садись чай пить!

— Садись, — с готовностью придвинул Ольге стул секретарь райкома комсомола Исаков. Ольга присела.

— Меня вызывали?

— Как это вызывали? — недовольно переспросил Зорин.

— Так передали.

— Я просил зайти. Опечатки. Невнимательно набирают. Ты смотрела? — он придвинул к ней проект постановления пленума.

— Нет. Это помимо меня.

— Помимо редактора не должно ничего проходить: продукция-то твоего предприятия. Чтобы в газете не было ошибок.

— В газете ошибок нет, — ответила твердо Ольга, стараясь уловить, о чем пойдет дальше разговор.

Новожилова прошагала взад-вперед по комнате, остановилась против Ольги.

— Слушайте, товарищ Корнилова, что у вас с земляком? Виталий Викентьевич так расхваливал вас. Поссорились?

— Я не ссорилась.

— Ну, а как же ваше выступление?

— Меня попросили дать справку.

— Но, слушайте, разве обязательно было говорить об этом с трибуны? Это же пища для разговоров. Кое-кто теперь раздует. Тот же Сидорчук. Вы не знаете, он без конца выдвигает проекты да речи произносит. А дела в совхозе не очень-то блещут. Я заявил, что на поливных землях овощей вырастит горы. Требуется минеральные удобрения, деньги. Без конца требует.

Ольгу возмутило, что Новожилова подобным образом расценивает причины, побудившие ее выступить. Но Зорин жестом успокоил ее.

— Что это за моряки, о которых ты упомянула? — спросил он, пряча очки в карман.

— Я привела пример, как в совхозе относятся к людям. Но не только к приезжим. Анна Петровна Порожских, заслуженный человек, живет в землянке. Мы собираемся выступить со статьей о механизации в совхозе «Лесные поляны», вернее об отсутствии всякой механизации. По крайней мере на ряде отделений совхоза.

Зорин внимательно выслушал взволнованный рассказ Ольги. Зато Новожилова пыталась перебить и все время нетерпеливо поглядывала на часы.

— Федор Тимофеевич, надо нам договориться как-то переломить настроение. Так же нельзя. Совхоз заносится на Доску почета, присуждено знамя, а мы начнем склонять его по всем падежам. Потом это же касается не только нас: «Лесные поляны» известны далеко за пределами района. Тут надо смотреть с точки зрения области в целом. Как, товарищи? — она окинула взглядом членов бюро, требуя ответа. Присутствующие ответили по-разному: Исаков заявил сразу и решительно. — Это называется зажимом критики! Зачем так ставить вопрос? Прокурор Горбань кивнул неопределенно. Ольхов промолчал. И только Зорин не отозвался никак.

Перекрывая гул голосов в фойе, пронзительной трелью залился электрический звонок, возвещая конец перерыва.

Зорин встал, сунул в карман спички.

— Пошли, товарищи. Настроение нам вряд ли «сломать». Да и не нужно. Суть не в престиже района, о чем беспокоится Вера Васильевна. И даже не в том, какое сейчас положение в «Лесных полянах». Речь идет гораздо шире: о партийной работе, о руководстве райкомом хозяйством района в целом, о неиспользованных возможностях в нашей экономике. Вот, по-моему, какой разговор начат сегодня. Неприятный разговор, но его нам не избежать. Не начали бы сегодня, пришлось бы начать завтра. А что касается «Лесных полей», — Зорин на минуту задумался, — придется, видимо, разобраться с совхозом. И не откладывать дело в долгий ящик.

Зорин взял со стола давно потухшую папиросу, бросил в урну и пошел на сцену. Члены бюро молча поднялись. Ольга вышла из комнаты. За дверью ее поджидали Кубрушко и Буслаев: один с кульком винограда в руках, второй с мороженым.

— А мы тебя потеряли. Поухаживать решили, вроде как кавалеры, и вот не найдем. Держи, — подал вафельный стаканчик директор автобазы.

— Мороженое-то у него скоро растает. Ты виноград бери, — шутливо оттесняя приятеля, сказал Буслаев, протягивая девушке кулек.

— Зачем, Василий Тарасович?

— А ты не отказывайся. До следующего перерыва два часа. Да и опять могут куда-нибудь вызывать. Так мороженого и не попробуешь.

— А главное, винограда.

Ольга послушно взяла то и другое, тронутая вниманием этих пожилых людей. Толпа в фойе уже подела. Но неподалеку держался тесный круг мужчин, доносился громкий разговор. Ольга глянула через плечо и по массивному загривку узнала Мостового. Слышался его напористый, с легкой хрипотцой голос.

— Критику положено уважать, дорогой Виталий Викентьевич. И реагировать, — похохатывая, говорил Мостовой. — Но ты все же скажи, положи руку на сердце, за что на тебя землячка твоя взъелась? Что вы с ней не поделили?

Ольга поняла: Ворожев здесь! Она безотчетным движением отщипнула виноградинку, взяла в рот и слюно оцепенела. Видит он ее или не видит? Конечно, видит. Они же стоят совсем близко. Может быть, и сейчас смотрит. Оглянуться не хватало реши-

мости. Кубрушко спросил ее о чем-то. Не ответила. «Что же скажет Ворожев?» — лихорадочно ждала она. Пауза казалась бесконечной.

— Ну, так что все-таки поделалось с твоей землячкой? Обидел чем? — настаивал Мостовой.

— Старая история, — с неохотой как будто и в то же время нарочито громко отозвался Ворожев.

— А конкретнее?

— Замуж девке хотелось. Не понял. Не проявил инициативы. А женщины таких вещей не прощают.

— В таком случае все ясно. Картина вырисовывается. А я не знал.

Бывает в лесу: идет впереди тебя человек, раздвигает руками заросли и вдруг, потревоженный им гибкий прут, до слез больно стегнет по лицу. Так обжигаяще хлестнули Ольгу слова Ворожева. С минуту она стояла, как оглушенная, не смея поднять глаз, не смеядохнуть. Потом сунула в руки недоумевающих собеседников кулек и, натываясь на людей, пошла к выходу. «Уйти, скорее куда-нибудь уйти!»

На улице струя морозного вечернего воздуха ударила ей в лицо. Ольга почувствовала, как бетонный порожек уходит у нее из-под ног. Хотела ухватиться за дверь, но рука скользнула мимо.

XXVIII

Ночью поднялась буря. Упругие толчки ветра в стену, скрип раскачиваемого ураганом тополя во дворе мешали Ольге. Сон ее, прерывистый и беспокойный, походил на бред. Ей казалось, что она в детском доме; застигнутая непогодой, ночует с товари-

щами на огороде в шалаше, и над головой шумит, раскачиваясь, береза, на которую старик-сторож, возвращаясь с обхода, вешал свой дождевик. Ольга просыпалась, несколько минут лежала с открытыми глазами, потом веки смыкались и сновидение возвращалось. Она отчетливо видела подружек, сторожа, всю ночь бродившего с берданкой по плантации овощей, возделанной ребячьими руками, слышала их голоса. Но сама заговорить не могла никак: что-то давило в горле, заставляло вздрагивать.

По-настоящему крепко забылась уже под утро. Проснулась от обилия света, бьющего сквозь ресницы. Было тихо и в доме и на улице. За окном мирно зеленело холодное утреннее небо. К стеклу прилип снаружи желто-зеленый, вычеканенный изморозью лист тополя. Он казался таким ярким, рельефным, что его захотелось потрогать. Ольга приподнялась, протянула руку. Прикосновение пальцев к холодному стеклу воскресило в памяти вчерашнее. Вход в Дом культуры, бетонный порог, чей-то встревоженный голос: «Что это с девушкой?» Кто-то помог ей подняться, кто-то усадил в машину.

При одной мысли о том, что произошло с ней в фойе Дома культуры, Ольга сжалась в комок и зажмурилась, как от нестерпимой боли. Она знала, что своим выступлением на пленуме причинит неприятность Ворожеву, но верила, что он сможет ее понять. Но он не понял. Она лежала, зажмурившись, как будто тонкая завеса ресниц могла спасти ее и отгородить от всего окружающего. Лежала долго. Может быть, даже уснула, потому что не слышала, как в комнату вошли. Знакомый голос прозвучал рядом:

— Спит.

Над ней склонилась Овчинникова, закутанная по-зимнему в теплый платок, раскрасневшаяся от холода. Ольга вспомнила, как подруга стояла в дверях гостиницы в день ее приезда в Зеленодольск и ей показалось, что это было не три месяца назад, а давно-давно.

— Я не сплю,— сказала она, отрывая голову от подушки.— И можешь не говорить шепотом.

— На улице совсем зима, у меня пальцы заколечени. У тебя тут не холодно? Ну, как ты? Я так перепугалась вчера, когда узнала. Ты же не отлежалась после того раза как следует. И пошла. А там от одного дыма можно упасть. Ведь специально место выделили для курения. Но разве понимают люди? Я тебе яблоки принесла. Куда их положить? — отойдя к столу, Валентина Ивановна стала вытаскивать их из сумки. Едва уловимый волнующий аромат распространился по комнате и увел Ольгу в недавнее прошлое, к учебе, к друзьям. Но лишь на минуту. Все то мучительное, над чем она только что раздумывала, вернулось и захлестнуло ее с еще большей силой.

— Валя, как пленум?

— Ой, с пленумом! — отозвалась Овчинникова.— Ты не поверишь: во втором часу разошлись. У меня на пальцах мозоли от карандаша. Там такое поднялось! Буслаич разошелся. То арканом на трибуну не вытянешь, а тут первый потребовал слова. Но особенно Сидорчук, главный агроном из «Приречного». Ты должна его знать: чернявый такой, симпатичный. «У нас, говорит, руководители района вникают в хозяйство глубоко с помощью бумаг. И сквозь бумаги вперед смотрят. Никто и подумать

не мог, что он на такую речь отважится. Молчал все, улыбался застенчиво. И вдруг — открылся. В общем, разговоры серьезные.

— Ну и что решили?

— Перенесли пленум на сегодня, на час дня.

— А как Ворожев? — стараясь не выдать своей взволнованности, спросила Ольга.

— Так вокруг него и весь разговор. Досталось Виталию Викентьевичу. Оказывается, у него самая высокая себестоимость в совхозе. Выступал два раза — доказывал.

В Ольге все замерло от ожидания: Ворожев доказывал... А доказал ли?

— Валя, ты можешь рассказать толком, что же произошло?

Валентина Ивановна полотенцем осторожно обтерла яблоко, положила перед ней на одеяло.

— Ешь, самое вкусное, с пылцой. Как будто сейчас с дерева. Ополчились коммунисты на Виталия Викентьевича. Потребовали создать комиссию, разобраться с совхозом.

Ольга взяла с одеяла яблоко, поднесла к лицу и почувствовала, как что-то сжимает ее сердце.

Подруга осторожно присела к кровати и с беспокойством спросила:

— Оля, что же все-таки произошло вчера? Виктор чуть не подрался. Он говорит, что Ворожев что-то сказал про тебя нехорошее. Какое-то замужество. Любовь... Все возмущаются. Что он, спятил?

— Это правда.

— Что правда?

— Правда,— тихо повторила Ольга.— Про любовь. Все так и есть...

— Да ты что? — изумилась Овчинникова. — У тебя температура. Дай-ка голову потрогаю.

— Температура тут не влияет, — отвела ее руку Ольга. — Просто Ворожев сказал то, что есть.

— Ну ты хоть объясни, в чем дело, если можно, конечно, — с выражением тревоги попросила Валентина Ивановна.

— А что тут теперь скрывать? Была комсомольским вождем районного масштаба, высокоидеальной и железноубежденной в своей стойкости перед всеми соблазнами жизни. А влюбилась, как простая грешная. Мучилась. Наверное, как-то даже дала понять. И вот получила ответ через пять лет. Публично. При свидетелях, — Ольга хотела заставить себя произнести эти слова шутливо, но не смогла. И улыбки не получилось. Припухшие губы ее дрогнули.

— Пстой. Так это еще в Прирубжье было? Лелька, ты меня поражаешь! Любить человека и в то же время к нему так... — Валя сделала жест, полный значимости, — я не понимаю...

— А ты считаешь, что любить — это значит жалеть, щадить, молчать? И только?

— Не знаю. Одно скажу: трудно тебе придется с твоим характером. Ох, трудно. Сколько уже неприятностей себе нажила. И зачем?

— Зачем? — задумчиво переспросила Ольга. — Ты сама это знаешь, не хуже меня. Как еще много у нас всего, что нам мешает, с чем приходится воевать, сталкивать с дороги. И почему это должен делать кто-то другой, а не я? Можно, конечно, не заметить, промолчать, пройти мимо. Так проще, спокойнее. Ну, а долг коммуниста, просто человека!

— Беспокойная твоя душа, вот что я тебе скажу, — Валентина Ивановна с какой-то грустной улыбкой встала. — Я ведь тоже воюю, хотя вся моя борьба в том, что ругаюсь дома со своими мужиками: одного утром никак в садик не соберешь, второго — домой не залучишь. Забудь его, Оленька, забудь, не достоин он тебя. Ну, извини. Побегу. Поправляйся! Мне еще в магазин надо успеть. Тебе ничего не нужно? Говори.

— Ничего не нужно. Все у меня куплено.

Валентина прощально тронула руку подруги и вышла. Мелькнул за окном ее зеленый платок, стукнула калитка.

Ольга отложила надкушенное яблоко, опустилась на подушку. Как идти на пленум? Ведь не объяснишь каждому, не возьмешь слово для справки.

Вдруг возникла мысль: а что если поехать в обком, попросить перевода в другое место? Заведующий отделом пропаганды обещал помощь в случае трудности. Он выслушает ее и поймет. Ехать в обком, только так! И не откладывая, с первым же поездом. Бегство? Нет! Просто выход.

Ольга подняла голову с подушки, повернулась на спину и тут же вынуждена была загородиться ладонью: в окно жарко смотрелось солнце. Чеканного листка тополя на стекле не было: видно, он оттаял и отпал. Под карнизом отчаянно чирикали воробьи. Ольгу неудержимо потянуло на воздух. Подчиняясь желанию, она встала, быстро собралась и вышла из дому. На крылечке остановилась. Арбузная утренняя свежесть зашекотала ноздри, до отказа наполнила легкие. Не отпуская влажных перил, Ольга огляделась. Солнце высоко плавало в густой

синеве неба. Земля, оттаивая, курилась дымкой. Ночной иней держался на тесовой крутой крыше сарая да под заборами с теневой стороны. Двор показался вдруг непривычно просторным. На миг Ольга задумалась, соображая в чем дело, и догадалась: тополь! Обнажился тополь. Еще вчера на нем были листья, и поэтому казалось, что он занимал во дворе много места. Ураганный ветер за одну ночь сорвал желто-зеленый наряд. Дерево стояло голое, взметнув вверх могучие сучья.

Ветром разметало опавшие листья по двору, и они желтели повсюду. Ольга, ступая, как по мягкому ковру, прошла через двор и огород к озеру; травянистый отлогий берег был утыкан ледяными иглами. Присела на камень, с которого черпали воду поливать огород. Обхватив руками колени, смотрела на подожденную солнечными бликами водную гладь, на дали за озером. В знакомом росчерке перелесков тоже угадывалось что-то непривычно новое. Там, далеко за озером, обнажились леса. Горизонт посветлел и отодвинулся.

И Ольга со всей отчетливостью почувствовала, что лето прошло. Сегодня буря и заморозок, завтра — снег. А она ни разу не искупалась в озере, ни разу не пришла сюда рано утром, когда солнце разжигает костер на небе и подернутая розоватым туманом вода при одном прикосновении придает бодрости.

В безотчетном порыве Ольга склонилась с камня, опустила руку в воду. И здесь плавали листья с тополя. Один желтый и широкий приник к камню. Ольга выловила его, мокрый положила на ладонь, улыбнулась грустно. Перед ее мысленным взором

как бы предстал круговорот, извечно совершающийся в природе. Осень. Замедляется приток живительных соков. И листья, лишенные питания, опадают. Зима леденит все. Оттого так стеклянно и вызванивает дерево под ударами топора. Все мертво. Но только до весны. Наступает тепло — и возрождается жизнь. Начинают свою неумолимую работу корни, набухают, наливаются неудержимой силой почки, и вот настает время, когда дерево внезапно одевается зеленым пухом листвы. Сначала дерево прозрачно, будто обтянуто кисеей. Но день-другой — и загустеет наумрудный наряд, заплещет под ветром молодая листва, и уже не проглянешь сквозь сплошную стену леса. Так и тополь... Придет лето, и зашумит на нем новая крона. Листопад. Опадают старые, отжившие свои листья, чтобы уступить место новым. Только листья.

Тихим, удивительно тихим был этот осенний солнечный день после бури. В центре села, возле Дома культуры, гремел репродуктор, а здесь можно было разобрать слова песни. На озере, далеко от берега, одинокий рыбак доставал сети, и слышно было, как о плеском уходит в воду его весло и постукивает о дощатый борт лодки глиняные грузила. Вот доносится заливающая трель колокольчика: в школе начинали урок. Потом вскрикнул паровоз. Доносились перестук колес. Он учащался и нарастал, сливаясь в сплошной грохот. Поезд уходил, набирая скорость. Путь его обозначался клубами белого дыма. Но вот паровоз вырвался из-за станционных построек. Замедлялись вагоны, унося на стеклах многочисленных окон солнце.

Она словно очнулась от этого далекого, но отчетливого перестука колес. Глянула на часы: ушел последний поезд. И странно, не почувствовала сожаления; наоборот — обрадовалась. Казалось, свалился тяжелый груз.

Ольга бросила лист, успевший подсохнуть на ладони, еще раз посмотрела на часы и решительно поднялась: до начала пленума оставалось тридцать минут.

Петров Борис Николаевич.
ЛИСТОПАД. Повесть. Алма-Ата,
издательство «Жазушы», 1964.
216 с.

Редактор Н. Муханова

Худож. редактор А. Гурьев

Художник А. Долгополов.

Тех. редактор П. Вальчук.

Корректор М. Кац

Сдано в набор 25/VI-64. Издат. № 206.
Подписано к печати 24/VIII-64 г. УГ02459.
Бумага 70×108¹/₃₂—6,75 п. л.—9,45 усл. п. л.
(Уч.-издат. 8,91 л.). Тираж 70000 экз.
Цена 37 коп.

Заказ № 1372. Полиграфкомбинат Главполи-
графпрома Государственного Комитета
Совета Министров Казахской ССР по
печати. Алма-Ата, ул. Пастера, 39.

37 коп.